

Второй всероссийский литературный конкурс
на основе творчества А.С. Малиновского

ЭКОЛОГИЯ ДУШИ

Литературная критика, эссе,
рассказы, стихотворения

Союз писателей России
Министерство культуры Самарской области
Совет ректоров высших учебных заведений
Самарской области
ФГБОУ ВО Самарский государственный
технический университет
Самарская областная писательская организация

ЭКОЛОГИЯ ДУШИ

*Литературная критика,
эссе, рассказы, стихотворения
на основе творческого наследия
Александра Станиславовича
Малиновского*

Самара
2025

Э 40

Экология души: Литературный сборник. — Самара: Самарская областная писательская организация, 2025. — 256 с.

Сборник «Экология души» составили литературоведческие работы и художественные произведения лауреатов второго всероссийского литературного конкурса «Экология души» 2025 года.

Основопологающей целью Конкурса является развитие традиций русской литературы, направленных на воспитание в человеке духовно-нравственного отношения к окружающему миру, в том числе и к самому человеку, на основе творческого наследия Александра Станиславовича Малиновского.

Всероссийский литературный конкурс «Экология души» проводится ежегодно. Актуальная информация о Конкурсе размещается на сайте mcenter@samgtu.ru в разделе «Конкурс».

Николай Иванов

*г. Москва,
Секретарь Союза писателей России*

Движение Души

Вступительное слово

Когда в прошлом году в Самаре мы подводили итоги конкурса «Экология души», организаторы, как мне показалось, с некоторой скромностью и осторожностью произносили слово «первый», так как это подразумевало продолжение, а получится ли?

Но уже тогда было понятно, что продолжение у этого, даже не скажу конкурса, а движения — будет. Это чувствовалось во всём. И в прекрасной встрече с

молодёжью, проходившей в Самарском техническом университете. Большая аудитория была переполнена, много вопросов, интерес к литературе, к текущей жизни вообще — всё это опровергало разговоры о том, что молодёжи нашей безразлично, что происходит в стране, что её интересуют компьютеры, карьера и соцсети... Всё это ложь — у нас замечательная, живая молодёжь, с которой можно смело идти в будущее и решать задачи, стоящие в настоящем. Движение чувствовалось и в том, как в Самаре относятся к прошлому. Мы возложили цветы к мемориальной доске, установленной на доме, где жил Александр Станиславович Малиновский, творчество которого и положило основание литературному конкурсу «Экология души», пообщались с супругой писателя — Ларисой Петровой. И вот это одномоментное ощущение и прошлого, и будущего — их неразрывная связь даёт уверенность в жизни настоящей. В том, что наше дело правое и движемся мы в правильном направлении.

И вот конкурс «Экология души» продолжил движение. И как! Более четырёхсот заявок на участие в конкурсе! Со всей России — от восточных земель, где восходит солнце, до новых территорий, которые возвращаются в родную гавань. И не только из России — из Ближнего и Дальнего зарубежья. Из стран дружественных и недружественных — везде есть отклик на то, о чём говорит Россия, а в данном случае она с Самарской земли призывает задуматься об экологии души. И как писатель и член жюри с радостью отмечаю уровень творческих работ, присланных на конкурс. Удивительно! Непосредственно ощущаешь, какой творческий подъём сейчас происходит в России. Да и, судя по географии поступивших работ, во всём мире.

И здесь я должен поблагодарить организаторов конкурса ещё и как один из руководителей Союза писателей России. В феврале у нас прошёл внеочередной съезд, который многие называли объединительным. Действительно, одна из задач Союза писателей России на сегодняшний момент — объединить все здоровые творческие силы нашего общества, чтобы сохранить в первую очередь духовно-нравственные основы нашего Отечества, которые наиболее полно и чётко осознаются и выражаются через Слово, высказываемое Русской литературой. И конкурс «Экология души», мне кажется, становится неотъемлемой частью жизни литературного сообщества России. Об этом говорит не только обширная география участников конкурса, но и их разные творческие подходы к заявленной теме, а главное — сопереживание ей.

Самарская земля становится одним из объединяющих факторов литературного процесса, а конкурс «Экология души» вышел за всероссийские рамки и получил международный статус. И я уверен — это наше общее движение к духовно-нравственному укреплению нашего Отечества.

Председатель жюри
Всероссийского литературного конкурса
«Экология души»
Николай Фёдорович Иванов

Александр Громов

*г. Самара,
Председатель Правления
Самарской областной организации*

Об организаторах, участниках, членах жюри и прочих ангелах

Хороший всё-таки конкурс «Экология души». Хорош он тем, что вольно-невольно заставляет возвращаться к творчеству Александра Малиновского. Вот не было бы этого конкурса, стал бы я перечитывать его произведения, размышлять о его творческом пути, о жизни вообще, вспо-

минать... Как-то спросил Александра Станиславовича: «Как вы всё успеваете?» Он ведь, и правда, даже после того, как оставил руководство крупнейшими заводами, продолжал колоссально много работать: это и преподавание в ведущем самарском университете, которое требовало немалой подготовки, это и само творчество, а, например, когда Александр Станиславович готовил свою последнюю книгу «Сага о первооткрывателях», он разыскал и изучил столько материала, что его хватило бы иному автору не на одну книгу, а у него отзывалось это штришками, эпизодами... Александр Станиславович то ли пошутил, то ли правду сказал: «Да сплю по два часа». Сейчас мне почему-то кажется, что он просто не хотел об этом говорить, даже задумываться не хотел: как всё успевается? Ну, работаю и всё тут. Живу этим. Я пробовал по два часа-то спать — долго не продержался.

И вот сейчас, когда конкурс (тут ещё спасибо большое организаторам, но о них после) снова привёл к творчеству и жизни Малиновского, я с ясной силой осознал, собственно, то, что уже и проговаривал раньше, но тут действительно утвердился в этом: у Александра Малиновского был в земной жизни ангел-хранитель, который вёл его, но самое главное — Александр Малиновский чувствовал это, знал и шёл дорогой, которую освящал ангел. А тот укреплял его. И этим ангелом-хранителем для Александра Малиновского являлся родившийся без рук, без ног художник-иконописец Григорий Журавлёв. Об их взаимном сочетании, переплетении, помощи можно писать много, только я был свидетелем стольких удивительных, не объяснимых привычными логикой и рассуждениями событий, что тут книгу писать надо, и грех на мне будет, если не напишу, но, видимо, не сейчас.

Сейчас вот о чём: когда вспомнились труды и дела Александра Малиновского, я вдруг — бывают такие вспышки, потому слово «вдруг» так любимо русскими писателями — понял, что у конкурса «Экология души» тоже есть свой ангел-хранитель. Ну, потому что я не могу объяснить обычным

разумением, как это всё происходит и как это всё удаётся. Да, я знаю, какую колоссальную работу проводят организаторы. Но можно и в три раза больше работать, можно вообще спать не ложиться, но если не будет спешествующего ангела, то... «если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его» (Пс. 126:1).

И этим ангелом-хранителем, водящим устроителей, является Александр Станиславович Малиновский.

А я не могу иначе объяснить, как вдруг количество присланных на конкурс работ увеличилось в семь раз и дошло почти до полутысячи. И при этом качество работ точно на порядок выше. А как выросла география участников! Мы всегда привыкли хвалиться, что вот де Америка и Израиль участвуют, а меня приводят в восторг работы, присланные из сёл, деревень, из районных центров русской глубинки. И опять же — какие работы! Я как редактор литературного журнала начал было отмечать авторов, которых можно было бы пригласить к сотрудничеству в журнале, а потом понял, что на всех журнальных площадей не хватит. И действительно, когда собрались на подведение итогов, противоречивые чувства буквально терзали: хотелось и этого оставить, и того, но рамки конкурса не позволяли, и это было трагично, а с другой стороны, сердце радостно трепетало от того, что вот она Россия — талантливая, искренняя и чистая душой.

А как удалось собрать такой состав жюри конкурса?! Честно, скажу, я сомневался и говорил организаторам: да ладно, сейчас люди настолько заняты, а тут столько читать, да и сроки жёсткие, и своих дел полно... Но все ведь откликнулись! Для меня это настоящее чудо, потому что знаю, насколько трудно включить в свою повседневную литературную жизнь ещё и участие в таком широкомасштабном конкурсе.

Тут как без Малиновского, как без его «два часа сплю»? И мне кажется, организаторы тоже, как и сам Малиновский ощущал своего ангела-хранителя, общался с ним,—

так же ощущают и Александра Малиновского. Как реального участника процесса. И эта таинственная, сокрытая от внешнего мира связь, находит воплощение в реальной жизни. И тоже чудесным образом. Ну, не чудо ли, что на родине Александра Станиславовича Малиновского установлен его бюст. Это, надо признать, единственный памятник на территории Самарской области писателю. Ну, есть памятник Пушкину. Это понятно: куда мы без Александра Сергеевича — это начало современной русской литературы. И вот теперь есть памятник другому Александру — Малиновскому, есть памятник Аксакову, Толстому. Может быть, стоит сказать, что установлен в том числе на средства земляков — жителей Утёвки? А ещё в Утёвке появилась улица Александра Малиновского. Причём улица новая, на которой строятся новые дома. Новые! Вы понимаете?! Жизнь продолжается. Вот так — вместе с ангелами.

Конечно, ангелы, они не только откуда-то из иных миров помогают нам. Они и земное воплощение имеют. Александра Станиславовича ведь не только Григорий Журавлёв укреплял, его вполне осязаемый земной ангел за руку держал — супруга Лариса Петровна. Это, конечно, тоже заслужить надо. И если опять говорить о конкурсе «Экология души», то ведь не только Александр Малиновский ведёт его, но и колоссальную работу проделывают организаторы конкурса, тут всем низкий поклон — от Юлии Александровны до неизвестных мне помощников, принимавших работы, составлявших списки, связывающихся с авторами и т.д., и т.п. Я и представить не могу, с чем приходилось и приходится сталкиваться во время подготовки конкурса. Конечно же поклон членам жюри. В первую очередь за отношение. И в этом отношении была подлинная Любовь, без которой не живёт всякая Душа.

А что касается ангела-хранителя, то он есть у каждого. Он рядом. Надо только почувствовать его и начать с ним разговаривать.

Члены жюри о конкурсе

* * *

Работы, предоставленные на конкурс «Экология души», очень разные, написанные, опять же, очень разными людьми. Подчас, к слову, как это и бывает, за текстами узнаёшь биографии авторов, сверяешься и понимаешь, что был прав. Однако все эти темы преимущественно объединяет одна тема — Испытания души в трудных или даже критических, пограничных ситуациях. В работах конкурса человек, как правило, выходит победителем. В жизни зачастую всё иначе.

Что ещё важно отметить. Большинство авторов верно классической традиции русской литературы. Минимум экспериментов в их работах. При этом наиболее удачными работами мне показались те, где авторы постарались нащупать личное, говорить своим голосом. Эти произведения я выделил особо.

Платон Беседин

* * *

Каждый человек по природе своей — существо создающее. Но чтобы «активировать» творческое начало, нам часто нужен внешний импульс, эмоциональный триггер, божественный глагол. Участники конкурса «Экология души» черпали вдохновение в литературном наследии Александра Малиновского, что само по себе определяет непреходящую эстетическую и гуманистическую ценность конкурсных произведений. Сюжеты лучших из них резонируют с вечными духовно-нравственными поисками русских писателей, преисполнены невероятно светоносными переживаниями и верой в простых людей, наших современников.

менников. Не в этом ли источник преобразующей силы словесного творчества?

Максим Ерёмин

* * *

Обилие поступивших на конкурс материалов — наглядное свидетельство того, что он нужен очень многим, что безупречно была определена его тема «Экология души». Погрузившись в чтение рассказов, эссе, стихов, ощутил мощную тёплую волну ярких эмоций и воспоминаний. Многие произведения вызвали чувство глубокой благодарности за пронзительное желание авторов спасти нас от одиночества и неправильных поступков, помочь нам сохранить экологию души и веру в нужность и силу добра.

Александр Завальный

* * *

Лучшие произведения, присланные на конкурс «Экология души», полностью оправдывают его название. Стихи и проза авторов посвящены сбережению души, всего лучшего, что сохраняет в человеке человека.

Разговор о вере и памяти, любви и преданности, чести и честности, Родине и природе у каждого получился искренним, самобытным, пронзительным. Порадовало, что многое из представленного посвящено «мысли семейной»: родству, материнству, отцовству, сыновству. Без этого экология человеческой души невозможна.

Заметно, что в старшей возрастной категории авторы следуют лучшим образцам русской литературы, прежде всего, второй половины XX века. У прозаиков угадывается любовь к Астафьеву, Распутину, Трифонову, Казакову, у поэтов — к Твардовскому, Рубцову, Шкляревскому. Здесь важнее следование традиции, нежели какой-то эстетический поиск.

Напротив, среди молодых есть стремление к оригинальной форме, но без постмодернистских перекосов. Содержание, смысл от таких поисков не страдают, а только обогащаются. У лучших поэтов в этой номинации уже можно различить особую интонацию, которая рождена нынешним веком.

В целом литературный конкурс «Экология души» держит высокую творческую планку. На такой уровень следует ровняться иным литературным конкурсам. Отрадно, что по итогам этого года удалось открыть новых талантливых авторов и отметить их призовыми местами.

Михаил Кильдяшов

* * *

Экология души — казалось бы, два простых слова, но, объединившись, приобретают совершенно непонятный подчас и сложный смысл. Что это? Чистота души или, может быть, защита души... И души кого? Человека? А может быть, души природы? И как хорошо, что есть книги и слова человека, который понимал смысл этого словосочетания. Как хорошо, что есть люди (отрадно, что и очень молодые!), которые, вдохновлённые произведениями Александра Станиславовича Малиновского, продолжают искать и помогают нам в понимании смысла этих слов.

Очень хотелось бы, что бы наши дети учились принятию себя и мира на тех произведениях и тех авторах, которые несут уважение и любовь к природе, к своему родному краю — малой Родине, к человеку как личности с юного возраста! Именно такие книги писал Александр Станиславович! Сам будучи выдающимся учёным и литератором, он всегда оставался очень простым и радушным человеком. И спасибо организаторам конкурса «Экология души» за память о нём и возможность приобщиться к простому и одновременно великому СЛОВУ!

Алина Копнина

* * *

В целом конкурс «Экология души» выполняет задачу литературной школы, в которой хорошее соседствует с более уязвимым и при этом способствует повышению уровня художественного мастерства совсем молодого и более старшего автора. Необходимо издать итоговый сборник произведений лауреатов конкурса для того, чтобы его авторы могли зримо сопоставлять свои творческие работы с произведениями соучастников этого проекта. И в дальнейшем становиться более умелыми поэтами и прозаиками, эссеистами, совмещая нравственные координаты души с её индивидуальными, ни на что иное не похожими чертами и деталями.

Вячеслав Лютый

* * *

Авторы лучших произведений, представленных на конкурс «Экология души», стремясь сказать своё непохожее слово, опираются на традиции родной и всечеловеческой культуры. Они исходят из того, что художественная новизна не прыжок в пустоту, а движение по дороге, проложенной предшественниками, предвидевшими нас и в какой-то мере предуготовившими наши судьбы в муках страданий и радостных взлётах вдохновения.

Алексей Молько

* * *

Поучаствовать в этом конкурсе — не на верность присягнуть и не грудь колесом выпятить, а совпасть в правде, какой она вдруг открылась человеку внимательному и неторопливому, каким был и каким запомнился многим знавшим Александра Станиславовича Малиновского. И кому-то эта правда открылась, а кто-то подошёл к ней совсем близко, подошёл — и остановился около неё, не решившись пока сделать ещё один шаг в её сторону. Запомнились мне стихи Александра Страшинского из Ярославля и Николая

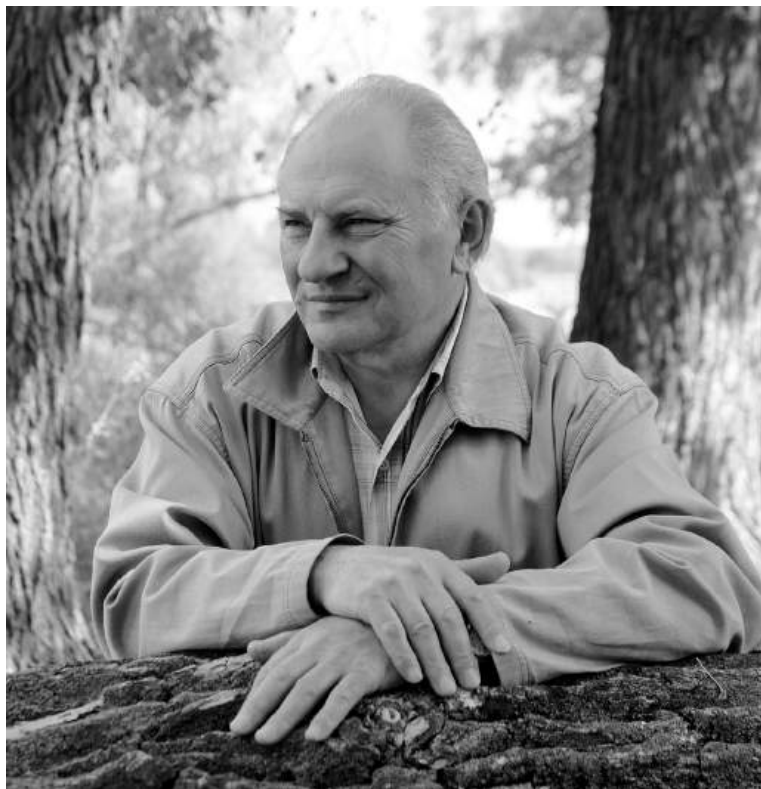
Хрипкова из-под Новосибирска, проза Татьяны Летуновой из Ростова-на-Дону и Тамары Крюковой из Москвы, ещё некоторые другие. Запомнились, потому что не шутки ради и не забавы для они написаны, написаны правдиво, иногда — тонко, почти всегда — бережно. Писательское дело ведь вообще бережливое: плотник — тот лишнего гвоздя не вобьёт, ему не гвоздя жалко — дерева, так и писатель словами не разбрасывается, а мастерит из слов нежно и надёжно. Такова проза Александра Малиновского, таковы, к счастью, и некоторые из работ, присланные авторами на посвящённый его памяти конкурс.

Что сказать мне о самом нынешнем конкурсе? Вот он уже и второй, а второй — это история и это две точки, через которые можно провести прямую. Это хорошо, это значит, что у этого конкурса есть все шансы обрести свою биографию, свою историю. Очень мне жаль, что на этом втором конкурсе уже не будет работ Вадима Карасёва, да и сам Вадим Николаевич уже на него не заглянет. Но — жизнь есть жизнь, и всё живое когда-нибудь уходит. Может быть, в будущем в конкурсе «Экология души» стоит учредить малую сеньскую номинацию, посвящённую и ему тоже? Он ценил написанное Малиновским, писал о нём, думал, — мне кажется, это было бы справедливо.

А в заключение я хочу поблагодарить близких Александра Станиславовича, его супругу Ларису Петровну и дочь Юлию Александровну. Никакой конкурс не в силах заменить им мужа и отца, но мне кажется, что они хорошо понимают, что уныние — грех, а живёт человек, чтобы трудиться и радоваться. Этому учил нас и Александр Станиславович Малиновский, уроки которого мы стараемся усваивать в меру наших сил и понимания.

Михаил Перепёлкин

Александр Станиславович Малиновский

Рассказы

Из книги «Голоса на обочине»

Александр Станиславович Малиновский – русский писатель, поэт, учёный и инженер.

Родился 20 февраля 1944 года в селе Утёвка Куйбышевской области в крестьянской семье.

В 1967 году Александр Станиславович окончил Куйбышевский политехнический институт и получил диплом инженера-технолога по специальности «Технология основного органического нефтехимического синтеза».

После окончания института Малиновский работал на Куйбышевском (Самарском) заводе синтетического спирта, где прошел путь от рабочего (с 1967) до генерального директора (1984–1999 гг.). С 1999 года – генеральный директор ОАО «Новокуйбышевский нефтехимический комбинат» (позже ЗАО «Новокуйбышевская нефтехимическая компания»). За свою трудовую деятельность Александр Малиновский награжден премией Совета Министров СССР (1990).

В 1985 году без отрыва от производства защитил кандидатскую, а в 1992 году докторскую диссертацию, является заслуженным изобретателем России (1994), почётным нефтехимиком (1992), почётным химиком (1999), заслуженным инженером России (2000).

С 2007 по 2016 год – профессор кафедры «Химическая технология и промышленная экология» Самарского государственного технического университета.

Перу Александра Станиславовича принадлежат как поэтические, так и прозаические произведения. Он является автором более сорока книг, в том числе поэтических сборников и книг для детей. Как поэт Александр Малиновский дебютировал в 1970 году в газете «Волжский комсомолец». С тех пор он публиковался в периодических изданиях, выпускал собственные книги.

В 2021 году вышло полное собрание сочинений Александра Станиславовича Малиновского в 7-ми томах. Александр Станиславович является членом Союза писателей России с 1996 года.

Малиновский Александр Станиславович удостоен всероссийских литературных премий «Русская повесть» (2000), имени В. Шукшина (2002), «Имперская культура» (2004), имени П. Ершова (2011), имени И. Шмелёва (2011), является лауреатом Губернской премии в области культуры и искусства, награждён медалью Преподобного Сергия Радонежского I степени Русской Православной Церкви (2000) и Почётным знаком «За труд во благо земли Самарской» (2014).

Александр Станиславович Малиновский ушёл из жизни 26 ноября 2017 года.

На ресурсе <http://malinovsky-as.ru> размещена более полная информация об А.С. Малиновском, представлены его произведения, документальные фильмы о нём, с его участием и по его книгам.

Тучки небесные

Случилось это осенью сорок четвёртого года.

Мне шесть лет. Лежу утром на печке. Через маленькое оконце во двор к соседям Ключевым смотрю, как через иллюминатор подводной лодки. Там во дворе туман и сумрак. Начинаю фантазировать. Угрюмая саманная банька с кривой трубой в конце двора начинает казаться мне частью выплывающей вражеской подлодки. Почерневшая калитка похожа на вход в подводный туннель...

Вдруг слышу всхлипывание. Плачет мама. Быстро одной ногой — на приступок, другой — на холодный пол.

Мама сидит около шестка, смотрит на костерок в печи:

— Мам, ты чё?

Она оборачивается ко мне. Я вижу её заплаканное, как у маленькой девочки лицо.

Молвит тихо, необычно пристально глядя мне в глаза:

— Иди ко мне, сынок.

Я подхожу совсем близко, не понимая в чём дело.

— Вот видишь, — говорит она и показывает в печь, — дым уходит в трубу. А потом — в небо. А там, в небушке, он попадает в тучки. — Она многозначительно поднимает указательный палец над своей головой.

Я слушаю и не могу сообразить, о чем она?

— А тучки гуляют по всему свету. Они странники! — сказала, так и посмотрела на меня в упор.

— И чё, мам? — не выдерживаю я.

— Эти тучки, могут увидеть нашего отца на фронте! — голос у неё становится вкрадчивым, незнакомым...

Я вздрагиваю. Мне становится не по себе.

— И чё? — терзаюсь я.

— Проси отца, чтобы он не печалился за нас. Мы-то выдюжим. Только бы он остался целым. И вернулся домой. Говори это дыму, а он передаст через тучки отцу на фронт. Помнишь, как он всегда любил смотреть на небо, на тучки небесные. Не знай как там теперь, на войне?.. смотрит ли в небо?.. Но ты говори! Чтобы он знал: мы его ждём!

— Мамочка, ты заболела? — вырывается у меня.

Она, сверкнув глазами, требует:

— Говори!

Я невольно подчиняюсь. Под прожигающим взглядом её немигающих глаз начинаю твердить как молитву:

— Папочка, родненький! Мы помним тебя! Мы ждём тебя! Возвращайся!

У меня начинает дрожать голос, губы деревенеют.

Смотрю в мамино лицо, в нем ни кровинки. Одни глаза мерцают бездонно. Я в них растворяюсь как в дыме. Уже не чувствую себя. Я весь во власти мамы...

Мама кивает мне одобрительно. И я снова обращаюсь к дыму, к папе:

— Бей этих гадов немцев! Не давай им спуска. Победи и скорее возвращайся домой!

Мне кажется, что сказано мало. Я добавляю:

— Силы небесные, тучки гремучие, разразите врагов наших насмерть. А папе помогите!

Я ещё что-то говорю. Тороплюсь. Ведь дрова уже догорают в печи... Скоро дым кончится. А тучи могут уйти... Шлю скороговоркой страшные проклятия немцам, которых никогда не видел... Я не могу уже говорить членораздельно. Начинаю мычать. Меня трясёт... Мама обнимает меня. Мы плачем...

Писем от отца так и не было.

А вскоре я увидел живых немцев, пленных. Они шли вдоль нашего огорода колонной. К водокачке, от которой потом начали копать траншею для труб, чтобы подать воду на железнодорожную станцию.

Немцы шли понуро. Передо мной мелькали неприличные, щетинистые лица.

Вели их всего четверо наших солдат, по два с каждой стороны. Злость нашла на меня. «Ах вы! Я вам!.. За всё!..»

Не помня себя, я схватил ком глины. Увесистый такой! И с силой швырнул в ближайшего тонкошеего фрица, замаячившего передо мной, как вышелушенный, болтающийся из стороны в сторону, подсолнух. Немец вяло попытался уклониться. Удар пришёлся по спине. Глухо шмякнулась глина о серую шинель.

Фриц споткнулся... Это подхлестнуло меня, я бросился за следующим комом рыжей глины. Никто не крикнул, никто ничего не сказал...

Сильная оплеуха мотнула меня в сторону. Я обернулся. За моей спиной стояла моя мама. В левой руке у неё был узелок с варёными мелкими картофелинами.

Край колонны смешался, замелькали протянутые руки... Мама приблизилась к идущим по дороге. Отдав узелок в толпу, отошла в сторону.

Когда я вновь взглянул на маму, она молилась. Я не мог понять, зачем она это делает? За кого молится? Теперь она стояла у дороги на возвышении. Изможденная, в полный рост. Моросил дождь.

— Может и наш отец вот так? Не дай Бог... — сказала она, глядя в хвост уходящей колонны. И снова начала молиться.

А серая вереница сгорбленных чужих людей, мало похожих на громких завоевателей, как едкая гусеница ползла по осклизлой осенней дороге.

И никто из немцев не смотрел в небо, как это делал мой отец. Они будто боялись, что набухшие осенней тяжелой влагой тучи, не выдержат всей тяжести проклятий, которые я наговорил перед печкой. И обрушат карающий поток свой! И этот поток смоем разом всех немцев с нашего высокого волжского берега.

И не будет, невесть откуда взявшейся у нас тут этой жуткой колонны...

...А вдоль дороги под дождём стояли, как и моя мама, другие наши женщины. Кто в куртёнках, кто в фуфайках. Как статуи. Только живые. Смотрели молча со своей высоты. Одни женщины просто стояли. Иные молились.

Мужчин у нас на нашей улице не было. Все на войне. Кроме бородатого деда Ивана Саушкина. Он ещё на 1-ой Германской войне потерял обе ноги. В последнее время дед Иван редко выезжал на своей тележке за ворота. А в такую осеннюю слякоть и вовсе не смог...

Когда война закончилась

Когда война закончилась, на строительство дороги «Куйбышев-Москва» пригнали пленных немцев. На асфальтовом заводе три дома трёхэтажных было. Жили там местные. Магазин рядом. Мы ходили иногда за покупками. Такая грязища кругом, ужас! Как жили?

Немцы чистоту навели. Дом, в котором они размещались, побелили. Держали их за тремя рядами колючей проволоки под охраной. И на работу возили под охраной.

Рядом клёны здоровенные росли. Они у клёнов этих стволы побелили. Землю вокруг вскопали, цветочки посадили. Простые: ноготки, ещё какие-то. Против прежнего там рай стал.

Дом стоял торцом к дороге. Написали на стене чёрными буквами на белом: «Мы победили!» Все идут и смеются: «Они победили?»

Одноклассница Надька Петрунина принесла в класс фотографию немца. Молоденький совсем, а рядом сестра и мать его. Пленные немцы на свои фотографии хлеб выменивали. Больше у них уже ничего не было.

Говорю Надьке:

— Зачем тебе его фотография? У него она — память. Лучше бы уж дала хлеба так, без ничего.

— Мне его жалко, — отвечает, — он сказал, что не по своей воле пошёл воевать. У него глаза такие: я верю, он хороший. Ещё говорит, что скоро умрёт. Просил очень сохранить фотографию. Если родственники будут разыскивать его когда, показать её. Я обещала. Он так верит, что все образумятся. Придёт время, когда войн совсем не будет. А будет общий мир! Люди поумнеют. Только, сказал, уже без него. Видишь, на обороте его имя есть.

Мне захотелось посмотреть на этого немца. Мы с Надькой пошли к бараку. Но поздно. Скрюченный весь, глазастый немец сказал, что Вернер ночью умер. Закопали его в овраге. Там рядом этих оврагов было полно. Зима. Метель. Пойдёшь, что ли, туда? Страшно.

* * *

Уже летом пошла я козам за травой. Смотрю, в овраге такая она зелёная. Я с мешком и серпом — туда. Только спустилась, как заору. Бегом оттуда. Выбежала, вся трясусь. Там, внизу, в рвине этой, скелет человека лежит. Видно, зи-

мой долбить пленным тяжело было землю, слабые. Вот они его в снег и закопали.

Выбежала я наверх с пустым мешком и серпом. Еле отдышалась. Стою, не ухожу. Смотрю и смотрю туда, в овраг. Толкает меня ещё посмотреть. Спустилась. Лежит. Все кости целёхонькие. Когда пришла, рассказала Надьке. Втемяшилось ей, что это Вернер. И всё тут. Сильно плакала. Ходила в этот овраг без меня. У неё брат родной без вести пропал на войне. Может, оттого она так...

* * *

Потом уж, когда я в собесе работала, приходят двое мужчин к главбухше нашей:

— Вы, — спрашивают, — когда здесь пленные немцы были, работали при них?

— Да, — говорит, — работала. В трудовой книжке запись есть.

— Можете показать, где их хоронили?

— Конечно, — отвечает Ксения Ивановна.

Ходила, показывала.

Она потом говорила, что в Германии ищут своих. Вот и приехали эти двое.

Вот бы фотографию Вернера показать. Да Надькин след простыл. Уехала куда-то. А куда, никто из нас не знал.

Потом комиссия работала. Говорили, что вроде нашли захоронений одно количество, а по документам — другое. Несоответствие большое. Известно, как хоронили.

Кто кого у нас больно считал? И наших, и не наших...

**Лауреаты конкурса
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2025 года**

«Проза»

**Возрастная категория
старше 35 лет**

1 место

Тамара Крюкова

г. Москва

Обещание

Рассказ

Ночью шёл дождь. Он что-то нашёптывал, навевая дрёму, шуршал, перебирая мокрые листья, тихонько постукивал по крыше. Ему вторило тиканье старых часов-ходиков. Шум дождя убаюкивал. Глаза слипались. Дениска вслушивался в шелест дождя и наблюдал, как подсвеченные фонарём капли наперегонки стекают по стеклу.

Впереди было целое лето. Дениска любил гостить у бабушки, но этих каникул он ждал особенно. Прежде бабушка

его одного никуда не отпускала, вечно говорила: «Вот подрастёшь, тогда и будешь сам с усам». А теперь он перешёл в третий класс. Десять лет — куда уж взрослее! Каникулы обещали быть интересными.

К утру дождик тихо, на цыпочках, удалился. Солнце заглянуло в комнату, погладило спящего мальчишку тёплыми ладонями по щекам и пощекотало ресницы. Дениска открыл глаза и на мгновение зажмурился от яркого света, а потом губы сами собой растянулись в улыбке. Он снова в деревне.

С ковра на стене на него смотрел знакомый олень.

— Привет, я приехал, — прошептал ему Дениска.

Пахло сдобой и яблоками. По полу растеклись медовые капли солнца. На душе было сладко-сладко.

После завтрака Дениска собрался к соседям, где жила его подружка, Танюша. Он привёз ей шоколадного зайца и набор наклеек, но его ждало разочарование. Танюша уехала на целый месяц в летний лагерь.

Чтобы день не пропал зря, Дениска решил обследовать чердак. Вот где была настоящая сокровищница! Поднимаясь по приставной лестнице, Дениска воображал, будто он лихой моряк и ему ничего не стоит залезть на самую высокую мачту. Дверца со скрипом открылась, приглашая в таинственный полумрак. Дениска чихнул. На чердаке прибирались нечасто. Густо пахло пылью. Солнце с трудом просеивалось через круглое оконце, похожее на иллюминатор корабля. Немытое стекло приглушало солнечные лучи, делая их загадочными, словно они пробивались сквозь толщу воды. В лучах плавали мелкие рыбёшки пылинок.

Дениска по-хозяйски прошёлся по чердаку. Удивительно, сколько здесь нужных и полезных вещей. Взрослые порой выкидывают то, что находчивому человеку вполне может пригодиться. Взять, к примеру, шахматы. В них не хватало всего двух фигур. Или подшивки старых журналов, перетянутые бечёвкой. Среди взрослых журналов «Здоровье», «Огонёк», «Наука и жизнь» попала и древняя под-

писка «Мурзилки» за 1998 год. Дениска отложил её, чтобы взять с собой вниз и почитать, сидя на качелях.

В углу стоял старинный чемодан, без колёсиков, с железными уголками. Дениска щёлкнул замками и понял, что наткнулся на настоящий клад. Тут хранились старые игрушки, в которые играл ещё его папа: солдатики, детальки Лего, полуразвалившиеся поделки из шишек и пластилина. Среди прочих богатств нашлась коробочка с картинками на пластмассовых кружочках: то ли лото, то ли ещё какая-то игра. Дениска попытался догадаться, в чём их назначение, но потом решил спросить у бабушки.

Бабушка во дворе кормила кур. Заходить в загон Дениска опасался из-за драчливого петуха. Мало ли что тому взбредёт в голову. Он издалека показал кружочки:

— Ба, а это что?

— Это игра такая. Сотка. Твой отец с друзьями играл.

— А как?

— Да я уж толком не помню. Инструкция-то есть?

— Там мелко, — пожаловался Дениска.

— Ну, так ты глазастый. Поди, лучше моего видишь. Чай, не маленький.

Раньше Дениска дожидался бы, пока бабушка освободится, но теперь он был уже взрослый, мог разобраться и сам. Оказалось, играть в «Сотку» совсем не сложно: надо по очереди разбивать стопку фишек с помощью биты, чтобы перевернуть как можно больше.

Вернувшись из курятника, бабушка одобрительно кивнула:

— Разобрался? Вот и играй. Всё лучше, чем в телефон пялиться.

— Одному скучно. Давай вместе? — предложил Дениска.

Сыграли пару партий. Оба раза бабушка позорно проиграла, а потом сказала, что ей нужно варить борщ.

— Ну, ба, — заканючил Дениска.

— Не проси. Небось как проголодаешься, прибежишь: чего кушать? Обед сам не приготовится.

Играть одному было не так интересно. Дениска взгрустнул. Помимо Танюши, ровесников поблизости не было.

— Поди на соседнюю улицу. Там вроде дом купили какие-то дачники, и у них дети, — подсказала бабушка.

Раньше она не разрешала Дениске шагу ступить за порог, но теперь он мог ходить самостоятельно. Хорошо быть взрослым!

В деревне мало кто ставил высокие глухие заборы. Дворы огораживали штакетником, чтобы можно было и с людьми поговорить, и на улицу посмотреть. Подойдя к нужному дому, Дениска услышал ребячьи голоса. Во дворе двое мальчишек и девочка играли в прятки. Он несколько раз прошёл мимо забора в надежде, что ребята его заметят и позовут, не напрашиваться же самому. Его заметили, но звать не торопились. Ребята прекратили игру и ушли на мальчишку на улице. Дениска нарочито отвернулся, мол, не очень-то и надо.

В это время из окна выглянула женщина и позвала детей есть черешню. Ребята убежали в дом. Торчать на улице было глупо, и Дениска поплёлся на детскую площадку, но сейчас там никого не было. Каникулы начинались совсем не так весело, как он надеялся. Он расположился на скамейке и стал играть сам с собой, в ожидании, когда подойдёт кто-нибудь из прошлогодних знакомых.

— Эй, малой, везёт в игре? — услышал он насмешливый голос.

Дениска обернулся и увидел парня в камуфляжных штанах, как у спецназовцев, и таком же жилете, надетом на голое тело. С ним было ещё двое старшекласников: один — невысокого роста, смуглый, вертявый, в чёрной футболке со зловещей черепушкой на груди, а другой — здоровенный дитина с веснушчатым лицом, в бейсболке, надетой задом-наперёд. Парни выглядели немного устрашающе. Обычно взрослые ребята не замечали младших, и такое внимание не сулило ничего хорошего.

— Тебя как зовут? — подбрасывая фишку, спросил «спецназовец».

— Денис, — робко пролепетал Дениска.

— Я Толян, — представился парень и кивнул в сторону друзей, — а это Жупел и Пеликан. Ну, что, в игру возьмёшь?

Дениска судорожно сглотнул. Парни выглядели миролюбиво. Неужели они в самом деле хотят с ним играть? От волнения у него во рту пересохло. Даже голос пропал. Дениска молча кивнул.

— Чё такой молчаливый? Не дрейфь, мы ж свои. Ты чей?

— Я к бабушке приехал, к Вере Ивановне.

— Ну, как же! Кто ж Вер Иванну не знает. И где она живёт? — продолжал расспрос Толян.

— На Школьной.

— Вот я тормоз! Конечно, на Школьной, — стукнул себя по лбу «спецназовец».

Дениска приободрился, значит, парни, и правда, свои, если знают бабушку.

— А это тебе от папки досталось? — кивнул парень на игру.

— Да. На чердаке нашёл.

— Мой брат тоже резался, когда пацаном был, — сказал смуглый, по кличке Жупел.

— Ну, так чё, играем или как? — спросил Толян.

— Играем, — согласился Дениска, всё еще не веря, что взрослые снизойдут до игры с ним. Он стал складывать фишки в стопки, но Толян его остановил:

— Харе. Пошли отсюда. Тут одни лохи торчат. Мы тебе место для людей покажем.

Он дружески хлопнул Дениску по плечу.

Дениска не мог поверить, что всё это происходит с ним на самом деле: такие крутые ребята принимают его как своего. Он собрал фишки и последовал за новыми знакомыми. От радости ему казалось, что он стал лёгким, как воздушный шарик. Стоит подпрыгнуть и полетишь над домами с резными наличниками, над садами с умытой листвой. Ему хотелось пуститься вскачь, но он сдерживался. Коли тебя приняли во взрослую компанию, то надо вести себя солидно.

По мере того как ребята удалялись от дома, к радости примешивалась толика беспокойства. Вряд ли бабушке понравится, если он уйдёт слишком далеко. Но, с другой стороны, он же не один, а с хорошими ребятами. К тому же они свои, бабушку знают.

Наконец Дениска набрался храбрости спросить:

— А куда мы идём?

— Тут рядом. За водокачкой. Наше место. Туда без разрешения никто не суётся, — сказал Толян и добавил: — Так что ты теперь типа член закрытого клуба. Сечёшь момент?

«Член закрытого клуба» раздулся от гордости. Ради этого стоило обойти запрет и пройти дальше, чем ему разрешалось. К тому же он знал эти места. Они с бабушкой не раз проходили мимо водокачки по дороге в лес.

За водокачкой асфальтированная дорога кончалась и начиналась просёлочная, через луг. Меж разнотравья тут и там высились куртины малинника. Чуть погода там вызреют самые крупные и сладкие ягоды.

После вчерашнего дождя дорога размокла. Между колдобин блестели синие лоскуты луж, как будто на землю упали осколки неба. Через дыру в прогнившем штакетнике ребята пролезли в заросший бурьяном сад.

Заброшенный двор зарос крапивой и диким виноградом. Он давно стал частью пейзажа. Посреди двора сгорбился почерневший от древности сруб. Он врос в землю, так что давно не мытые оконца оказались почти вровень с сорняками. Солнечный свет уже не зажигал в них искру жизни. Крыша местами провалилась, обнажив гнилые стропила, похожие на рёбра доисторического животного. Даже деревья в саду напоминали стариков с искалеченными артритом суставами.

Обжитым оказался только участок возле веранды. Под навесом висел рукомойник с ведром. Рядом стоял допотопный стол и несколько разномастных стульев: один деревянный и четыре пластиковых, смотревшихся здесь инородными.

Возле веранды два бревна заменяли скамейки, а между ними кучка обугленных головёшек указывала на место костра.

Парни по-хозяйски расположились вокруг стола. Толян достал пачку сигарет и предложил Дениске:

— Курнёшь?

— Я не курю, — помотал головой мальчишка.

— Он бросил, — пошутил Жупел, и ребята дружно засмеялись, а Толян примирительно сказал:

— Не парься, пацан. Чего ты напрягся? Я ж не заставляю. Я уважаю здоровый образ жизни. Это я предложил типа из вежливости, усёк?

Дениска молча кивнул. Он всё ещё робел и не понимал, как надо себя вести. В глубине души он знал: бабушке не понравится, что он ходил за водокачку и лазил на чужой участок, пусть даже заброшенный. Но можно ведь об этом не говорить, если она не спросит. Зачем волновать её понапрасну? Что с ним случится, когда он со взрослыми ребятами?

— Ну, чё, показывай, что у тебя за игра, — подбодрил его Толян.

Денис достал фишки. Играть с парнями было куда интереснее, чем с бабушкой. После нескольких партий Толян вдруг сказал:

— Харе. На интерес играют только лохи. Чё мы, детский сад? Давайте на бабки сыграем.

Предложение Толяна Дениску не обрадовало.

— У меня нет денег, — сник он.

— Всё путём, — успокоил его Толян. — Игра твоя? Твоя. Считаю, что мы тебе платим за то, что играем. Типа ты внёс первичный капитал. А там, если повезёт, всё, что выиграешь, твоё. Скидываемся по полтиннику, — подмигнул он друзьям.

— Не вопрос. Только с наликом туго, — сказал Жупел.

— Можно расписать, — сказал Толян и достал из кармана смятый листок. — Ручка у кого есть?

— Мы чё, писатели?! — фыркнул Пеликан, но Толян не привык сдаваться. Он огляделся, нашёл ржавый гвоздь и вручил его Пеликану: — Держи, писатель. На земле будешь корябать.

— А чего я? — возразил было здоровяк.

— Почерк вырабатывай, — ухмыльнулся Жупел.

Все дружно рассмеялись. Дениска тоже попытался симитировать смех, хотя особой радости не чувствовал. В глубине души он понимал, что бабушка точно не одобрит игру на деньги. Но нельзя же ломаться, если взрослые ребята приглашают.

— Играем по десятичке, — сказал Толян и подмигнул Дениске: — Прикинь, ты вообще олигарх. У тебя сто пятьдесят хрустов форы.

Дениска расслабился. Ставка была мелкой, практически понарошечной. Стоило ли переживать?

Играть на деньги оказалось азартной штукой. Теперь за каждым выигрышем и проигрышем стоял конкретный плюс или минус, начертанный молчаливым Пеликаном на расчищенном от сорняков и мусора пятачке земли. Дениска то выигрывал, то проигрывал, но «начальный капитал» всегда держал его на плаву.

Предложение Толяна увеличить ставку до рубля было принято дружным согласием. В предвкушении азартной игры у Дениски по спине пробежал холодок, но он не возражал. Так было даже интереснее.

Теперь, когда ставки были увеличены, кураж возрос. Игра шла жёстко. Дениске по-прежнему везло. Даже после возвращения ста пятидесяти рублей, у него оставалось на мороженое для всей компании.

— Ну, ты везун, — протянул Жупел и будто сглазил.

Фортуна изменила своему любимцу. Дениска несколько раз проиграл, потом выиграл и снова проиграл. Он вошёл в раж и давно перестал считать ставки. Важен был только последний ход: выиграл или оплошал. Игра была в самом разгаре, когда Толян вдруг хлопнул ладонью по столу:

— На сегодня баста.

— Может, ещё разок? — взмолился Дениска. В конце игры хотелось отыгаться.

— Не. Ты нам и так уже тысячу должен.

— Сколько? — опешил Дениска.

— Тысячу. Можешь записи посмотреть. Всё по чесноку.

Проверять записи Дениска не собирался: зачем ребятам врать? К тому же разобрать что-либо в каракулях, которые сто раз стирали и переписывали, было практически невозможно.

— Ну, чё, когда отдашь? — буднично спросил Толян.

— По-настоящему? — онемевшими губами спросил Дениска, всё ещё надеясь, что это шутка.

— А ты думал, понарошку?

— Но ты же сказал, что моя игра вместо денег.

— Это первоначальный взнос. А дальше ты уже сам должен был думать. Так что с тебя бабки.

Деньги взять было неоткуда, разве что отказаться на время от мороженого.

— Я частями отдам, — пообещал Дениска.

— Не, это не катит. Мы на кредит не договаривались, — протянул Толян.

— Сейчас инфляция, слышал про такую? — осклабился Жупел.

— Откуда же я возьму деньги? — растерялся Дениска.

— У бабки.

— Бабки у бабки, — пошутил Жупел.

— Она не даст, — помотал головой Дениска.

— А ты поищи. Если родаки в городе живут, значит, не бедные, — резонно заметил Толян.

— Я не могу без спросу. Это всё равно что украсть, — упёрся Дениска, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

Слёзы предательски наворачивались на глаза. Не хватало ещё разреветься, как девчонка.

— А долг зажить можешь? Небось, если б выиграл, денежки бы сграбастал и не стал рассуждать?

Дениска покраснел. Толян был прав. Если бы ему вручили выигрыш, он бы не отказался.

Глядя на растерянность мальчика, Толян примирительно произнёс:

— Лады, мы ж не звери. Даю тебе два дня отсрочки. Принесёшь деньги — значит, ты свой пацан. А если пойдёшь

и настучишь — значит, последний зашквар. Знаешь, что с такими делают?

На следующий день Дениска нашёл на земле рубль. Это был добрый знак. После этого он до вечера в одиночестве бродил по улице, выискивая, не блеснёт ли где в пыли монетка. Правда, глупо надеяться, что он найдёт тысячу, но надо было с чего-то начать.

Светлый летний вечер сменился сумерками. Лиловое небо медленно наливалось синевой. Сверчки заступили на ночную вахту. Всё дышало покоем, только на душе у Дениски скреблись кошки: завтра надо отдавать долг.

— Пойдём к бабе Шуре сходим, — предложила бабушка.

— Нет, я кино хочу посмотреть, — отмахнулся Дениска и уселся перед телевизором.

На самом деле, ему было всё равно, что смотреть. Он тупо пялился в экран, не особо вникая, что показывают. Мозг сверлила мысль о деньгах. Он вспомнил про копилку, которая стояла на полке в городской квартире. Там уже набралась приличная сумма, почти три тысячи, но копилка осталась в городе, а здесь взять деньги было неоткуда.

Взгляд непроизвольно упал на бабушкину сумку. Интересно, сколько денег в кошельке? Дениска не собирался ничего брать, просто посмотреть, из чистого любопытства. Некоторое время он боролся с искушением, а потом встал с дивана, открыл сумку и достал кошелёк. В отделении для банкнот лежали новенькая тысяча и пара сотенных. Рука сама потянулась к тысячной купюре.

Хлопнула входная дверь. Дениска бросил кошелёк в сумку и поспешно вернулся на диван. Он запоздало опомнился, что всё ещё сжимает в кулаке злополучную бумажку, и сунул деньги в карман, чтобы вернуть на место позже. Он же не вор.

В этот вечер удобного случая не представилось. Засыпая, Дениска твёрдо решил утром положить деньги в кошелёк.

Новый день встретил частым дождиком. Небо затянуло серой кисеей. Дождь то немного затихал, то припускал вновь. Капли бодро стучали по стеклу и надували пузыри на лужах — верный признак того, что дождь будет затяжным. Улица была непривычно пустынной. Все сидели по домам. Даже куры попрятались под навес.

Денис взбодрился. Судный день откладывался. В такую погоду вряд ли кто пойдёт на прогулку. Накануне за ужином еда не лезла в горло, и теперь у него разгорелся волчий аппетит. Летом они чаще трапезничали на веранде. Бабушка принесла тарелку с горячими оладушками. Густо намазав их сметаной, Дениска уписывал за обе щёки и вдруг чуть не подавился.

По улице неторопливой походкой прошёл Жупел. Дениску обдало жаром. Он тщетно пытался успокоить себя, что это простое совпадение. Мало ли куда направился его новый знакомый? К тому же он был один, а за долгом явилась бы вся компания.

Словно в ответ на его мысли, следом за Жупелом появился Толян. Он, как бы невзначай, бросил взгляд на их дом и тоже прошёл мимо. Теперь Дениска не сомневался — парни появились здесь неспроста.

«Если не отдашь долг, значит, ты последний зашквар. Знаешь, что с такими делают?» — звучало у него в ушах. У Дениски не было ни малейшего желания узнать ответ на этот вопрос. Он сунул руку в карман и, нащупав шуршащую бумажку, судорожно сжал её в кулаке. Повезло, что он ещё не успел вернуть деньги в кошелёк. Главное, отдать долг, а с остальным можно разобраться позже. Не убьёт же его бабушка. В голове мелькнула мысль, что красть нехорошо, но в оправдание подумалось, что крадут у чужих, а он берёт дома, значит, это вроде как не воровство.

Дождь, как назло, разошёлся не на шутку. Разумнее было переждать, но Дениске хотелось как можно скорее разделиться с мучавшей его проблемой.

Увидев, как внук надевает плащ и резиновые сапоги, бабушка всплеснула руками:

— Куда это ты? Смотри, как льёт.

— Я только проверю, не заливают ли Полкану будку, — бросил Дениска и, не дожидаясь ответа бабушки, сбежал с крыльца.

Троица поджидала его под грибком на детской площадке.

— Привет, малой. Ну, что, долг принёс? — осклабился Толян.

Дениска молча протянул тысячную купюру.

Парни переглянулись. Жупел присвистнул, а Толян весело подмигнул друзьям:

— Что я говорил? Малой не промах. Такие люди нам нужны, — он похлопал Дениску по плечу.

Сейчас этот дружеский жест совсем не радовал. Дениска отстранился и мрачно заметил:

— Больше я играть не буду.

— А кто говорит про игру, в натуре? Это была проверка на вшивость. Теперь ты наш. Короче, если кто тебя тронет, только скажи. Любого отметелим, — пообещал Толян.

Дениска не ожидал такого поворота. Оказывается, это была всего-навсего проверка. Ему стало стыдно, что он подумал о ребятах плохо. Он надеялся, что ему вернут деньги, ведь проверку он прошёл, но Толян спрятал купюру в карман, а попросить её назад Дениска постеснялся. Да и что такое тысяча по сравнению с тем, что его приняли во взрослую компанию.

Дождь, как по заказу, кончился. Солнце продышало в пелене туч небольшое оконце. Облака таяли на глазах, открывая пронзительную синеву неба. От земли шёл пар.

Толян предложил устроить пир. Дениске это понравилось. В случае выигрыша он, пожалуй, и сам бы потратил деньги на всех. Парни собрались в магазин. Дениска сказал, что ему нужно сгонять домой, чтобы оставить плащ и сапоги. На самом деле, он должен был отпроситься у бабушки, но перед новыми друзьями хотелось выглядеть взрослым и самостоятельным.

— До хазы сам доберёшься, не заблудишься, — сказал Толян, и Дениска припустил домой.

— Ба, я погуляю, — бросил Дениска, наспех скидывая плащ и переобуваясь.

— Познакомился с ребятами?

— Ага.

— Вот и славно. Они тоже только на прошлой неделе приехали. Я сразу подумала, что будет тебе компания, — сказала бабушка.

Дениска не стал объяснять, что компания у него другая. Он на всех парах помчался к водокачке. Когда он влез через потайной лаз на заброшенный участок, ребята были уже на месте. На столе стояли банки пива и бутылка колы. Пеликан нанизывал на палочки сосиски, а Жупел разжигал костёр.

У Дениски никогда ещё не было таких задушевных посиделок. Они жарили сосиски и хрустели чипсами. Толян рассказывал, как он в школе доводил учителей. Дениска удивлялся его смелости и независимости. Толян никого не боялся, пускай хоть к директору вызовут. Наверное, таким и должен быть настоящий герой. Дениска гордился, что Толян из всех младших ребят выбрал его в друзья. Он был так счастлив, что даже не вспоминал про взятые деньги.

Время близилось к обеду. После сосисок, чипсов и колы есть не хотелось, но бабушка не любила, когда Дениска опаздывал. Он с сожалением простился с новыми друзьями и побежал домой. По мере того, как он приближался к своей улице, счастье улетучивалось, а в душе нарастала тревога: что, если пропажа уже обнаружилась? Что он скажет бабушке? Он же не может предать друзей, особенно теперь. Мальчик невольно замедлил шаги, пытаясь придумать какое-нибудь оправдание, но в голове было пусто. Дениска переступил порог, ожидая строгого вопроса бабушки, но та как ни в чём не бывало накрывала на стол. Наказание откладывалось.

Критический момент настал после обеда. Вымыв посуду, бабушка взяла сумку и засобиралась в магазин:

— Посиди дома, чтоб мне дверь не запирать. Я быстренько. Только за хлебом.

Дениску прошиб холодный пот. Вот теперь всё и раскрыется. И тут его осенило: нужно напроситься в магазин вместо бабушки, а потом сказать, что он потерял тысячу. Конечно, его поругают за ротозейство, но это чепуха по сравнению с правдой.

— Ба, давай я сбегаю. У тебя же ноги болят, — услужливо предложил Дениска.

Бабушка мгновение колебалась, а потом решительно отвергла порыв внука:

— Нет, в следующий раз пойдёшь. Может, я ещё чего присмотрю.

У Дениски оставался последний шанс признаться, но нужных слов не находилось. Он стоял и смотрел, как бабушка вышла со двора. Калитка стукнула, издав противный звук. Мышеловка захлопнулась. Всё складывалось хуже не придумаешь.

Дениска опустил на пол и некоторое время сидел, спрятав лицо в ладонях, а потом посмотрел на иконку в углу. Бабушка говорила, что Бог исполняет желания. Сейчас Дениску могло спасти только чудо. Повинуясь необъяснимому влечению, он встал на колени и страстно зашептал:

— Господи Боженька, прошу тебя, пусть всё уладится. Честное слово, я больше не стану врать и не возьму ничего чужого. Я никогда не буду огорчать родителей и бабушку. Пожалуйста, Господи Боженька!

Поднялся он, только когда услышал звук открывающейся калитки и бабушкины шаги. Дениска выглянул в окно. Как и следовало ожидать, чуда не произошло. Бабушка возвращалась без покупок и выглядела сердитой.

— Что-нибудь случилось? — пролепетал Дениска, хотя прекрасно знал ответ на этот вопрос.

— Кошелёк у меня стащили, — в сердцах сказала бабушка.

— Как? — опешил Дениска.

— Сумку разрезали и вытащили. И ведь знаю кто. Один вертлявый всё возле меня толкался. Теперь до приезда родителей хоть у соседей занимай, — сокрушалась бабушка.

— А много денег? — робко поинтересовался Дениска.

— Тысяча с лишним, — вздохнула бабушка. — Вот ведь раззява старая. Впредь мне будет урок.

Дениска не мог поверить в свою удачу. Неужели пронесло? Всё уладилось, и никто ничего не узнает. Это было похоже на чудо. Вернее, это и было чудо. Мальчишка оглянулся на иконку и мысленно сказал: «Спасибо».

Он обнял бабушку:

— Ба, не расстраивайся. Как-нибудь проживём. У тебя ведь запасы в подполе, и родители послезавтра приедут.

Та обняла внука и потрепала по вихрам:

— Ты моя опора. Что бы я без тебя делала!

Дни потянулись своей чередой. Дениска больше не искал знакомства с ровесниками. Толян говорил, что все они лохи и нормальному пацану с ними делать нечего. Проходя мимо детской площадки, «нормальный пацан» напускал на себя важный вид. Не каждого берут во взрослую компанию. Дружбу с Толяном надо было заслужить.

Дениска таскал из дома конфеты, печенье и прочую снедь. Правда, он зарёкся брать деньги тайком, зато всё, что ему давали на мороженое, тотчас перекочёвывало к Толяну. Но дружба с самыми отчаянными ребятами стоила дороже. С ними даже взрослые не связывались и называли бандой. Раньше Дениска думал, что это обидное название, но теперь понял, что быть членом банды — это круто. Это значит чувствовать, что ты не один, что ты под защитой.

«Если кто тебя обидит, только скажи, мы любого порвём», — сказал как-то Толян, и Дениска знал, что так оно и есть. Впрочем Дениску никто и не думал задирать. Дружба с Толяном делала его неприкосновенным.

После обеда вся компания обычно собиралась в заброшенном доме. Однажды Толян спросил:

— Хотите оттянуться?

— А то, — откликнулся Жупел. — Есть идея?

— Айда за мной. Я вам, в натуре, такой праздник души устрою, — загадочно пообещал Толян.

Они пошли в ту часть деревни, где вместо частных домов стояли типовые двухэтажки. Унылые серые коробки были похожи друг на друга, как клоны, и только фантазия жильцов вносила некую живость в их облик. Каждый балкон был застеклён на свой манер. Дерево соседствовало с пластиком, а кое-кто из самых хитроумных даже догадались чутко расширить перила и таким образом приварить к площади лишний вершок. Только одни отщепенцы не стали ставить остекление, выставив напоказ верёвки с вывешенным на просушку бельём.

День выдался знойный. Скамейки возле подъездов пустовали. Народ высыплет только к вечеру, когда жара спадёт. На детской площадке тоже никого не было. Мамаши с колясками уложили своих чад на дневной сон. За домами пристроились несколько уродливых железных гаражей. Заросли бузины немного скрашивали их неприглядный вид. Возле гаражей, в тупичке, стоял старенький «Жигулёнок».

— Как насчет того, чтобы прокатиться с ветерком? — предложил Толян.

— А у тебя есть права? — спросил Дениска.

— Ага. У меня одни права, а обязанности пусть дуракам остаются, — засмеялся Толян. — Я водить научился, ещё когда такой, как ты, был, понял? У меня батяня всю жизнь за рулём.

— Чья тачка? — поинтересовался Жупел.

— Считаю, что ничья.

— А может, не стоит с участков? — подал голос обычно заторможенный Пеликан.

— Не крипуй. Никто даже не заметит. Дедон, что на ней ездил, уже отъездился. Тачка стоит на приколе, пока не продадут. На выходных какие-то чуваки «Мерс» подкатали. «Мерина» упаковали в гараж, а старушку выставили. Раньше субботы никто сюда не накатит и её не хватятся.

— А вдруг кто увидит? — поморщился Пеликан.

— Раскрой zenки. Тут тупик. Кто тебя увидит?

— Ведь машина чужая, — робко вставил Дениска.

— Ну и чё? Мы её угонять, что ли, собрались? Это типа займы. Покатаемся и вернём, — с раздражением сказал Толян.

— Я — за, — кивнул Жупел.

— Ну, не знаю, — засомневался Пеликан.

— Да чё вы, в натуре! Через час она снова тут стоять будет.

Не тратя времени на дальнейшие споры, Толян безо всякого ключа ловко вскрыл машину и распахнул дверцу:

— Бросайте кости.

Жупел сел рядом с водителем, а Пеликан — на заднее сиденье, только Дениска не спешил залезать в машину. Если пропажу обнаружат прежде, чем они вернут автомобиль, то получится, будто они его угнали.

— Не понял. Чё тупим? — недовольно спросил Толян.

— Я не поеду, — тихо проговорил Дениска, глядя под ноги.

— Чего-чего? — Толян скорчил недовольную гримасу.

— Ладно, оставь его, — вступился за Дениску Пеликан.

— Не вопрос, — фыркнул Толян и, уставившись на Дениску, процедил: — Только запомни, в жизни ты или крутой, или лох, понял? Так кем ты хочешь быть?

Дениска понимал, что его вышвырнут из компании так же быстро, как и приняли. И останется он совсем один.

— Не слышу, — спросил Толян, насмешливо подставив ладонь к уху.

— Крутым, — едва шевеля губами, прошептал Дениска и с надеждой в голосе добавил: — Вы правда вернёте машину?

— Да кому нужна эта рухлядь! Это так, чтоб оттянуться. Для поднятия настроения, — заверил его Толян.

Очутившись на заднем сиденье, Дениска вдруг вспомнил бабушкину икону и грустный взгляд Христа. Не сердитый, не укоризненный, а грустный. Дениске стало не по себе. Нельзя было нарушать данное обещание.

Он попытался успокоить свою совесть, ведь чужую машину брал не он, а Толян. И потом — не насовсем, а только покатайся. Значит, ничего плохого не случилось.

— Зараза, не заводится, — рассердился Толян, колдуя над какими-то проводками.

Дениска обрадовался. Даже к лучшему, если они не поедут. В это время мотор заурчал, и «Жигуль» тронулся с места. Толян вырулил из-за гаражей и, петляя по переулкам, выехал из деревни. Вопреки Денискиным опасениям, машину не остановили, и они без проблем добрались до шоссе.

Оказалось, что Толян и впрямь неплохо водит. Дорога плавно струилась под колёсами, горячий ветер врывается в раскрытые окна и трепал волосы. Ребята смеялись, рассказывали анекдоты и вспоминали забавные случаи. Мало-помалу Дениска расслабился. Через полчаса быстрой езды Толян свернул с шоссе к прудам.

— Купнёмся, а то жара, как в печке.

Против купания никто не возражал. Старенькая машина раскалилась, и даже открытые окна не давали ощущения свежести.

Побросав одежду на берегу, вся компания с шумом бросилась в воду. Брызги разлетелись веером. После душного зноя было хорошо погрузиться в приятную прохладу. Ребята ныряли, плескались, гонялись друг за другом и хохотали до того, что сводило животы. Единственное, что портило Дениске удовольствие, — это мысль о бабушке. Если она узнает, что он уезжал так далеко от дома, то выплет по первое число. Лучше ей не говорить про сегодняшнюю поездку. Это ведь не ложь. Просто он кое-что утаит, чтобы она не нервничала по пустякам.

Наигравшись в воде, ребята немного обсохли и снова залезли в раскалённую машину.

— Клёво оттянулись, — одобрительно сказал Жупел.

— Я же говорил. Через полчаса будем на месте, — небрежно бросил Толян.

Назад ехали в молчании. Все притомились и говорить не хотелось, только смотреть, как мимо мелькают лужайки и купы деревьев.

Всё произошло неожиданно. На шоссе выскочил человек, прямо как чёрт из табакерки. То ли пьяный, то ли силь-

но торопился, хотя непонятно куда. Вблизи не было никаких построек, если не считать давно заброшенный долгострой. Толян крутанул руль в сторону и резко нажал на тормоз. Прямого столкновения удалось избежать. Машина боком задела пешехода и скатилась в кювет.

Ругая последними словами идиота, который полез под колёса, ребята вылезли из машины. С виду особых повреждений на ней не было. Небольшая вмятина на заднем крыле, но в глаза она не бросалась.

— Сейчас я заставлю этого козла машину наверх тянуть. Поработает бурлаком, чтобы неповадно было перебегать, где не положено, — зло процедил Толян.

Его планам мести было не суждено сбыться. Мужчина безжизненно распластался на земле. Все будто окаменели. Время вдруг остановилось.

— Это чё? Трупак? — произнёс наконец Жупел.

Звук его голоса разбил оцепенение, и время вновь запустило свой бег.

— Смываемся, — приказал Толян.

Ребята выкарабкались из кювета и побежали прочь.

— Подождите! Надо посмотреть. Вдруг он ещё живой? — крикнул Дениска, едва поспевая за остальными.

— Заткнись! — отрезал Толян.

Ребята бросились к разрушенному зданию. Долгострой представлял печальное зрелище. Проще было его снести полностью, чем восстановить. Кое-где кирпичи обвалились и грудой лежали возле облупленных стен. Из бетонных балок торчала ржавая арматура. Перебравшись через завалы, парни отдышались. Толян не зря был заводилой. Нервы у него были покрепче, чем у остальных. Самообладание к нему уже вернулось. Он взял командование на себя.

— Значит так: пролеском чешем до первой автобусной остановки. На дорогу не выходить. Назад катим рейсовым автобусом. Если что, мы типа в город гулять ездили. «Жигуль» первый раз в жизни видим. Врубились? — наспех инструктировал команду Толян.

Дениска смотрел на него и удивлялся. Как можно так спокойно рассуждать, когда на дороге остался лежать человек? Может, ему нужна помощь. Дениска вдруг понял, что Толян никакой не герой, а наоборот. Ему вдруг стало так противно, что к горлу подступила тошнота. Захотелось убежать, скрыться и больше никогда не видеть ни Толяна, ни Жупела, ни Пеликана. Он, пятясь, отступил за каменную кладку и в панике огляделся в поисках убежища. Замирая от страха, он услышал сердитый голос Толяна.

— А где Малой?

— Только что был здесь, — отозвался Жупел.

— Эй, Малой, выходи, — крикнул Толян с угрозой в голосе.

Дениска юркнул под балку, заваленную щебёнкой и кусками штукатурки и сжался в комочек, стараясь быть незаметным.

— Говорил вам, его не брать, — мрачно заметил Пеликан.

— Ну, найду, он у меня узнает, что такое больно, — Толян злобно сплюнул.

Ребята принялись обшаривать руины. Дениска сложил ладони домиком и второй раз в жизни начал молиться: «Господи Боженька, я знаю, что ты мне больше не поверишь, ведь я тебя обманул. Но прошу тебя: пусть они меня не найдут. И ещё: пусть тот человек не умрёт, пожалуйста. Я никогда не буду тебя обманывать. Только пускай он выздоровеет. Господи Боженька, не дай им меня найти».

Дениска почти не надеялся на чудо: лжец не заслужил ни чуда, ни спасения. К горлу подкатывал комок. Щёки стали мокрыми и солёными, а он, глотая слёзы, продолжал молча молиться.

— Только время зря теряем, — услышал Дениска недовольный голос Жупела.

— Ладно, валим, — согласился Толян и зло выкрикнул: — А ты, сволочь мелкая, хочешь в прятки играть — валий. Но учти, если хоть слово вякнешь, я тебя убью, усёк? Придушу, как сявку.

Шум шагов стих. Дениска ещё долго не решался выйти из укрытия. Ноги и спина задеревенели. Отряхнув с себя прилипший мусор, он кулаками вытер заплаканные глаза, вылез наружу и медленно побрёл прочь. Наверное, прошло немало времени. Солнце стояло ещё высоко, но день явно клонился к вечеру.

На дороге уже не было ни сбитого человека, ни «Жигулёнка» в кювете. Дениска не знал, как далеко находится деревня. Понуро уткнувшись под ноги, он шагал по обочине вдоль шоссе. Скоро возле него притормозил грузовик.

— Эй, пацан, ты чего тут один? Ну-ка залезай, подвезу, — предложил шофёр.

Дениска с благодарностью забрался на высокое сиденье пахнущей бензином кабины.

— У меня такой же малец дома. Ты в каком классе-то? — продолжал разговорчивый водитель.

— В третий перешёл, — угрюмо буркнул Дениска.

— Ишь какой серьёзный. Ты как на дороге оказался и куда идёшь?

Дениска решил говорить только правду:

— В полицию. Сознаться. Я машину угнал и человека сбил.

— Во! Мой тоже сочинять мастак. Но за это ему, как водится, иной раз и достаётся, — улыбнулся мужчина.

Дениска промолчал. Что тут говорить, если человек считает его выдумщиком. Доказывать что-то бесполезно, да и ни к чему. По-своему истолковав его молчание, водитель озорно подмигнул:

— Значит, крутым себя воображаешь?

От этих слов в Дениске что-то вдруг всколыхнулось. Слова Толяна отчётливо всплыли у него в памяти: «В жизни ты или крутой, или лох, понял? Так кем ты хочешь быть?» И вдруг вся накопившаяся боль, страх, разочарование и отчаяние прорвались, как нарыв, который рос где-то внутри.

— Никакой я не крутой! Я хочу, чтоб этих крутых вообще не было!

Мужчина бросил на Дениску удивлённый взгляд. Руки сжаты в кулаки. В глазах огонь. Вроде карапуз ещё, а поди ж ты, какая в нём сила. Немножко помолчав, он примирительно сказал:

— В этом наши мнения совпадают. Только чего кричать-то? Ты где живёшь?

— В Пенегино.

— Я как раз мимо проезжаю. Заодно тебя к мамке заброшу.

— Я у бабушки на каникулах. Только мне сначала в полицию надо, — упрямо повторил Дениска.

— Знаешь что: давай я тебя домой свезу, а уж насчёт полиции пускай бабушка решает, — сказал шофёр.

Остаток пути они ехали молча. Дениска показал, где его посадить. Отсюда до полицейского отделения было рукой подать. Возле здания полиции стоял злополучный «Жигуль» и собралась небольшая толпа. Дениска подошёл и прислушался к обрывкам разговора.

— Раньше надо было за эту банду взяться...

— ...По Толику Бузыкину давно колония плачет. Сладу с ним нет...

— ...И дружок его чернявый по стопам брата пошёл. Тот уже третий год в отсидке. Вот тебе, новая смена подрастает...

— ...Это они ещё не оперились, а уже что творят. Сажать их всех.

Страсти явно накалялись. Значит, ребят поймали. Дениска обречённо подумал, что остался один он. Живот скрутило от страха. Он окинул взглядом кусты сирени возле участка и яблоню на другой стороне дороги. В тени дерева дремала собака, подёргивая во сне ухом, чтобы отогнать привязчивого слепня. Теперь Дениске всё казалось особенным. Кто знает, может быть, он в последний раз смотрит вокруг как свободный человек. Ему было так страшно и жалко себя, что ещё минута, и он бы отступил, сбежал, как трус. Набрав в лёгкие воздуха, он стремглав бросился вверх по ступеням в участок.

— Куда? Туда нельзя, — попытался его удержать кто-то из толпы, но Дениска уже проскользнул внутрь и с налёта ворвался в кабинет.

В комнате было двое полицейских. Один, постарше, листал бумаги, а другой, ещё молодой, что-то писал. Возле стенки понуро жались пойманные нарушители. Все уставились на вбежавшего мальчишку.

— Скажите, что с тем человеком, которого сбили? Он живой? — выпалил Дениска.

— Живой. Ушибся только, — ответил тот, что постарше. — А ты родственник, что ли?

— Нет, я признаться пришёл. Арестуйте меня. Это я виноват.

— Постой, постой. В чём это ты виноват?

— Я тоже был в машине вместе с ними, — сказал Дениска, кивнув в сторону прежних дружков. Сейчас они не выглядели ни крутыми, ни самоуверенными, но Дениска был ничуть не лучше них. Он знал, что брать машину нехорошо и всё же пошёл на преступление.

Он начал рассказывать, сбивчиво, вздохнув, боясь, что его прервут и он не успеет выговориться.

— Если бы я не согласился поехать, ничего бы не произошло. Я обещал и не сдержал слова. Сказал, что не буду делать ничего плохого. А сам... И ещё я у бабушки тысячу тайком взял, а она думала, что потеряла. Она на себя подумала, а меня даже не наказала. Это я украл, — Дениска всхлипнул.

— Так, — медленно проговорил полицейский и сурово посмотрел на Толяна и компанию. — Значит, вы ещё малолеток заставляете деньги из дома воровать?

Дениска вспомнил грустные глаза Христа и понял, что он должен быть честным до конца.

— Нет, они не виноваты. Это я сам. Я проиграл, а потом побоялся признаться. Бабушка бы меня заругала, если бы узнала, что я играл на деньги.

— Какие деньги? Не играли мы с ним на деньги. Чего он пургу гонит, гражданин начальник? Он же сам признаёт,

что деньги у бабки воровать не мы его науськали, — вставил Толян, с которого слетело всё геройство, как осенняя листва на ветру.

Дениска смотрел на своего прежнего кумира, и ему было стыдно, что он хотел быть на него похожим.

— Ты не крутой! Ты злой и трусливый! — выкрикнул Дениска, глядя Толяну в глаза. Тот отвёл взгляд.

Высказавшись, Дениска почувствовал облегчение и странную свободу. В последнее время он жил как будто его тянули на верёвочке. Ради того, чтобы угодить Толяну, он обманывал бабушку. Ведь понимал, что это неправильно, но так хотелось походить на смелого и независимого кумира. А тот оказался ненастоящим, пустым внутри.

Дениска понимал, что как вор он должен понести наказание, но теперь ему было ничего не страшно. Только бабушке было жалко.

Записав показания Дениски, полицейский сказал:

— Беги домой да шустрей. Бабушка небось уже заждалась.

— Вы меня не посадите в тюрьму? — опешил Дениска.

— Ещё чего натворишь — посадим, а пока, будь я твоим отцом, я бы тебе хорошего ремня задал, — сказал полицейский.

Ноги у Дениски отчего-то ослабли, коленки задрожали, а по щекам потекли слёзы.

Он вышел на улицу. Жара спала. Воздух наполняла симфония ароматов: сладкий запах жасмина, терпкий — скошенной травы и одуряюще медовый — душицы. Прежде Дениска не обращал внимания на запахи, но сейчас все чувства будто обострились. Он по-новому наслаждался всем, что его окружает. Возле калитки его встретила сердитая бабушка. Весь её вид говорил, что сейчас внук получит хорошую трёпку.

— Ты где же это пропадал? Весь день нету. Я вся на нервах, хоть в полицию иди!

При упоминании полиции Дениска невольно улыбнулся. Он вдруг понял, как сильно любит бабушку, и крепко обнял её, точно встретил после долгой разлуки.

— Ба, я совершил очень плохой поступок. Я должен тебе всё рассказать.

Они прошли в дом. Денис не утаил ничего: ни украденную тысячу, ни того, что таскал из холодильника провизию, ни пирушки в заброшенном доме. Он признался даже, что пробовал курить и отхлебнул пиво, но ни то, ни другое ему не понравилось. Дениска говорил долго-долго, а когда закончил, повисла тишина, которая была страшнее любого наказания. Лучше бы бабушка ругалась или взялась за ремень. Она всегда обещалась его выпороть, но до этого дело не доходило.

Неожиданно бабушка обняла его за плечи и прижала к себе:

— Слава Богу, что всё это закончилось. Пойдём ужинать. Я оладушки напекла. Только остыли уж.

— Ты меня не накажешь? — удивился Дениска.

— Что тут наказывать! Главное, ты раскаялся в своих поступках и больше так не сделаешь.

Перед сном бабушка, как обычно, молилась перед иконой. Закончив, она перекрестилась и легла в постель.

— Ба, а Бог наказывает тех, кто поступает плохо?

— Нет, люди сами себя наказывают, когда идут против совести. А Бог всех любит, и Ему больно, если кто делает дурное дело. Спи давай, — велела бабушка.

Дениска лежал тихо-тихо и смотрел, как в темноте отсвечивает киот иконы. От неё будто исходил свет. Дениска вдруг понял, почему у Христа такой грустный взгляд, и ему стало очень-очень стыдно. Он поднялся с постели, на цыпочках подошёл к иконе и тихо сказал:

— Я больше никогда не сделаю Тебе больно, честно.

2 место

Елена Гофман

д. Скотное, Ленинградская область

Льды

Рассказ

Ладожские острова... Один священник в своей проповеди уподобил острова чёткам, Божьим узелкам на нитях Севера. Они, по его разумению, призваны приближать земное к небесному, поэтому именно там целое скопление церквей и монастырей.

Мои рассказы тоже подобны чёткам: они нанизаны на нить повествования о людях Севера, обычных и необычных, верующих и не очень, потому что именно люди создавали и

создают на островах, осколках скудной каменистой земли, обители жизни и света.

Грузовик с треском проехал мимо. Отец Иоиль присел и замахал руками в попытке сохранить баланс. Лёд заходил ходуном, стал подниматься и опускаться, немного вверх, немного вниз, совсем невысоко, но достаточно для того, чтобы выбить почву из-под ног священника. Вода подо льдом разволновалась, зашлась небольшими волнами, стала плескаться, стучаться изнутри в ледовую преграду, словно просилась наружу, на свежий морозный воздух и яркое полуденное солнце.

Трудник Сергей, парень, косая сажень в плечах, усмехнулся, поддерживая невысокого священника за руку.

— Лёд не асфальт, он живой... Сейчас успокоится...

— Да, непривычно немного... — в голосе отца Иоиля послышались нотки нарочитого равнодушия. — Я впервые по льду хожу...

Пришлось подождать несколько минут, пока вода и лёд придут в первоначальное равновесие, и только потом отправиться дальше, вслед за быстро удаляющимся грузовиком, который и нарушил зимнюю неподвижность озера. Трудник уверенно шёл по скользкому льду в кирзовых сапогах, и на каждый его шаг священнику приходилось делать три своих. С высоты собственного роста Сергей посматривал на отца Иоиля снисходительным взглядом. Таким обычно одаривают местные жители карельских островов заезжего горожанина. Тёмно-коричневые кожаные полусапожки священника были начищены до блеска и сияли от собственной красоты. Шерстяной подрясник отца Иоиля насыщенно чёрного цвета, казалось, только что покинул швейную мастерскую, настолько был опрятен и выглажен. А светлая дублёнка, наверное, ещё вчера висела на Черкизовском рынке в ожидании достойного покупателя. Сам Сергей одет был просто, обычно для островного монастырского поселенца: в чёрную куртку, из-под которой выбивались полы рубахи, и старые потрёпанные брюки.

Они подошли к берегу, где стоял немецкий «Робур» с высоким крытым кузовом. Небольшой, но тяжёлый грузо-

вик, бронированный, полноприводный, был подарен Валаамскому монастырю военными, когда обитель только начала возрождаться в начале девяностых. Возле машины топтался коренастый водитель Ваня, проверяя состояние колёс. Безбородый и белобрысый, одетый так же, как Сергей, он нарочно сдвигал брови, чтобы казаться старше и серьёзней. Ему предстояло проехать по ледовой дороге от Сортавальских шхер до острова Валаам сорок километров, чтобы доставить в монастырь долгожданную провизию и отца Иоиля, который и в Карелии-то был впервые. Сергей специально прогулялся с ним по льду, пока Ваня сгонял до ближайшей заправки. Они забрались в кабину, усадив батюшку посередине. Священник никак не мог устроиться поудобнее: то смущенно ёрзал по сиденью, то болтал короткими ногами в новых сапожках.

— Кому дорожка скатертью, а нам вот скользкая выпадает... Говорят, скользкую дорогу надо тормозной жидкостью поливать, — попробовал пошутить отец Иоиль, но водитель, протирая тряпкой лобовое стекло, на шутку не отреагировал.

— О скользком вскользь лучше не говорить, так ведь? — обратился батюшка к Сергию с усмешкой, но тот только пожал плечами.

В иные моменты люди подобны льдинам. Они становятся немыми, холодными и отстранёнными. Жизнь собрала их, как торосы в кучу, в одном каком-то месте, и вынудила уживаться и примиряться друг с другом. Даже христианская вера не в силах разрешить противоречия сложной человеческой натуры. Вода и ветер шлифуют льды на Ладоге, а души и характеры людей оттачиваются жизненными обстоятельствами. Отец Иоиль вздохнул, прочитал молитву Николаю Угоднику, и грузовик, взревев, тронулся в путь.

Ладога настолько обширна и глубока, что не успевает остыть и замёрзнуть полностью. То тут, то там появляются промоины и открытые участки воды, откуда даже в сильные морозы клубится пар. Эти испарения оседают на прибрежные острова, превращая их в белые изваяния. Скалы

застывают в оплывах льда, местами голубоватого, местами жёлтого. Заиндевелые деревья стоят, не шелохнувшись, погружённые внутрь самих себя. Даже солнце не в состоянии прервать зимнюю задумчивость северного мира. И только человек нарушает безмолвие.

Грузовик загрохотал и отравил прозрачный воздух выхлопными газами. От подобной наглости залежалый лёд возмущённо затрещал под тяжестью «робура». И снежная пыль резко взметнулась из-под колёс. Грузовик разогнался и помчался вдоль изрезанного берега по узким проливам шхер, которые были испещрены рыбацкими путями. Проезжающие каракаты, трехколёсные грузовые мотороллеры на надувных колёсах, походили на гигантских робо-муравьёв. Они то разбегались к берегам, то вновь приближались к основной ледовой трассе мимо неподвижных фигур рыбаков.

— В России не две, а три беды: дураки, дороги и рыбаки на льдинах... — усмехнулся отец Иоиль, но трудники, будущи северными жителями, не приняли шутку священника.

— У трещин и торосов всегда лучше клюёт, вот рыбаки и ищут ненадёжные места. Да и потом... в наше время перемен... без рыбы здесь не проживёшь, — деловито объяснил Сергей.

Возможно, что именно лёд определял бытие местных жителей. Суровые условия, конечно, закаляли характер и спланивали людей. Однако холод, мёрзлые камни, обломки льда проникали даже в сердце людское и превращали северного человека в одиночку — закрытое, постоянно погружённое в себя существо. Он привыкал прятать своё тепло и свет внутри ледяного панциря собственной личности.

Лёд трескуче возмущался за спиной, но был слишком крепок, и легко выдерживал тяжесть грузовика в прибрежных заливах. За час с небольшим «Робур» достиг крайних островов и вышел на простор открытой Ладоги. Половина пути осталась за спиной. Казалось, сама жизнь спряталась в шхерах, и впереди не было ничего, кроме льда. Белая пустыня, бескрайнее озеро с разными подводными течениями,

перепадами глубин и температур, застывшее, но живое, оно словно дышало. Иногда на вдохе его ледовая рубаха трещала по швам, образуя прорехи и длинные расколы. Тогда льды либо расходились по линии швов, углубляя ширину трещин до полутора метров, либо сходились и вздыбливались торосами. Сверкающие прозрачной, немного мутноватой белизной глыбы разнились по очертаниям и размерам: большие, малые, толстые, тонкие, острые, округлые, тусклые, яркие. Они напирали друг на друга и вставляли на дыбы, толкались, бодались ледяными лбами. Их вершины замирали в немом противостоянии: кто кого?

— Красота! — маленькие глазки отца Иоилия заблестели от сияющего разнообразия торосов. — Но красота обманчива: по таким местам гулять, особенно мне, новичку, что в шахматы играть: сделал шаг, тут тебе и мат, и маты... шагх-мат-ты...

Батюшка натужно засмеялся, но парни по-прежнему молчали. Прикрывая лоб ладонью, Сергей смотрел то в лобовое, то в боковое стекло. Ему казалось, что свои шутки священник говорил не к месту, да ещё и с наигранным простодушием. Молодой насельник не понимал ребяческой непосредственности зрелых бородатых мужей. Чрезмерная смешливость, по его мнению, словно трещина во льду, способна нарушить монолитность духовного подвижничества. Сам он был родом из этих мест, в монастырь пришёл недавно и представлял священников строгими и благообразными старцами, погружёнными в постоянную молитву. Сергей не был близко знаком с Ваней, но мнение об отце Иоилия у них сложилось одинаковое. Ещё утром во время загрузки «робура» они успели обсудить своё недоверие к незнакомому священнику.

— А вещей у отца столичного как у невесты на выданье, — возмутился Ваня, принимая сверху из рук Сергея несколько тяжёлых чемоданов один за другим.

— Да, точно. Тяжеленные чемоданы-то... Ещё и дипломат с деньгами... Он и сам всё шутит про приданное. Всё шутит, шутит, а глазки хоть и маленькие, а словно буравчики во льду, насквозь тебя буравят...

Ваня ответил:

— Да... От столичной монашеской жизни даже монаху надо уходить в монастырь куда подальше... — Ваня хоть и был всего лишь трудником, но считал себя зрелым опытным насельником. Он уложил батюшкины вещи на монастырские коробки и, спрыгнув на снег, длинно сплюнул через щель между передними зубами: — Пристал ко мне Иоиль с вопросами: типа как поедешь да на какой скорости, а я ему сразу: моё дело — водительское, а ваше — пассажирское... Давно уж по зимнику с завгаром гоняю, сам разберусь.

— Одно дело — с опытным завгаром рядом сидеть, а другое — самому рулить. Ты, Вань, сколько раз за рулём самостоятельно гонял по льду на остров? — спросил Сергей.

— Да ладно, проскочим... — не отвечая на вопрос, отвёл глаза Ваня.

Молодёжь в монастыре что тонкий лёд, который в любой момент может обломиться. Как вода приобретает твёрдость в морозном воздухе, так и монах кристаллизует свой характер в чувственном холоде. Чтобы кристаллы воли сформировались, необходима внутренняя опора, точка отчёта. Основой для льда могут стать любые вещества и мелкие тела в воде: пылинки, пузырьки воздуха и даже сами молекулы воды. Они являются центрами, вокруг которых собираются, как лего, чистые кристаллы и прозрачные узоры льда. Так же в душе человека. Личные недостатки, мелкие помехи, шероховатости характера заставляют искать смысл своего существования, проникать в природу своих слабостей и вокруг этого выстраивать кристаллы воли к чему-то высшему и совершенному. Процесс этот медленный, а молодёжь полна энергии, удали, желания совершать подвиги сейчас и сразу. Обломившись, тонкий лёд может принести немало бед. Но со временем он крепнет, становится весомей и старше. Промоины быстро затягиваются новой ледовой коркой. Нарастая слой за слоем, появляются ледовые бугры, торосы, в тех местах, где небольшая глубина и нестабильные течения. Нагромождение старых и молодых ледяных глыб, поддержи-

вающих друг друга, складываются в гряды, словно оборонительную полосу, и подобно крепостному валу защищают береговые шхеры от вечной пустоты бескрайнего озера.

Ваня следил за дорогой и щурил глаза, выискивая проход между торосами. Заметив его, он стал выкручивать руль. Тяжёлый грузовик сначала занесло немного в сторону, но водитель легко выровнял машину и лихо проскочил между вереницей торчащих льдов по узкой колее, проложенной местными рыбаками.

— Ух, наконец-то финишная прямая, — выдохнул Ваня и, подняв подбородок, предложил посмотреть на линию горизонта. Туда, где, поблёскивая, появился пока ещё призрачный и далёкий остров Валаам. Ваня нажал на педаль газа, и грузовик помчался быстрее. Гул мотора сливался с треском позади, и этот грохот казался звуковой чёрной меткой за спиной, которая не позволяла расслабиться ни на секунду.

Двигаться по льду гораздо безопасней в морозную ясную погоду, когда Валаам отчётливо виден в открытой Ладоге. Ведь ледовые пути на озере неисповедимы. Даже Дорогу жизни во время блокады не просто проезжали, а прокладывали, часто меняя её направление в зависимости от состояния ледяного покрова. И движению машин помогали регулировщики. Местные рыбаки тоже умели отмечать автотрассы по замёрзшему озеру. Они бурили лунки, измеряли толщину льда, и затем в эти отверстия вставляли елочные ветки или небольшие деревца, которые становились дорожными знаками. Однако в ясный день такие предосторожности были излишними. Остров сам являлся лучшим ориентиром для любых путешественников.

— Валаам! Господи, помилуй, Валаам! — воскликнул священник. Он заулыбался и вновь заёрзал на сиденье, смешно болтая ногами. Потом, видимо, что-то вспомнил и серьёзно обратился к Ване, всматриваясь в приборы на водительской панели. — Ваня, а ты с какой скоростью едешь? Мне не видно, отвечает... Самая опасная скорость — тридцать пять километров в час. Это учёные устано...

— Отец Иоиль, под руку водителю не стоит ничего говорить... Главное, чтобы Ваня видел сам, с какой скоростью едет... — холодно перебил Сергей батюшку и стал теревить пальцами свою небольшую бородку, так как сам не ожидал от себя подобной резкости.

— Да всё я знаю... Осталось двадцать километров по прямой. Скоро будем на месте, — Ваня немного повысил голос, и священник осёкся.

Отцу Иоилу стало не по себе. Белая ширь пятнами расплывалась в его глазах. Однородность блестящего горизонта пугала воображение. И только бледные очертания Валаама придавали уверенность. Треск за спиной усилился в несколько раз. В открытой Ладоге лёд всегда тоньше и опасней. В проливах шхер он походил на дикое животное, посаженное в тесную клетку островов и скал. Здесь же, на ветреном просторе, лёд — единственный хозяин положения, ненадёжный капризный повелитель и сам себе господин.

Впереди показалась трещина. Узкая щель. Разрыв в ледовом теле. Затрещина путешественникам. Кажется, само слово родилось из дикого треска ледяных глыб. По мере приближения грузовика ломаная линия становилась всё темнее и шире, превращаясь в разделительную полосу между людьми в машине и заветным островом.

— Объедем, широкая... — вслух решил Ваня. Приблизившись к трещине, он повернул в сторону и повёл грузовик вдоль неё.

— Наверняка, рыбаки навели мостки, обычно брёвна издалека видны... найдём... — поддержал водителя Сергей.

— Была бы небольшая, проскочили бы мигом. А эта вон какая широкая, полметра, а то и больше... — рассудил Ваня и сбавил скорость, высматривая место переправы.

— Не сбавляй скорость... Лучше остановиться, раз переправы не видно... — предложил отец Иоиль.

— Зачем останавливаться? Грузовик тяжёлый, бронированный, с грузом... Нельзя медлить... — рассудил Сергей.

«Робур» летел вдоль трещины, уходя всё дальше и дальше от кратчайшего пути к острову по прямой. А ширина разлома росла на глазах. Ваня передёрнул плечами и вцепился в руль. Он сжал его так, что костяшки пальцев побелели от напряжения. На скоростной панели виднелась цифра — тридцать пять километров. Но взволнованные попутчики не обращали на неё внимания.

Казалось, трещина, разделив озеро на две части от горизонта до горизонта, будет тянуться вечно. Снежная буря из-под колёс становилась плотнее, и Валаам стал таять где-то в стороне. Вдруг раздался сухой резкий звук. Задние колёса пошли вверх, а кабина начала оседать. Попутчиков повело вперёд и вниз. Перед глазами мелькнул неожиданный разлом, и они поняли, что тонут.

Если бы в это время по небу летел вертолёт, то лётчики увидели бы, что грузовик двигался вдоль широкой трещины по направлению к ещё одной, едва заметной расщелине на поверхности узорного ледового поля. Чем ближе тяжёлый «робур» приближался к новому, пока ещё пунктирному, разлому, чем больше он давил мощным весом на ненадёжный лёд, тем больше смещался центр тяжести к зарождающейся трещине. И когда нагрузка превысила допустимый предел, лёд разошёлся сначала по пунктирной линии впереди машины, затем треснул сзади, и образовалась отдельная льдина наподобие крышки гигантской кастрюли. Один её край поднялся вверх, а другой, соответственно, накренился вниз, и «робур» покатился под лёд.

Когда во время блокады Ленинграда машины пошли по Дороге жизни, то многие из них проваливались в ладожскую пучину. Водители часто держали дверцу открытой, чтобы успеть выпрыгнуть. Перед учёными, изучающими льды, была поставлена задача выяснить, в чём причина подобных происшествий. Буквально за несколько дней, проведённых на Ладого, группа специалистов определила, что дело в колебаниях. Когда автомобиль двигался по льду, под ним появлялась волна, и если скорость волны совпадала со скоростью

машины, то возникал резонанс. И происходило это при скорости грузовика в тридцать пять километров в час. Именно тогда лёд начинал трещать по швам.

Ваня и Сергей среагировали мгновенно. Почти синхронно открыли дверцы и прыгнули на твёрдую ледовую поверхность. Водитель оказался между полыньёй и основной трещиной, и драпанул назад, обегая «робур» сзади, чтобы оказаться на безопасной стороне, где беспомощно бегал Сергей, устремив тревожный взгляд на кабину, медленно уходившую под лёд. Грузовик имел высокий кузов, а значит, и достаточно воздуха внутри. Он, словно поплавок, всё-таки задержался на поверхности озера, но ненадолго. Завис на несколько секунд прежде, чем затонуть окончательно.

Отец Иоиль сначала метнулся к открытой водительской дверце, но шерстяной подол подрясника зацепился за рычаг переключения передач. Растерявшись, священник бросился в другую сторону к дверному проёму, в котором исчез Сергей. Он увидел, как осколки льда, словно прозрачные мёрзлые рыбины, толкаясь над тёмной водой, уже задрали острые морды, чтобы с волной проникнуть к нему в кабину и заполнить её полностью, забить до отказа, утяжелить «робур» до такой степени, чтобы тот сдался, перестал сопротивляться и безвольной машиной пошёл ко дну.

Парни что-то кричали, но священник не понимал слов. Перед его глазами возникло пшеничное поле из подмосковного детства. Оно колосилось живым золотом. Сильные налитые стебли тяжело покачивались на ветру. Маленький Иоиль, тогда ещё Илюша, бежал без майки в одних трусах, чувствуя, как колосья касаются и щекочут его загорелую кожу, как напевно шепчут: «Рррршшшш». В глазах рябило от бликов, и, казалось, весь мир состоит из солнечных лучей, тонких и ярких, из лучей и колосьев. Ему хотелось бежать и бежать, вечно, без оглядки, чтобы жар от стремительного движения, сливаясь с летним пеклом, пропитал и заполнил каждую клеточку его крепкого маленького тела; чтобы кожа его ладоней беспрерывно ощущала лёгкие приятные уколы

колосьев; чтобы пахло землёй и сухой травой, твёрдыми тёплыми земляными комьями, из которых торчали мелкие корни и изогнутые стебли полевых трав; чтобы...

Сергий быстро расстегнул ремень, вытащил из штанов и забросил его бляшкой вперёд, словно удочку, по направлению к барахтающемуся священнику:

— Держи ремень, батя, батя Иоиль, да хватай же его... давай... крепче, крепче держи... ну же...

Светлая дублёрка топорщилась колом из воды. Борода уже намокла и покрылась инеем. Священник почувствовал под ногами опору — крышу тонущей кабины, рывком оттолкнулся от неё и продвинулся вперёд, раздвигая руками осколочный лёд. Он с трудом разжал покрасневшие пальцы и схватился за спасительную бляшку обеими руками.

— Ваня, помогай, тяни, брат, тяни.... плавно... не резко... Батя, держись... брат... ещё чуть-чуть... Ещё... ещё... Ваня... давай... Фух...

Ваня схватил отца Иоиля за подмышку с одной стороны. Сергей бросил ремень и вцепился в воротник дублёнки. Они потянули изо всех сил и вытащили на скользкий берег священника, промокшего, но живого и невредимого, да, всё-таки спасли себя и... ближнего своего, человечка — человечича с короткими смешными ногами в новых сапожках, ставшего за несколько мгновений настолько близким, что и описать нельзя...

Бывает, поднимется снежная крошка с поверхности льда и заиграет на солнце миллиардами светящихся точек, словно сам воздух пышет морозным румянцем. Снежные искорки нестерпимо блестят несколько мгновений и осыпаются вниз. Так же ярко, но хаотично, воспринял отец Иоиль остаток пути на остров. Он видел происходящее словно со стороны и запомнил его больше потому, что потом парни часто и долго рассказывали об этом монастырской братии.

Они вспоминали наперебой, как священник неожиданно вскочил и затрусил по малому кругу, словно мокрая псина, дрожа и отряхиваясь; шерстяной подол мгновенно заиндевел на морозе, покрылся ледяным панцирем и встал колом,

а отец Иоиль смешливо заявил, что теперь он колокол и звон его должны услышать на острове; как заботливо парни переправляли отца через трещину, практически перекинув; Ваня отдал священнику свою чёрную куртку, надел его дублёнку, вывернув светлой шерстью наружу, и отец Иоиль стал веселить расстроенного водителя, пытаясь отвлечь от мрачных мыслей об утопленном «робуре», своими смешными рассуждениями: мол, теперь-то он стопроцентный колокол по цветовой гамме, и сверху, и снизу, а Ваня в дублёнке и без шапки стал белобрысым по пояс, словно викинг; как Сергей участливо спрашивал, не холодно ли батюшке, а тот отвечал, что он батюшка, а не барышня с пышным подолом, который, кстати, заиндевел так, что не пропускал холод внутрь, а он «именно колокол, понимаешь, Сергей, колокол», и священник щёлкал пальцами по стальному подолу, пытаясь «зазвенеть»; парни уже не могли сдерживаться и смеялись от души, не переставая идти быстрым шагом к всё более и более увеличивающимся очертаниям острова; вдруг отец Иоиль резко остановился и как-то вдумчиво, непривычно серьёзно сказал, что монах должен жить так, чтобы каждый удар его сердца стал похож на удар колокола; парни притихли, а священник стал рассказывать о Дороге жизни и роковой отметке в тридцать пять километров; и Ваня вспомнил наставления завгара о том, что ехать нужно было со скоростью либо ниже тридцати, либо выше сорока километров в час; как батюшка Иоиль обратил внимание на мелкие блестящие сосульки, торчащие изо льда вертикально; наблюдая за полярной травкой, он пропустил самое главное: парни остановились, радостно закричали и замахали руками, стали подпрыгивать, потому что увидели старенький ЗИЛ с завгаром за рулём, который спешил им на выручку; он повёз путешественников напрямик в баню на Смоленский скит; и как долго ещё братия шутила, что отец Иоиль пришёл в монастырь без приданного от московских олигархов, а послушник Сергей в ответ защищал его и не скупился на похвалы, повторяя: «Отец Иоиль... молоток... даже не заболел... наш человек!»

2 место

Алла Мелентьева

г. Санкт-Петербург

Невидимый сад

Рассказ

В начале весны, когда ещё лежал снег, Юрий Петрович слёг с таким серьёзным диагнозом, что его пришлось отправлять в другой город в областную больницу. Врачи удручённо качали головами, пролистывая его медкарту. Когда сын и невестка привезли Юрия Петровича в отделение, главврач пригласил их к себе в кабинет и долго с ними беседовал, акцентируя на том, что старик вряд ли долго протянет. Сын и невестка, конечно, поняли, что им втолковывал главврач,

но всё равно отступить не собирались. Они заплатили за отдельную палату «с улучшенными условиями», за особое меню, а потом ещё познакомились с медсестрой, которая должна была присматривать за Юрием Петровичем, и подкупили её взяткой в пятьсот рублей, чтобы она не отлынивала от своих обязанностей и вовремя меняла утку.

Потом они уехали, и Юрий Петрович остался один. В палате «с улучшенными условиями», кроме него, находился ещё один старичок. Он лежал с закрытыми глазами и открытым ртом и беспрерывно храпел — то ли спал, то ли бы был в коме.

Юрий Петрович поворачивал головой. На стене висел телевизор — в нём мелькали картинки, но звук был выключен. Юрий Петрович был так слаб, что его мучил даже слабый электрический гул, исходивший от телевизора. Он отвернулся и стал смотреть в окно. Там на ветру качались верхушки деревьев.

«Наверное, тут где-то поблизости парк... сад», — подумал старик. Качение веток действовало на него успокаивающе, и он уснул.

На следующий день к нему приехала невестка Лиза. Она набила тумбочку разными вещами, нужными для жизни в больнице, проверила, удобно ли лежать Юрию Петровичу, не сбилась ли постель, раздала небольшие подношения медсестре и дежурной нянечке и немного посидела с тестем, рассказывая о разных домашних пустяках, чтобы подбодрить его в больничном одиночестве.

Юрий Петрович выслушал все Лизины новости, а затем спросил тихим от слабости голосом:

— А скажи, Лизонька, там что — парк? Сад?

Лиза не сразу поняла. Юрий Петрович слабо помахал рукой в сторону окна. Лиза оглянулась и сообразила. Она вскочила со стула и пошла к окну посмотреть, есть ли там сад или парк.

— Не вижу, Юрий Петрович. Не вижу ни парка, ни сада, — честно призналась она. — Только дома на той стороне улицы.

— А откуда ж деревья? — спросил старик.

— А деревья — за домами. За крышами.

— Значит, всё-таки есть там сад?

— Может, и есть, — неуверенно сказала Лиза.

— Ну, так ты, когда домой поедешь, загляни за те дома — есть ли. А в следующий раз придёшь — мне расскажешь.

— Обязательно, — пообещала Лиза.

Когда она пришла навещать в следующий раз, Юрий Петрович сразу же начал с вопроса, видела ли она сад. Лиза сперва отвечала уклончиво и невнятно, а потом, когда Юрий Петрович нажал на неё, призналась, что так и не узнала, если ли за домами сад, потому что спешила домой и попросту забыла о своём обещании.

Юрий Петрович был раздосадован и взял с Лизы слово, что в следующий-то раз она уж не забудет.

На самом деле Лиза ничего не забыла. В тот раз она зашла за больничный корпус и выбралась какими-то подворотнями к тому месту, где предположительно должен был находиться сад. Никакого сада не было и в помине. Было лишь три старых деревьев внутри каменного колодца. Лиза постояла, посмотрела на них, придумывая, что бы сказать старику, чтобы его не расстраивать, да так ничего не придумала и ушла, надеясь, что Юрий Петрович забудет о саде.

Вечером Лиза рассказала мужу Алексею, что Юрий Петрович томится, бедный, в больнице: вот, придумал себе какой-то сад за окном, а сада-то на самом деле и нет, и она теперь не знает, как ему об этом поделикатней сообщить.

— А ты скажи, что сад есть, — решительно сказал Алексей, выслушав жену.

— Что ж, мне тогда соврать придётся, что ли? — спросила Лиза.

— Ну и соври; ничего страшного.

На следующий день Лиза говорила Юрию Петровичу, помогая ему сесть в постели:

— Ой, Юрий Петрович, как я рада, что вы меня отправили посмотреть на тот сад! Уж такой красивый сад, такой

красивый! Прямо лес! Иду по аллее, а за мной, представляете, — белки! Целая стая, рыжие, пушистые! Прямо-таки бегут, преследуют — есть выпрашивают. Пришлось бросить им печенюшек из вашей передачи. Некоторые подбегали и из рук хватали. А некоторые и на джинсы карабкались. Такие смелые, нахальные! А воздух там — сплошной кислород!

— Не бросай им сладкое, Лиза, — строго велел Юрий Петрович, — у них от сладкого зубы портятся.

— Не буду, не буду! — поклялась Лиза, обрадовавшись, что Юрий Петрович приободрился. — Привезу им орешков.

До конца недели Лиза рассказывала Юрию Петровичу о разных чудесах, которые она видела в саду за окнами, пока шла через него к больнице. Вершиной её фантазии была история о стае снегирей, которые такой кучей налетели на кормушку, что та оборвалась.

На выходные Алексей приехал навещать Юрия Петровича вместе с Лизой. Вновь зашёл разговор о саде.

— Этот сад — федерального значения, — заявил Алексей, до поры молчавший, пока Лиза плела свои обычные рассказы про птичек и белочек.

Лиза осеклась и испуганно оглянулась на мужа.

— Этот сад разбили ещё при Екатерине Второй. Он состоит из нескольких террас с древесными и кустарниковыми насаждениями, с которых открывается панорама на реку и левобережье. Нижняя прогулочная дорога обрамлена травяными газонами и кулисами из деревьев и дополнена криволинейными дорожками и множеством закругленных смотровых площадок на краю плато, — как по писаному сказал Алексей.

— Откуда ты всё это знаешь? — нерешительно спросила Лиза.

— Специально в Википедию лазил про этот сад почитать.

«Надо же, как складно врёт, даже я почти поверила», — подумала Лиза.

Прошло три недели. Состояние Юрия Петровича слегка улучшилось — врачи удивлённо хмыкали, когда читали результаты его анализов. Но всё же он был слишком слаб, что-

бы всерьёз надеяться, что дело пошло на поправку. По общебольничному распорядку больных нельзя было держать в стационаре больше трёх недель. Алексей с Лизой обошли всё медицинское чиновничество, сунули кое-кому взятку и выбрали для Юрия Петровича ещё один трёхнедельный срок.

Храпящий сосед по палате умер, на его место подселили другого. Этот сосед, в отличие от прежнего, почти никогда не спал, и бесконечно ворчал — жаловался на больничную скуку, на хамство медсестёр, на невкусную пищу, на то, что форточку открыли, а ему и так холодно, или что ему душно, а форточку так и не открыли, и, конечно, на то, что сейчас всё не так, как было раньше, при Советском Союзе. Кроме того, сосед требовал, чтобы Юрий Петрович разговаривал с ним, а сдержанный Юрий Петрович, не привыкший к старческому недержанию эмоций, всячески старался избегать этих разговоров. Он часто поворачивался спиной к соседу и притворялся спящим, а сам смотрел в окно на ветки деревьев и думал о том, как было бы хорошо прогуляться по саду.

Лиза продолжала приезжать и ухаживать за Юрием Петровичем. В хорошую погоду она вывозила его на каталке вниз, гулять в сад, но не в тот, который за окном, а обычный больничный садик, зажатый между уродливыми больничными корпусами.

— Разве это сад? — говорил Юрий Петрович Лизе. — Сад должен быть таким, чтобы дома за деревьями были не видны. Настоящий сад — это то же, что и лес, но только окультуренный. Сад — это представление человека о рае. Когда-нибудь, Лизонька, вся Земля будет как один сплошной сад. Но это ещё нескоро.

Лиза со всем соглашалась и поддакивала: «Уж что правда, то правда! Как вы верно рассуждаете, Юрий Петрович!»

Юрий Петрович спрашивал, похож ли сад за окном на больничный сад.

Лиза отвечала, что больничный сад не идёт ни в какое сравнение с тем, что за окном. Тот невидимый сад — роскошный старинный парк, который, кажется, не имеет границ.

Там растут и дубы, и клёны, и тополя. Есть липы, берёзы, ели, сосны. Кругом ярко зеленеющие поляны, а среди столетних дубов иной раз можно увидеть оленей.

— А за садом-то что? — спрашивал Юрий Петрович.

— А за садом река. А за рекой — поля, — говорила Лиза. — Если повезёт, то можно увидеть над ними радугу. А ещё дальше — вдали — зелёные холмы. Сплошная красотища!

Через неделю после Пасхи внезапно умер ворчливый сосед Юрия Петровича. Он умер ночью, разбудив Юрия Петровича метанием и хрипом. Юрий Петрович собрался с силами и поковылял к пункту дежурной медсестры, чтобы сообщить о смерти соседа. Дежурная медсестра сказала, что тело всё равно не будут забирать до утра. Юрию Петровичу не хотелось делить палату с мертвецом, но в коридоре был сильный сквозняк. Он придвинул стул к окну и до утра просидел, уставившись в тёмное стекло. Мысленным взором он видел потрясающие виды природы: многовековые дубы и ели окружали водоёмы с китайскими пагодами и мостиками, а за ними — зелёные поля, над которыми висела радуга, а ещё дальше, вдали, в туманной дымке виднелись зелёные холмы.

Наутро соседа забрали и на его место поместили нового больного. Этот старичок был смирный, спокойный и почти не мешал Юрию Петровичу болтовнёй и ворчанием. Гораздо больше тревожили Юрия Петровича родственники соседа, приходившие его навещать. Вскоре Юрий Петрович понял, что родственники разделены на две враждебные группировки, каждая из которых надеется получить в наследство квартиру старика после его смерти. Родственники ждали скорой смерти соседа и специально старались проводить как можно больше времени у его постели, чтобы члены другой группировки не подговорили старика подписать бумаги в их пользу.

Юрия Петровича утомляло постоянное присутствие чужих бесцеремонных людей. Он попросил Лизу, чтобы она привезла ему магнитофон с наушниками — чтобы и слушать музыку, и одновременно отгораживаться от чужой

суеты. Лиза сказала, что магнитофонами теперь никто не пользуется, а вместо них есть специальные компьютерные устройства — айфоны и айподы. На следующий день вместе с Лизой приехал её сын Юра, привёз айпод и учил Юрия Петровича с ним обращаться. Юрий Петрович быстро овладел всеми премудростями и повеселел.

— Сад-то здешний мать тебе уже показала? — спросил он у внука.

Лиза заранее проинструктировала Юру про «невидимый сад» и дала указания, что следует говорить, если старик вдруг заговорит о нём.

— Сад?... — Юра слегка замешкался с ответом. Лиза испугалась, что сын случайно ляпнет что-нибудь не то. — Конечно, деда, видел. Такой сад трудно не заметить. Как к тебе ехали — прошли через него. Там как раз МЧС лося спасало.

— МЧС? Лося? — заинтригованно спросил Юрий Петрович.

— Сад-то в лес переходит. Лось из леса в сад пришёл. Его, видно, кто-то испугал, он со страху через речку прыгнул, да не допрыгнул — в речке застрял. Берега крутые — лося никак не выбраться. Пришлось МЧС вызывать, чтобы лося из воды выловили.

Юрию Петровичу понравилась история про лося.

— Ну, ты и выдумщик, — позднее сказала Лиза сыну, когда они уходили из больницы. — Где это ты взял про лося?

— По телевизору как-то показывали, как лось в Петергоф забрёл и в фонтан свалился. Ну, я и подумал, что деду будет прикольно про лося.

Через несколько дней главврач отделения пригласил Лизу к себе в кабинет и сказал, что Юрий Петрович показал неожиданный резерв сил и его организм благополучно выкарабкался из кризисной фазы.

— В понедельник будем выписывать, — объявил главврач, — но я не ожидал, честное слово, не ожидал такой сопротивляемости. На моём опыте с этим диагнозом в таком возрасте никто не выживал. Между нами, палата, в которой

он лежит, у нас называется «палата смертников». Первый раз вижу, чтобы оттуда кто-то вышел.

В понедельник Алексей и Лиза приехали на машине забирать Юрия Петровича домой. Он ждал их в вестибюле. Рядом стояли аккуратно собранные пакеты с вещами.

— Вези меня, Алёшка, в сад за больницей, — сказал Юрий Петрович, когда уже сидел в машине, — хочу на сад посмотреть.

Лиза вздрогнула и нервно поглядела на мужа.

— Отец, давай не сегодня, — стал отнекиваться Алексей, — я спешу. Я у начальства только на пару часов отпросился — тебя забрать. В воскресенье, может быть...

— В сад, говорю, вези, — строго оборвал его Юрий Петрович.

Алексей вздохнул и включил зажигание. Он медленно объехал больничный комплекс и остановился напротив окон палаты Юрия Петровича.

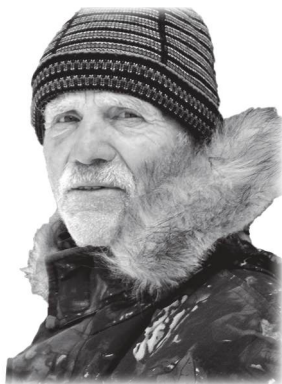
— Сад — там. То есть должен быть где-то там, — сказал он, неопределённо указав в сторону подворотни.

Юрий Петрович открыл дверь и вылез из машины. Он прошёл через подворотню туда, где росли деревья, на которые он смотрел с больничной койки. Лиза и Алексей тоже вышли и пошли за ним. Они боялись, что с Юрием Петровичем что-нибудь случится от разочарования, что сада нет. Но с Юрием Петровичем ничего не случилось. Он подошёл к деревьям, немного постоял, посмотрел на них, а потом повернулся и сказал, как ни в чём ни бывало:

— Поехали-ка домой, ребята. Надоела мне больница.

3 место

Анатолий Дудник

с. Тангуй, Иркутская область

К родным и близким

Рассказ

Первый лёд засверкал на заливе, как стёклышко. На днях Андрейка Полуниин прибежал к берегу залива; волны ещё всю кувыркались, шипели, пенились и сердито бросали изломанные льдины на песчаные откосы. По осени огромный водоём волнуется, рыдает и стонет, как будто опасается ледового плена. Однако осенние морозы к началу ноября подгадывают пару ночных затиший, покрывая залив первым ледком, который с каждым днём торопко набирает

толщину и крепость. Штормовые ветра спохватываются, налетая на залив с новой силой. Однако им его не раскачать, не изломать ледового панциря. Так оно и случилось: залив поутру оказался во льду.

Мальчишке послышался протяжный звон колокольчиков; ему чудилось: где-то пощипывали струны неведомых инструментов, а где-то резали алмазом стекло. Звуки сливались воедино, и становились всё тревожнее и громче. Лёд устоял, не сломался, не сдвинулся с места, хотя был весь в трещинах, сквозь которые кое-где сочилась водица. Андрей, с радостью оглядевшись вокруг, прытко помчался к дому, чтобы огласить домашних, особенно дедушку, долгожданной вестью:

— На нашем заливе — лёд!!!

Дед Антон Петрович с внуком повременили с неделку: пусть лёд наберёт надёжную крепость. А когда лёд в середине ноября окончательно окреп, оба, вместе с соседями и прочими односельчанами, отправились на подлёдную рыбалку.

Антону Петровичу уже более восьмидесяти лет, но он крепок на своих немало отшагавших ногах. Андрею, ученику четвёртого класса, — в радость: лес, поля, водные и таёжные дали. Зверюшки, букашки и разные пташки — ко всему у него живой интерес. Отца у Андрея нет, погиб при исполнении воинского долга, во время службы в армии в какой-то горячей точке: ни могилы его, ни весточки даже; только леденящее души сообщение: «Без вести пропавший». В плену он или в рабстве — кто его знает. Годы проходят, а его всё ждут. Вышло так, что Андрей, с самых памятных лет, повсюду рядом с дедом, которого он любит и гордится им, художником и поэтом. Андрей любит его стихи, многие из них знает наизусть. Дедушка на школьных встречах или концертах в Доме Культуры читает свои стихи о родной природе, о замечательных тружениках, особенно о ветеранах войны. Их имена высечены на гранитных плитах в парке воинской славы.

*Для них, по-весеннему нежно, в суровом сибирском краю
распустится дружно подснежник, а в небе —*

Победный салют.

*Их поступь, героев былинных, нам памятна и дорога:
Они от Москвы до Берлина матёрого гнали врага.*

Наступил удачный для рыбалки солнечный денёк. Такие дни называют «клёвыми». На заливе собрались любители подлёдного лова со всего села, взрослые и ребяташки. Слева — соседи Семёновы; справа — Нефёдовы. Рыбаки бурили лунки, опускали ко дну на тонких лесках самодельные или купленные в магазинах мормышки или блёсны. Андрею уже знакома удачная рыбалка по прошлому году. Дедушка подёргивал короткой удочкой, словно поигрывал ею. Андрей присматривался к игре опытного рыболова, старался подражать своему учителю. Опустит блесну в лунку, колыхнёт несколько раз короткой удочкой, а в ответ почувствует ото дна несколько резких рывков. Однако более удачная рыбалка выдалась в этот памятный день.

— Клёёт! — радостно вскрикнул мальчонка.

— Выживай! — громко скомандовал Антон Петрович.

— Не могу! Что-то большое на крючке, так и тянет удочку ко дну.

— Спешу на помощь, — отозвался дед. — Дай-ка мне твою «подергушку», а ты пока поработай моей.

Долго опытный рыболов вываживал крупную рыбину, то опуская, то осторожно подтягивая леску.

— Молодец, внучок. Гляди, какого горбача зацепил, весом в полтора килограмма, — порадовался деда, когда на льду извиваясь подпрыгивал первый пойманный окунь. Удача не обошла Антона Петровича и всех тех, кто рыбачил вокруг. Рыбаки азартно снимали с крючков пойманных окуней, бросая их в короба.

В памяти мальчонки вновь прозвучали знакомые строки: «По осени, как только дали тревожит стоном первый лёд, как самых близких ожидали далёких пуночек прилёт». Те строки не могли оставаться в запасниках памяти. Вокруг

рыбаков, сверкая белизной на синем небе, кружились птичьи стайки — это пуночки. Они весело щебетали, сказывали на своём птичьем языке о родных, хотя очень суровых, краях: об Арктике, далёкой тундре...

По осени, как только подуют холодные северные ветра с океана, пуночки собираются в стайки; они улетают от своих родных, но очень суровых мест, в сибирские края, где зимы значительно мягче. О пуночках Андрей узнал от деда, потом пополнил знания о них в местном музее краеведения. Птички совсем невелички, как воробушки. Сами серенькие, а брюшко и кромка крылышек у них как будто покрыты свежим искристым снежком. Птички летом кормятся комарами, мошкой и разными букашками. А здесь, зимой, в Восточной Сибири, птицы кормятся на полянах и прибрежных лесах. Поклюют семян на стеблях, ягод на кустах шиповника, потом взлетят на кустарники или кроны деревьев. Подкрепившись, вспорхнут и снова полетят на лёд. Куда ни глянешь — они вокруг рыбаков, как будто радуются их рыбачьей удаче.

Коротки осенние дни. К исходу дня скуное солнце, отдавшее своё тепло и сияние осенней полусонной природе, спешило на покой. Небесное светило напоследок собрало всё своё тепло, наполнилось жаром и стало похоже на огромный раскалённый диск. Когда оно опускалось за предгорье Тартагана, зацепило кроны высоких сосен и лиственниц. Хвоя, как показалось Андрею, полыхнула ярким огнём, озарив весь небосвод. Пожары в родных местах случаются часто, они оставляют после себя чёрные пустыни. Виной пожаров — дикие туристы из ближних и дальних городов. Это таёжники, разжигающие в тайге костры. Иногда тайга загорается от гроз или палящего солнца. Неужели от его жары и сейчас загорелись кроны деревьев на Тартагане. Дальше за горой — необозримые таёжные просторы, где роднички питают сладкую смородину и разную ягоду. Неужели всё это исчезнет в огне? Нет, нужно немедленно сообщить в лесоохрану. Андрей громко крикнул:

— Деда, на Тартагане — пожар!

Но деда, к удивлению внука, только наблюдал, любовался тем огненным дивом. Уходящее ко сну красное солнышко окрасило небосвод в яркие, звучные красно-малиновые, оранжевые цвета, засияло медью и золотом. Вспыхнувшее многоцветье пробивалось сквозь стволы и кроны деревьев жарким полыхающим огнём. Вскоре Антон Петрович, словно очнувшись от забытья, объяснил:

— Тут и взрослому не мудрено ошибиться, попасть, как говорят, впросак. Это — вечерняя зорька; красное солнышко так прощается с нами, уходя на покой. Успокойся, внучок, не пугай красоту.

Медленно догорал сказочный закат того дивного дня. В звонкой тишине Андрюше слышались небесные organные звуки. С органным звучанием Андрей познакомился на уроках музыки, которые вела его бабушка, Татьяна Николаевна, она пела в хоре, часто с мамой или с бабушкой. Приятней было Андрею слушать, когда бабушка пела одна. В organных звуках появился тонкий, протяжный, до боли знакомый бабушкин голос. По-настоящему Андрей понял, что такое вокализ.

От потемневшего взгорья спускался сине-сиреневый сумрак. Он, вначале украдкой, а потом всё властней, наполнил с предгорий на ледовый покров всего залива. Мальчик вслушивался в небесные звуки, заворожённо смотрел на угасающее зарево. В наступающей тьме крепчал мороз, пощипывая нос, уши и щёки, проползал сквозь одежду к телу. В эти минуты слышался громкий дедушкин голос, от которого вздрогнул внучок:

— Пора, внучок, и нам собираться — нас пуночки ждут: припело время к самому важному делу сегодняшнего дня.

Деда пробурил на льду с десяток несквозных лунок, похожих на ледовые чашки. Андрей достал из рюкзака сосновые лапки и маленькие сколоченные из дощечек двускатные крыши. Их устанавливал над каждой чашей, туда сыпал дроблёнку, семечки и пшено.

Когда всё было готово, дедушка сообщил:

— В наши ледовые домики на ночёвку прилетят пуночки, чтобы скоротать в них холодную ночь.

— Малые пташки, а гляди, какие умницы. Да, деда?

— Угу, — отозвался тот, — знают птички: зверьки и хищные коварные птахи не снимутся на ночь из своих насиженных нор да гнездовий на зябкий ветер и трескучий от мороза лёд. Пуночкам на льду безопасней. А что до холода, так они кучками собираются и каждая отдаёт своё тепло для общего согрева. Зимой ночлежкой для птичек станет любая ямка в снегу, колея или глубокий след.

В это время весь залив исчерчен волчьими следами, но звери обойдут эти места. На лесных прогалинах звери выкапывают из снежных сугробов куропаток и рябчиков; загоняют диких коз и животных покрупнее.

Антон Петрович опускался на колени, зажигая короткие свечи, установленные в стеклянных баночках. Такие же свечи зажигали другие односельчане в память об ушедших старожилах.

Деда прикрепил к рыбацкому коробу маленькие лыжики. У Андрюши за плечами — удобный рюкзачок. Путники двинулись в дорогу, направляясь к потемневшему сосновому бору. За ним, на высоком берегу ровными улочками растянулось родное село, Бережково. В узорчатом доме с высокой мансардой мама, воспитатель детского сада, с бабушкой напекли вкусных калачей и пирожков. Старое село Бережково оставалось позади, на дне залива, в тех местах, где только что рыбачили путники, оно было затоплено во время пуска Братской ГЭС. Летом Антон Петрович подплывает к тем местам с земляками, чтобы опустить на воду полевые цветы, зимой с ребяташками из плотного снега строят домики и церквушку, подобие храма Святой Троицы.

Там, в старом селе Бережково, родился и жил Антон Петрович. Память его ручейком брала начало из победных майских дней. Немногие вернулись с войны в родные места, с ними — израненный дедов отец. Не забыты памятные

речи: «Бой его последним был таким: вышел он, герой, из лютой сечи, да уж слишком раны глубоки».

Село тянулось между рекой Иёй и таёжной речушкой Тангуйкой, среди черёмуховых кущей и плакучих ив.

*Зачерпнём во здравие водицы
из лотка святого родника,
сквозь луга проносимся, как птицы;
вслед за нами — эхо сквозь века.
Никуда от прошлого не деться —
как оно пульсирует в крови!
Что пришло из розового детства,
для потомков бережно храни.*

Воды Ии, вытекая из гор Восточного Саяна, на пути из сотни километров щедро прогревались солнцем, сливаясь с таёжной рекой Окой, затем впадая в Ангару. Пролетели те счастливые годы.

*Братск — юность моя, военкора первые пробы пера;
тлеющей в мире искрою — предгрозовая пора.
Где-то далёкая Куба; коршун зловещий над ней,
а над страной моей вкупе — сотни встревоженных
дней.*

*Призваны парни подранки встать над страну
щитом,
чтоб эстакады и краны, чтобы в плотину —
бетон...*

Чтобы сверкали рассветы праздничным кумачом.

В эти же годы моя малая родина померкла, укрылась безысходной дымкой. Подслеповатое солнце казалось подкрашенным: оно печально и с трудом проглядывало сквозь мутную пелену. Горели старые строения, ограды и прочая рухлядь. Добротные дома раскатывали по брёвнышку: они ещё пригодятся и послужат на новом месте.

— Деда, поэтому бабушка на твоей картине плачет?

— Именно так.

*Моё село и ты, Матёра, — одна опальная судьба,
на сердце горечью которой старушки пламенем изба.*

*Прощанье, плачь, — куда же деться, когда на всех
одна беда;
когда на старость и на детство большая хлынула
вода.*

*Ушли лета, уйдёт немало в огнях сияющей стезей,
но будет лампочка накала казаться жаркою слезой.*

Картина и эти строки посвящены замечательному сиби́рскому писателю Валентину Распутину. Малость, Андрей, подрастёшь — прочитаешь его повести, особенно «Прощание с Матёрой». Далека от нас Матёра — у могучей реки Ангары, но судьбы наших сёл — едины: на дне Братского рукотворного моря.

— Деда, а где ты встретил Татьяну Николаевну?

— В Иркутске на «Лебедином озере» — балет, где музыка и танцы. После окончания учёбы мы работали в редакции молодёжной газеты: я — художником, она заведовала музыкальным отделом. Но город для нас оказался чужим, нас позвала родная природа.

За разговором незаметно дед с внуком по отлогому откосу поднялись на высокий берег, присели на скамью. В четырёх километрах на тёмно-синем заливе ещё ярче, словно живые, мерцали огоньки. Так сверкают церковные свечи, когда их ставят за упокой. Золотые огоньки перемигивались с любопытными звёздами, взошедшими на небосвод. В эти же минуты пуночки готовились к ночлегу.

— Спокойной вам ночи, — успел произнести Андрейка, а в ответ услышать:

*— Как жаль, что улетят те птицы,
Лишь только здесь подтает лёд,
И нам, как в сказке, будет сниться
Вдали сверкающий полёт.*

С дедушкиных уст вспорхнули те знакомые строки или держались среди звонких сосен, мальчонка пытался разобрататься, но не мог. Он крепко уснул в дедушкиных объятьях. Снилось село во всей первозданной красе и пуночки вокруг, такие родные и близкие.

3 место

Надежда Косолапкина

г. Санкт-Петербург

Правда, дед!

Рассказ

— Дед, правда! Правда пришла, — мальчик бежал по двору, держа над головой газету.

— Не голоси, Ванька, — подслеповатый, но крепкий ещё телом дед подался в кресле вперёд, словно хотел пойти ему навстречу. — Верю, верю! Иди сюда.

Ванька забежал в беседку и плюхнулся на свободный табурет. От бега его загорелое круглое лицо покраснело, а светло-рыжие вихры растрепались, делая его похожим на

подсолнух. Он развернул газету и заскользил глазами по заголовкам.

— Вслух читай! Будто ты один новостей ждал, — проворчал дед.

Ванька начал:

— «Полёт не во сне — наяву!»¹ Это про новый спортивный рекорд...

— Дальше, — потребовал дед.

— «Вокруг света за 224 дня».¹ Громкое достижение советского яхтсмена...

— Дальше.

— «Стригут... державу. Критической черты достигла ситуация в аграрном секторе...»¹ — мальчик остановился.

— Продолжай.

Ванька дочитал текст до конца и выглянул поверх газеты.

— Бери, Ванька, ножницы. Вырезай.

Он старательно вырезал заметку и протянул деду, который уже открыл табакерку и ворошил в ней махорку. Дед сложил заметку кармашком, насыпал внутрь «домушный табак» (так дед называл махорку) и ловко свернул самокрутку. Он плохо видел, но скрутить папироску мог с закрытыми глазами. Едкий дым заполнил беседку. Ванька поморщился.

— Дальше-то читать?

— А як же! — ответил повеселившийся дед и закашлялся.

Из летней кухни вышла бабушка и крикнула с крыльца:

— Кто ж на пустое брюхо газеты читает? Весь аппетит растеряете.

— Не мешай, бабка. Мы важным делом заняты.

— Ага, — огрызнулся Ванька. — И дымим, как паровозы, стоит аграрному сектору достичь критической черты.

— Но-но, — одёрнул его дед. — Мал ещё старших судить. Бегом на кухню. После обеда дочитаем.

— А ты?

— А я уже поел! — дед крепко затынулся.

¹ Газета «Правда», №139, от 11.06.1991.

Ваньке показалось, что в глазах деда промелькнул озорной огонёк, который бабушка в шутку называла «озорнёк». Как только он появлялся — начинались затеи и придумки. Ванька уже неделю гостил в деревне и мечтал увидеть дедов озорнёк. Неужели наконец случилось? Дед отвёл самокрутку в сторону, и огонёк исчез. Значит, только показалось.

Бабушка уже накрыла на стол и теперь сидела, перебирая оборки фартука. Она всегда так делала, когда грустила. Ванька схватил кусок белого хлеба и оттяпал до половины. Зелёные щи, жареная картошка, присыпанные крупной солью огурцы и ледяной квас в запотевшем стакане. Как же Ванька любил эти минуты. С бабушкой можно посплетничать или вызнать какую-нибудь тайну. В один из первых обедов бабушка рассказала о болезни деда и его слепоте. «Дедушка ещё немного видит, но читать не может. Ждал тебя. Каждый день говорил: «Ванька приедет — будет мне газеты читать. Он теперь в пятом классе, должен справиться». Не откажи ему, — попросила бабушка и добавила: — И не кури никогда. А то будет всё нутро как огнём сожжённое. Чернее моего платка», — она спрятала выбившиеся седые пряди под платок тёмно-коричневого цвет». Ванька тогда до вечера ходил вокруг грядки с домашним табаком. Не удержался — выдернул один куст и сбросил в туалет. В поганой яме темно, дед точно не увидит.

Ванька зачерпнул ложкой щи. Такие чудные ложки только в деревне: алюминиевые, лёгкие и выгнутые, как гусиные шеи.

— Ба, почему дед курит, когда новости плохие узнаёт? Он так переживает? Может, ему чай какой дать? Успокойственный.

Бабушка улыбнулась:

— Если бы. Он себе так курить разрешает. Выкурю, говорит, плохую новость, и её как бы нет. В пепел и дым её превращу, и не будет в ней той силы.

— Я всё равно не понимаю. Ему же нельзя курить.

— Капризничает он, как дитё малое, Ванюша. Ведь может бросить, но не хочет. Вредная привычка лукавит над ним, а он и рад на её поводке сидеть. Глядишь, бросил бы и здоровье подкрепилось.

Ванька дохлебал щи, проглотил порцию картошки, захрустел это всё огурчиком и залил квасом. Из разговора он понял одно: дед не будет курить, если не будет плохих новостей. Весь вечер Ванька ходил по двору и думал-размышлял. Спать лёг рано. Потому что утро вечера мудренее.

— Читай! — попросил дед на следующий день.

— Сегодня со стихотворения начинается, — Ванька выпрямился и громко прочитал:

Страна равнин — души отрада,

Страна лугов — отрада глаз,

Среди всемирного разлада

Храни себя во всякий час.

Михаил Дудин¹

— Мишка... Хорошо чертяка пишет. Ровесник мой, — дед вздохнул, морщинки у глаз улыбнулись. — Дальше давай.

— «Сегодня ты выбираешь президента!»

— Хм, — дед нахмурился, — президентов мы ещё не выбирали.

— Так это ж хорошо, когда сам выбираешь?

— Звучит хорошо, да не нам, Ванька, судить. Время покажет. Что там дальше?

— Новая победа: спортсмены взяли «Гран-при». Далее... Премьер сказал, что спад в экономике прекратился, — Ванька быстро перебирал листы и выхватывал заголовки с хорошими новостями, пропуская все остальные. Пролистав всю газету, он серьёзно посмотрел на деда: — Сегодня нет плохих новостей. Не из чего тебе самокрутку делать.

— Твоя правда, — согласился он и с сожалением погладил табакерку. Её и нагрудный знак «Отличник милиции»

¹ Газета «Правда», №140, от 12.06.1991.

деду подарили, когда он уходил на пенсию. Но значок он наделал только на праздники, а табакерка всегда была при нём.

На следующий день Ванька опять прочитал только хорошие заголовки, но дед не поверил. Он заставил прочитать каждую надпись. Ванька, сдерживая дрожь в пальцах, вёл по строчке и уверенно произносил совсем другие слова. Дед громко цыкал, шамкал недовольно губами, но курить не стал.

Бабушка повеселела. Сменила тёмный платок на светлый, перестала оборки на фартуке пересчитывать. Ванька чувствовал себя героем и просто счастливым внуком. «Ещё недельку продержаться, — думал он, — и глядишь — дед про курево забудет и вспомнит, как мы хотели сделать воздушного Горыныча. Слепота? Ну и что. Дед будет говорить, что делать, а уж я расстараюсь. И на рыбалку пойдём. У меня же глаза есть: я и за своими, и за дедовыми поплавками прослежу. Он пусть сидит рядом и рассказывает истории. У него их столько за годы службы накопилось». С этими мыслями Ванька и уснул.

Утром встал и сразу во двор за газетой. Но опоздал. Дед её уже забрал и теперь прощался с почтальоншей. Он передал газету Ваньке и сел в беседке в ожидании новостей. А у Ваньки всё подготовлено. Он вчера весь вечер учил хорошие заголовки из старых газет. Открыл новый номер и затараторил: хорошие новости — слово в слово, плохие заменял по памяти. Дед внимательно выслушал внука, в конце спросил:

— Снова ни одной плохой новости?

— Ни одной.

— А вот здесь в рамочке, что написано? — он показал на угол первой полосы.

— «Каков он, процент правды в газетных публикациях?»¹ — Ванька почесал затылок: — Правда, дед, почему ты всему газетному веришь? Вдруг...

— Действительно, — просиял дед и потянулся к табакерке. — Вдруг не всё так хорошо, как пишут.

— Наоборот! Не всё так плохо!

¹ Газета «Правда», №143, от 15.06.1991.

— Ты, Ванька, парень сообразительный. Да вот только провалился твой план. Мне почтальонша все заголовки уже прочитала. Там нет и половины новостей, про которые ты толкуешь.

Ванька покраснел, опустил голову.

— Получается, ты мне соврал?

— Я...

— Дороже правды ничего нет.

Ванька вскочил, сжал кулаки:

— Только ты от этой правды совсем синий стал и кашляешь всё время.

— Не твои заботы! Я, может, такой синий стал, потому что всю жизнь в милиции работал и враньё от хулиганов слушал. А от родных я хочу слышать правду, хочу им верить.

Ванька хлюпнул носом.

— Дед, прости меня.

— На первый раз прощаю.

— Дед, — Ванька робко посмотрел в его белёные глаза, — давай мы по-другому договоримся: если плохих новостей больше, чем хороших — ты куришь, если наоборот — нет.

— Ты когда такой умный и смелый стал?

— Твоя школа, — Ванька расправил плечи.

— Моя школа — правду привечать, — дед смягчился, — давай попробуем.

На следующий день Ванька читал всю газету целиком, даже знаки препинания называл, чем веселил деда. Но, как по заказу, почти все новости были плохие, и дед навертел пять самокруток. Ванька потерял покой и сон. Ночью он слышал, как часто дед кашляет, как бабушка приносит ему воды и предлагает положить ещё подушек. Ванька ворочался, и вместе с ним ворочались мысли в голове. «Не усну, пока не придумаю», — не позволяя глазам закрыться, приказал себе Ванька. И придумал! Забылся крепким сном, а утром вскочил с первыми петухами, схватил тетрадку, которую мама положила для летних занятий по математике, и побежал по соседям.

— Где ты болтаешься? — встретил его дед, когда Ванька вернулся. — Газета не читана.

Ванька декламировал с выражением, выделяя интонацией важные моменты, но новости снова были безрадостными. Ванька положил газету на стол. Дед, победно посмеиваясь, потянулся к табакерке.

— Не торопись, — остановил его Ванька. — Это не все новости!

Он открыл тетрадку и приготовился читать.

— Чего? — дед наклонился, стараясь рассмотреть надпись на обложке.

— Это новая газета — «Деревенская правда» называется. Я сам её сделал. У нас на деревне знаешь сколько новостей? Сплошные сенсации!

— Хитёр! — дед улыбнулся уголками губ. — Читай, журналист.

— У Ивановых курица вывела десять цыплят.

— Маловато! Как будто в магазине купили десяток и под курицу подложили...

Ванька продолжил:

— Синичкины заканчивают делать новые клетки для кроликов!

— Им только для кроликов и строить. А то дом поставили, так с него крыша съезжает. Перестраивать надо. Да только как? В одном месте тронешь — в другом посыплется. Можно совсем всё развалить...

Ванька читал:

— У почтальонши скоро внук родится!

— Это она такая старая? Была, помню, молодой...

— Я тебе щас вспомню! — крикнула бабушка из летней кухни и погрозила кулаком в окне. Дед ухмыльнулся.

— Итого... хороших новостей больше! Перевес! — воскликнул Ванька.

— Вот дела! Опять твоя правда взяла. Но только завтра-то где новости возьмёшь?

— Не переживай. Не твои заботы, — пообещал Ванька.

Ванька, не откладывая, побежал по улице. На следующий день хорошие новости снова перевесили, а на третий день пошёл град и у многих так похозяйничал в огородах, что соседи встречали Ваньку настороженно: всё, дескать, из-за него — бегают, хороших новостей ищет, вот и дохватались. Спасительные местные новости закончились. Как назло, в газете тоже написали про град. Ванька дочитал последнюю страницу и смотрел, как дед двумя пальцами берёт махорку и сыплет на вырезанную заметку.

— Вот, внучек, жизнь какая. Худая, — сказал он, проводя языком по краю газетного квадрата и сворачивая папироску.

Ванька сердился. Он чувствовал, как внутри него разгорается сигаретный огонёк, он жжёт сердце и растёт-растёт-растёт.

Ночью Ванька залез в кладовку, выволок оттуда мешок с махоркой и скинул в туалет. Потом взял палку и пошёл в огород. Он хлестал кусты табака, отдыхал и снова бросался в бой. Нежные листья кровоточили, раненые стволы стояли, пряный аромат дурманил Ваньку.

Утром дед ждал Ваньку в беседке. Свежая газета лежала на свободном табурете. Дед сердито дышал, раздувая ноздри.

— Явился, мародёр! — встретил он Ваньку. — Ты зачем табак порешил?

— Я его пальцем не трогал!

— Врёшь! — испарина выступила на лбу деда.

— Не вру. Град позавчера был! Может, побило.

— Да там стволы в палец толщиной. Я его с января в доме ращу. Говори правду!

— Я и говорю. Был град. Много побил.

— Ванька, не доводи до лиха. Нет ничего важнее правды!

— Есть!

— Что?

— Ты.

Ванька выскочил со двора и побежал по улице. Добежал до конца и побежал за околицу. Щёки щипало от слёз. Солнце слепило глаза, давая вдоволь выплакаться.

Домой вернулся под вечер. Дед сидел за столом, на котором стопкой возвышались старые газеты.

— Бери стул, садись, — строго сказал он.

— Прости меня, дед, — Ванька сел, потёр нос. — Это я табак порубил.

— Знаю. И ты меня прости. Бери ножницы, режь газеты.

— Дед, пожалуйста, не надо, — он шмыгнул носом.

— Бери ножницы, режь газеты до такого размера, — дед показал тетрадный лист.

— Такие огромные курить будешь? Ты же умрёшь! — закричал Ванька.

— Бери ножницы, режь, — терпеливо повторил дед. — Будем туалетную бумагу мастерить.

Он взял стопку нарезанных листов и прошил цыганской иглой, словно книжку. Оставил петлю в середине и примерил, как сшивка будет висеть на гвозде в туалете. Ванька подтащил стул ближе и схватил газету. Ту самую, со стихотворением. И дырой вместо статьи.

— Дед, ты почему новость про выборы скурил?

— Ишь какой приметливый. Может, я новость хотел на вкус попробовать? Вот ты говоришь, она хорошая, а на вкус — горше всех предыдущих.

Ванька покачал головой. Дед нахмурился:

— Ты мне это брось, дедом он недоволен. Пусть бабка плешь мою грызет, а мы с тобой на одной стороне должны быть, — он помолчал, похлопал по стопке старых газет. — Сегодня этим займёмся, а завтра Горыныча делать начнём. Я у бабки тёмный платок выманил: на нём змеиные глаза и зубы хорошо будет видно, — дед рассмеялся, яркий озорнёк промелькнул в его глазах. Теперь Ванька точно разглядел.

Лауреаты конкурса
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2025 года

«Поэзия»

Возрастная категория
старше 35 лет

1 место

Сергей Еремеев

г. Москва

БАЛЛАДА О БОЖЬЕМ ЗНАКЕ

Серым ёжиком в тумане
С острым ножиком в кармане
Он блуждает по поляне,
Ищет, где растёт ревень.
Деревенская охота:
Срезать стебли — и всего-то.
Для варенья, для компота.
Вдруг мелькнула чья-то тень!

— Кто там? — он спросил несмело,
Но, вращая то и дело
И привычно, и умело

Ножевую рукоять.

— Кто там? — эхом прилетело,
Лёгкой дрожью впившись в тело.
Он качнулся очумело,
Но скомандовал:
— Стоять!

Тень в ответ смеётся звонко,
Как любимая девчонка,
И смутился мужичонка:
«Ёшкин кот! Она? Она!»
Вот виденье так виденье:
На поляне привидение,
Вот такой на удивленье
И была его жена!

Стихло всё. И нет тумана,
Он очнулся от обмана:
«Ну, волшебная поляна,
Начудила ты со мной...»
Понарошку чертыхался.
То грустил, то усмехался,
То от смеха колыхался...
И отправился домой.

Лает радостно собака,
А жена из полумрака:
— Два мешка принёс, однако! —
С уважением изрекла.
Дождевик он быстро снимет,
Горячо её обнимет,
А она любовь воспримет
И шепнёт: «Не отцвела...»

Серым ёжиком в тумане
С острым ножиком в кармане...
Кто бы знал, что на поляне
Божий знак увидит он?

Вспоминай её такую,
Не считай такой-сякою,
Совладай с её тоскою
И навеки будь влюблѐн!

Вспоминай её девчонкой
Ясноглазой, тонкой, звонкой!
Вспоминай её девчонкой,
Что одним тобой жила.
Береги её, как прежде,
Вместе с ней живи в надежде,
В нескончаемой надежде,
Что любовь не отцвела.

ВОСКРЕШЕНИЕ, или Баллада о беспородной псинке

Выла псинка в квартире,
Где хозяйки не стало...
Словно пульками в тире,
Вьюга в окна хлестала.

— Почему умерла?
— Одиноко жила,
Беспробудно пила
И себя довела...

Не сможешь ничем ты — хоть тресни.
А собака всё воет: «Воскресни!»
Хватит выть, беспородная псинка:
Не воскреснет беспутная Зинка.

Люди! Может, собака кому-то нужна?
Воет горестно, знает: осталась одна.
Бездыханной хозяйке собака верна,
Человеческим голосом воет она!

Поезд в город привозит покойной сестру,
Что в посёлке живёт под Москвой.

— Ты, собачка, не вой, я тебя заберу,
Только больше так страшно не вой!
Ты оставь свои жуткие песни!
...А собака всё воет: «Воскресни!»

Вдруг от мёртвой исходит прерывистый стон!
Значит, это не смерть! Летаргический сон!

Люди сразу воскресшую взяли в кольцо:
— Ну, давай, Зинаида, очнись!
А собака ей яростно лижет лицо:
— Просыпайся, вставай, не ленись!

Умерла и воскресла! Воскресла — и вот
С той поры Зинаида не курит, не пьёт.
Возлюбила и лунный, и солнечный свет,
Стала счастлива, что не исчезла!

...А собачка? Собачки давно уже нет:
С той поры, как хозяйка воскресла.

ДЯДЯ ФЕДЯ

Удивляюсь дворовому слову:
Дядя Федя зовёт меня «шкет».
Мне четыре. А брату отцову —
Дяде Феде — четырнадцать лет.

Он такой же, как я, синеглазый,
На него я походкой похож,
Но, как взрослый, считаю проказой,
Что метает он в дерево нож.

Нож летит, кувыркаясь, и входит
В тонкий тополь своим остриём.
Тополь маленькой веточкой водит,
Словно шепчет о чём-то своём.

Нож вонзается снова и снова...
— Больно дереву?
— Нет, ничего!

Слушай, шкет, помнишь Ваню Седова?
Схоронили недавно его...

— Как же так?

— Да зарезали в драке!

В пьяных драках полно дураков...

Выла мать его воем собаки,

У которой отняли щенков!

А его схоронили, зарыли

В красной тканью обитом гробу.

Вместо армии парень в могиле,

Кто бы знал про такую судьбу!

Над могилой кузнечики скачут,

Пауки свои сеточки ткут...

Я не плачу: мальчишки не плачут!

Я не плачу, а слёзы текут.

Слёз моих дяде Феде не видно

И не нужен ему мой ответ...

— Представляешь, как это обидно:

Все живут, а тебя уже нет?

— Дядя Федя, а дерево может

От ножа твоего умереть?

...Мне четыре. Меня уже гложет

Всё, что разом узнал я про смерть.

Сразу стало мне холодно летом,

Вьюги в детской бушуют душе...

— Всё, племянник, ты будешь поэтом,

Раз деревья жалеешь уже!

...Зеленя, и в лиственной меди

Тополь вымахал под облака...

Ясным днём моего дядю Федю

В память сердца вмещает строка.

2 место

Ольга Кручинина

г. Лыткарино, Московская область

* * *

Перепиши свой дом, спусти собак,
Развейся по ветру, гуди в колоколах.
И сейся сором, прорастай живьём.
Но для начала отпиши свой дом.
Всё отпусти, раздай и налегке
Теки-теки по Времени-реке.
Теки-теки, гуди в колоколах.
Теки, гуди и сей свой серый прах.
Мы не жили, не будем, не живём.
Гуди ветрами, выплачись дождём
И мелкой птахой, зёрнышком лети.
И упади, но после прорасти.

* * *

Он смотрит в даль. Мою немую даль.
Зачерпывает, простится напиться.
А мне не жаль. Ни для кого не жаль.
Я длюсь. Я для... Пока я буду длиться.
Пока молчу, он пьёт мои слова,
И тянет время сок по восходящей.
Я только этим, может быть, жива,
Что существую прошлым в настоящем.

* * *

Непреднамеренно двери хотят руки,
Их открывающей. Тёплой чужой ладони.
Заперты двери, а окна разбиты в доме.
Он постепенно съезжает в подол реки.
После дождя здесь запахнет извёсткой и
Дикий сверчок догадается, что домашний.
Время проходит. Ему ничего не важно.
Если успеешь, желание извлеки
Из неприкаянной звёздочки, вдруг угасшей.

* * *

А, впрочем, знаешь, больше не приходи.
День был обилен, и вечер ушёл на нерест.
И время пялится комнаты посреди.
Вещи неловки, сами себе не верят.
Я в это верю искренне, потому
Что задолбало неверие неимоверно.
Может, оттаю, только ведь наяву
Двери распахнуты. Искреннее — бездверно.
Нечего прятать. Если вдруг надо — ложь.
Ложь так карманна, не вытащить, обнаружив.
Так одиноко. Может, ещё зайдёшь.
Лучше не надо, лучше не надо, лучше...

* * *

А ветер дул такой неимоверный,
День нёсся кубарем до вечера примерно
И думал: «Только б, только не спешить!»
Но время йокает опять в сырую прорубь,
Барахтается и взбивает творог
Из вновь пастеризованной души.
И ветер дует, и скрипят калитки,
И кем-то обязательно налито —
Берёшь стакан из тёплых чьих-то рук.
И время катится минутное по кругу,
Ты тёплую сжимаешь эту руку
И залпом пьёшь, и замыкаешь крут.

* * *

Зашаркана до дыр давным-давно
Дорога-скатерть. Латками покрыто
Холодное льняное полотно
Небесное. Всё штопано-зашито.
Да разве снизу тропы разберёшь,
Хоть запрокинь и вглядывайся хоть бы.
Нет, сколько ни гляди, пока живёшь,
Наверх от темени до горизонта.
И только замирая на момент,
На миг, на тон между ударов сердца,
Вдруг кто-то там не попадёт след в след.
Оступится. И скрипнет половица.
Ни тропки, ни следка — всё гладь да тишь.
И только знаешь — густо. Подреберьем.
Стоишь, закинув, ну, или лежишь.
Молчишь и веришь.

2 место

Пётр Исаков

г. Минск

ПОЗЫВНОЙ «ОЛЯ»

Он приехал туда добровольцем,
Из учебки, как все, по контракту,
Средний возраст, спортсменов не водится,
Только этот особого такта.

Не курящий, не пьющий и вдумчивый,
Сразу видно, простой, исполнительный,
Но на деньги довольно задумчивый,
Всё подсчитывал очень ревнительно.

Его даже прозвали бухгалтером,
Всё зарплату считал он да выплаты,

Всем казался с корыстным характером,
На войне всё считал свои выгоды...

Что за танк, что подбил, причитается,
БТР, уточнял всё внимательно,
Узнавал, что за что начисляется,
ПТУР таскал за собою старательно.

Всё читал он инструкции с книжками,
Командира замучил вопросами,
Как стрелять, как готовиться, вышколил,
Карты, рации, дроны с забросами...

Но на этом не кончились странности,
Позывной себе выбрал он «Оля»,
А в глазах нет ни горя, ни радости,
Ждал «бухгалтер» наш первого боя...

Очень грамотно вырыл окопы,
Не окопы, а просто редуты,
Всё пристрелено, бруствер и ходы,
Что тут скажешь, готовился круто...

Первый бой. Поражает два танка.
Долго дрались, три дня и три ночи,
Батальоны меняются, жарко,
Только «Оля» меняться не хочет...

«Марш на отдых!» — «Простите, не понял»
«Ладно, Рэмбо...» «Воюет мужчина...»
За неделю тогда запостоил
Три железных врага машины...

Ранен он, а в глазах его радость,
Он на выплаты рапорт с палаты,
Ещё кровь на бумаге осталась,
А ему в батальоне уж рады...

Он вернулся, молчит и воюет...
«Видно, тронулся», — рассуждают,
Только кто же ему всё рисует?
Он рисунки ребёнка листает...

То он молится, то он плачет,
То у Бога просит прощения
За убитых, то письма прячет,
Сторонится с другими общения...

Командир рассуждает: «Странно,
Если набожный, что ж он воюет...
Всё про деньги он постоянно,
Лицемер... кто ж ему... всё рисует?»

Тут он взял и подбил Леопарда,
Ему орден, а он весь светится...
Только радость ему не награда,
А всё выплаты, выплаты вертятся...

Через месяц приходит ротный
К командиру с слезами и болью:
«Разрешите, я к вам, вы свободны?
Я чего тут... убили «Олю»...»

Он поднялся, пошёл к посадке,
Там участок врагом пристрелен,
Знал он это не по догадке:
Там он снайпером был застрелен...

Мы в блиндаж к нему, там это фото,
Подпись: «Оля» — и ниже: «5 лет».
Вот письмо для неё и для взвода,
Там на все вопросы ответ...

«Моей дочке нужна операция,
В три этапа, иначе ей смерть,
За границей. Пришлось постараться,
Чтобы денег собрать успеть...

Её стоимость покрывается
Тем, что смог заработать здесь
С похоронными...
Думаю, справятся...
У неё только бабушка есть.

Я пошёл за неё под пули...
Только если такое возможно,
Проследите, чтоб не обманули,
Чтобы выплатили, что положено...»

«Дорогая, любимая доченька,
Папа сделал твой всё, что смог,
Ты мне снилась каждую ноченьку,
Только быть я с тобой не мог...

Обещай мне расти красивой,
Обещай мне достойной быть,
Обещай же мне стать счастливой,
Обещай никогда не забыть...

Хоть меня ты почти и не знала,
Может, даже не помнишь меня,
Я всё сделал, чтоб ты не страдала,
Больше жизни люблю я тебя...»

«Ненавижу себя!» — крикнул ротный,
Со слезами сказал, что когда
Всё закончится, станет свободным,
В монастырь он уйдёт навсегда...

3 место

Николай Прохоров

г. Нефтегорск, Самарская область

ПРОЩАНИЕ С СОБАКОЙ...

На душе нынче пусто и гадко,
Сердце выжжено болью дотла,
У меня умирает собака,
Вот такие плохие дела.

Она знает о скорой разлуке
И не хочет меня покидать,
Чтоб немного облегчить ей муки,
Я готов всё, что можно, отдать!

И в последние дни доживая
Ей судьбою отпущенный срок,

Она лижет мне руку, давая
Доброты и участия урок.

Я лишь гладить могу, утешая,
Обещая огромным глазам,
Что осталась мне жизнь небольшая,
И что скоро мы встретимся там...

Кто-то скажет брезгливо: «Бедняга!
Из-за жучки здесь слёз напустил!
Ну, подумаешь — сдохнет дворняга,
На помойку отнёс и забыл!»

Я смолчу — от меня не убудет,
Лишь рукою закрою лицо,
Ведь на подлость способны лишь люди —
Средь дворняг не найдешь подлецов.

Мне порой было в жизни несладко,
И не раз ударяло о дно,
Но во всех передрыгах собака
Оставалась со мной заодно.

Ни в жратве, ни в деньгах, ни в подарках,
Ни в карьере и ни в должностях
Измеряется счастье — в собаках,
Остальное, поверьте, — пустяк!

КНИЖНАЯ ИСТОРИЯ

В тёмной, пустой квартире
С полками в потолок
Тесно стояли книги,
Чуть завалившись вбок.

Их пожилой хозяин,
Наспех накрыв на стол,

Осенью вышел за чаем,
Вышел... И не пришёл.

Долго зима тянулась,
В окнах чернела мгла,
Пыль корешков коснулась
И на страницы легла.

Ждали хозяина книги,
Верили — он придёт!
В тёмной пустой квартире
Лампу привычно зажжёт.

Сколько уж раз менялись
Полки и адреса,
В шелест страниц вплетались
Книжные голоса:

— Нас в рюкзаке носили,
Клади в землянке на стол.
— Я побывала в Сибири.
— Я до Берлина дошел.

— Я в африканской пыли
Снега ему давал
И средь болотной гнили
Строчками согревал...

Так шелестели книги,
Свой коротая сон,
Сотни имён великих
Ждали, чтоб он пришёл.

Вьюгой февраль промчался,
Следом июнь прошёл,
Скрежет замка раздался,
И новый хозяин зашёл.

Громко чихнув от пыли,
Сморщив брезгливо нос,
Полки и стол, и книги
Приговорил под снос.

Был приговор исполнен
Быстро и без затей,
В грязь побросали книги
В хмурый, дождливый день.

Словно слеза, катилась
Капля по корешкам.
Люди сдались на милость
Шоу и соцсетям...

В этом блестящем мире
Шоу и соцсетей
Я собираю книги
С мусорки, где темней!

3 место

Анна Звёздкина

г. Нижний Новгород

* * *

Человечество — ослик на привязи,
Машинально ходящий по кругу.
Тут попробуй-ка, выдюжи, вынеси
Эту внутрисердечную вьюгу,
Став свидетелем — всё повторяемо,
Как в заученной намертво пьесе.
Человечество необучаемо,
Сколько ты ни тверди о прогрессе.
Неизбывны Пилаты с Иудами.
Подлых Каинов меньше не стало.
Вновь из чёрных пучин лезут спрутами
Злоба, ложь, не скудея нимало.

Прикрываясь любовью к Отечеству,
Брат на брата идёт, не смущаясь.
Я не верю уже в человечество.
В человека ещё пытаюсь.

ЛЕТО ПРИШЛО

День за днём негатив, негатив и... внезапная нега,
Словно сказочным магом для всех сотворённое благо.
Просто лето пришло, просто знойное здравствует небо.
Просто тянет от дикого бега — к неспешному шагу.
Я как будто бы что-то/кого-то всегда догоняю,
Всё-то кажется мне, замедление смертью чревато,
А сверхважным делам ни конца не бывает, ни краю.
Всё-то кажется мне, я опять, я кругом виновата,
Разрешая себе смаковать это хрупкое лето,
С наслажденьем балконные двери в него открывая.
Просто быть. Только здесь и сейчас — не когда-то, не где-то
Я поверю, я вспомню: живая, живая, живая.

НА ОЗЕРЕ

Плыву по остывающему озеру.
Замедлилось вращение планеты.
Ещё довольно далеко до осени.
Ещё успею насладиться летом.
Где на мели мальки зеленоватые,
Там золотого сахара щепотку
Бросает в воду солнце скуповатое.
Я сяду на корягу, точно в лодку.
Я погружусь в безвременье дремотное.
Умчатся прочь проблемы птичьей стаей.
Так странно, что когда вода холодная,
У озера как будто возрастает
Стократно глубина. Я неимущая,
Но мне легко. Всё то, что прочным мнилось, —
Оплачено, оплакано, отпущено.
А новое — ещё не народилось.

ЭКЗАМЕН

Спасибо надо бы сказать судьбе.
Сквозь жгучесть ран пробиться хочет сила.
Ты мой экзамен по любви к себе.
Как много их я в жизни провалила.
Как глупо я неслышащих звала,
Любила тем сильнее, чем было горше.
Не нужно мне фальшивого тепла,
Бессонниц тягостных не нужно больше.
Я двоечница столько лет подряд,
Но нынче мой ответ, как скальпель, точен.
Ни рыбы, ни рабы так не молчат.
Так мёртвым по гробам молчать нет мочи,
Как я молчу. Мольбами унижать
Себя не стану, подошедши к краю.
Я сдам экзамен. Сдам его на пять,
Господь-экзаменатор, обещаю.

СЕБЕ НАВСТРЕЧУ

Жаждала чудес, безоблачного дня,
Глаз влюблённых и лазурного прибоя.
Я кричала в этот мир: «Люби меня!»
А теперь прошу не о любви — покое.
Я не мисс Вселенная, не пуп земли,
Не икона и не центр мироздания.
Я кораблик. Я ничья. Но на мели
Не бывать мне. Было бы желанье
Наводить порядок в собственной душе.
Я кораблик, что плывёт себе навстречу.
Маленький кораблик из папье-маше.
И чем дальше от земли, тем легче, легче...

* * *

Давайте будем бережны к себе.
Давайте жить не только внешним, громким,
Не выгорать в бессмысленной борьбе,
Хранить себя от внутренней поломки.
Довольно сердцем тратиться на тех,
Кто к нам жесток и просто безразличен.
Давайте помнить, что унынье — грех,
Хоть и имеет кроткое обличье.
Давайте запретим слепой вине
Навязывать кругом свои порядки.
Побудем в благодатной тишине,
Хотя бы миг, неуловимо краткий.
Кругом так много тех, кто «зряч» и лих,
Кто нашу жизнь по нотам разыграет.
Зачем идти на поводу у них,
Когда лишь собственное сердце знает
Дорогу? Не впервой на ум судьбе
Взбрело нас кинуть в хлёсткий дождь и ветер.
А мы назло ей бережны к себе
Давайте будем. Не рабы, а дети,
Родные дети Божьи будем мы,
Такие, как в своём начале были.
Давайте выйдем из гнилой тюрьмы,
Куда самих себя мы посадили.

**Лауреаты конкурса
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2025 года**

«Проза»

**Возрастная категория
от 14 до 35 лет**

1 место

Сергей Понеделко

г. Москва

Троль

Рассказ

Когда он открыл дверь, помещение библиотекидохнуло на него теплом, ярким светом, говором, шарканьем ног по плитке пола. И он шагнул в него, словно попал в новое измерение: всё, предшествующее турниру, который вот-вот должен был здесь начаться, было живым, осязаемым, в отличие от виртуального игрового мира, к которому Вадим так привык.

Справа стояло несколько стеллажей, заставленных книгами; в центре зала были расставлены столы и стулья;

на столах красовались светло-коричневые доски в клетку, у каждой доски двойные часы. Но самое первое, что Вадим увидел, — это надпись плаката, висящего на противоположной входу стене, неожиданно и неприятно хлестнувшая его по глазам: «Уважение к сопернику — в крови у чемпионов!» От содержания ли написанного, или от того, как плакат был выполнен художником (красными буквами на белом фоне), молодой человек, усмехнувшись и снимая куртку, подумал: «Какой-то совковый слоган».

В дальнем правом углу за небольшим столиком перед компьютером, склонившись над раскрытым журналом с авторучкой, сидел молодой человек лет тридцати пяти; около него толпились люди. Рядом на большом столе поблёскивали пластиковой позолотой кубки, лежали медали и грамоты. Несколько девочек, лет по тринадцать, тонконогие и похожие на проворных стрекоз, расставляли на досках шашки. «Ха-ха! — усмехнулся Вадим. — Неужели и дети будут против меня играть? Любую из них я обыграю с закрытыми глазами». Слева у окон стояли старички, что-то с интересом обсуждая.

Вадим направился к молодому человеку, и тот внёс его фамилию в список участников. Но как только Вадим отошёл и присел на ближайший стул, судья встал со своего места и, слегка картавя, огласил на весь зал: «Уважаемые участники, я прочту список игроков. Если кто-то не услышит своей фамилии, подойдѐте ко мне. Войтов, Синицына, Никитченко, Добров...»

«Добров?!» — прозвучавшая фамилия, словно дубиной, ухнула Вадима, да так, что он чуть не подскочил на стуле. «Не тот ли самый?..» — подумал он и начал медленно и осторожно прощупывать пожилых мужчин взглядом, стараясь внешне оставаться невозмутимым. Когда их взгляды встретились, только усилие воли помогло Вадиму не выдать себя. Выдержав тяжѐлый, пронзительный взгляд стариковских глаз, защищённых толстыми линзами очков, он перевёл взгляд на другого человека. «Узнал?.. Да, конечно, конечно, узнал!» — промелькнуло в голове Вадима, и он, минуту на-

зад напрягшийся всем телом, обмяк на стуле. «И как я сразу не приметил его? Как он вообще очутился здесь?! Бред какой-то...» В тот миг, когда Вадим понял, что это ТОТ САМЫЙ Добров, тысячекилометровая пропасть, служившая ему, Вадиму, надёжной защитой, ужасающе сузилась до каких-то шести шагов.

* * *

Двадцатидвухлетний Вадим Зайцев, невысокий художавый шатен, три года назад вернулся из армии. Он не стал тягивать с поиском работы и уже через неделю устроился в ремонтно-механический цех местного предприятия. Однажды во время перерыва на обед его напарник Дима, бывший на четыре года старше, нашёл в пустующем шкафу для переодевания шахматный набор. Дима предложил Вадиму поиграть. Но не в шахматы. Так как шахматы — игра долгая, а перерыв на обед не бесконечен, решено было шахматными фигурами играть в шашки. Вадим признался, что толком не знает правил — последний раз играл с дедушкой лет в шесть. Дима всё подробно объяснил. К молодым людям присоединилось несколько человек и зеваки, облепившие стол.

С тех пор Вадим и Дима каждый день играли на работе в шашки. Вадим влюбился в эту игру. Так интересно было анализировать, думать, как сложится расстановка сил на доске через два-три хода, находить какие-то интересные комбинации, неожиданные ходы, затрудняющие игру сопернику. Вадиму захотелось постичь глубины этой на поверхностный взгляд простой игры. К тому же его подстёгивал напарник: он постоянно обыгрывал Вадима и, под смехи коллег, подшучивал над ним, называя лопушком. Не в характере Вадима было оставаться в долгу. Вскоре шахматный набор убрал обратно, потому что Вадим привёз на работу шашки.

Всё свободное время он стал уделять шашкам. Возвращаясь с работы домой, ужинал, затем шёл к себе, прикрывал дверь, чтобы шум телевизора из родительской комнаты не мешал, и играл. Играл очень много, часто допоздна засижи-

ваясь. Помимо игр, Вадим изучал и теорию шашечной игры по двум советским учебникам. Через два месяца упорных тренировок он уже обыгрывал всех коллег на работе, в том числе и Диму. Обыгрывая того, Вадим дразнил его лопушком. Дима злился, но ничего не мог противопоставить сопернику. Самолюбие Вадима было отомщено, но и шашечная лига на работе исчерпала себя: людям стало не интересно играть с ним, ведь постоянно проигрывать никто не любит. Тогда ему остались лишь онлайн-игры. Знакомых шашкистов он не имел, с кем можно было бы играть, да и будучи по природе своей замкнутым, почти не имел друзей, большую часть времени просиживая дома. С тех пор как в его жизни появились шашки, Вадим забросил книги, фильмы и гитару, на которой учился играть. Каждый вечер возвращаясь с работы домой, он жаждал лишь одного — поскорее сесть за игру. А в выходные дни вставал из-за компьютера только по необходимости. Шашки всё больше и больше затягивали его. Но странное дело: по мере роста мастерства он всё острее и острее стал реагировать на поражения. Вадиму всегда казалось, что игрок, одержавший над ним верх, совсем не сильнее и победил лишь потому, что он, Вадим, уставший после работы и голова плохо соображает или же отвлёкся на что-то.

Однажды ему попался очень цепкий соперник. Первые две партии прошли в напряжённой, равной борьбе и завершились вничью, хотя Вадим видел, что рейтинг соперника ниже, и по игре его понимал, что он слабее. В третьей партии, когда шашки Вадима располагались в более выгодной позиции, соперник провёл неожиданную комбинацию. Шашечное войско Вадима было разгромлено, а единственная уцелевшая шашка была позорно заперта — «попала в сортир», как шутя выражаются шашкисты. Оппонент вышел из игры. Вадим грохнул ладонью об стол, вскочил и нервно заходил по комнате. Затем вернулся к компьютеру и перешёл по ссылке на страницу соперника. С фотографии на него смотрел седоволосый крупноголовый старик в роговых очках, одетый в старую клетчатую рубашку. Фамилия

его была Добров, жил он в другой области. Пролистав его фотографии, Вадим увидел старика в окружении родных, среди которых была девочка лет пяти со смешно топорщившимися косичками, в красном платице. «Только попадись мне ещё, — со злостью подумал о сопернике Вадим, — разнесу в щепки».

Почти неделя прошла, прежде чем обидчик появился в игре. Увидев его фамилию в длинном списке игроков, Вадим тут же пригласил старика сыграть. В пяти партиях Вадим одержал пять побед и удивился, как это в прошлый раз старик обыграл его, а перед этим ещё и две партии свёл вничью. Но пяти побед молодому человеку показалось мало, и его пальцы потянулись к клавиатуре. Он напечатал:

«21 августа 2020

<< Вадсон >> 21:34

Ну что, старый пенёк, получил?»

Добров не отвечал.

— Ты не должен меня побеждать, потому что играешь очень слабо! — с ожесточением выбил Вадим на клавиатуре, и покинул игру. Вскоре злость его прошла, а в душе возникло какое-то гадкое ощущение. Словно он испачкал руки в жидкой грязи, а в кране совсем нет воды, чтобы отмыть их. Но ощущение это улетучилось, стоило ему заняться бытовыми делами и отвлечься.

После этого между старым и молодым шашистом установилось соперничество, ощущавшееся через экран. Седоволосый частенько приглашал его поиграть. Побеждал он Вадима редко, но, когда это происходило, молодой человек не мог сдержаться и отвечал грубостью в сообщениях. Или же, наоборот, побеждая, на кураже и довольный собой, троллил старика. Например, при счёте 7:0 или 10:2 в свою пользу, писал: «Давай-давай, старина, поднажми! Ты сможешь переломить ход игры!» — или: «Ну, что за игра? Даже мой кот без труда уделает тебя!» Старик, который всё время отмалчивался, однажды всё-таки не выдержал и написал в ответ:

19 декабря 2020

Добров Д. 20:05

Почему вы так себя ведёте? Это же всего лишь игра!

<< Вадсон >> 20:05

Да потому, что, такие неумехи, как ты, не должны меня побеждать!

Добров Д. 20:06

Называешь меня неумехой, хотя я, бывает, и побеждаю тебя.

<< Вадсон >> 20:07

А я играю по бразильской системе: ты забьёшь голов сколько сможешь, а я — сколько захочу!

После этого старик не перестал с ним играть, но больше уже никогда не вступал в переписку. Да и игра его стала ещё более упорной, Вадим это сразу заметил.

Потролливая деда, не церемонился Вадим и с другими игроками. Так приятно было, ощущая свою силу и мастерство, побеждать и посмеиваться над незадачливыми соперниками. Причём Вадима совсем не смущало, что в его профиле указана вся информация о нём, включая фотографию. Он самоуверенно не прятался, как многие другие, за пустой страницей без привязки к соцсети. Много недоброжелателей появилось у Вадима. Одни не отвечали на издевательства, другие вносили его в чёрный список. А один соперник как-то написал, что найдёт и снимет голову с плеч, да ещё и малолеткой обозвал. Вадим заглянул в его профиль и увидел, что тот живёт в соседнем городе. После этого молодой человек ничего не писал ему, да и другим игрокам. Но через несколько недель осмелел, и насмешки вновь посыпались на его соперников.

...Турнир начался, а Вадим не мог настроиться на игру. Он думал о другом и поглядывал в сторону Доброва — не глядит ли тот на него. Но Добров смотрел на свою доску. После первого тура прошло не более пяти минут, как судья объявил о начале второго. Против Вадима села играть одна из девочек, расставлявших на досках шашки. По её ходам Вадим понял, что она слабый соперник, но преимущества не имел: не удавалось сконцентрироваться. Мысль проваливалась сквозь шашечную доску под стол, шашки смешивались перед глазами в кучу, и в этих нагромождениях Вадиму не удавалось найти победную комбинацию. К радости девочки партия завершилась вничью.

После окончания тура, когда люди поднялись из-за столов и стали обмениваться мнениями о сыгранных партиях, Вадим потерял Доброва из виду. «А вдруг он на улице... рассказывает кому-нибудь?..» — мелькнула в голове Вадима ужасная мысль, и он подскочил к окну. Отдёрнув занавеску, он облегчённо вздохнул: старик стоял у входа один и курил.

Перед третьим туром судья стал объявлять играющие пары, и Вадим услышал слова, которые прозвучали как приговор: «Добров-Зайцев!» Ноги двигались тяжело, словно подошвы приклеились к полу; старик уже сидел за столом, поправляя шашки на доске. Вадим присел и, не поднимая головы, как положено, пожал руку соперника. Пустил ход часам. Игра началась. Вадим вперил взгляд в доску. Мысль, будто покрытый ржавчиной механизм, тяжело заворачивалась в голове. Игра Вадима выходила нескладной. Опять нагромождения шашек встали перед ним, словно логическая задача, не имеющая решения. К тому же он не мог отделаться от отвлекающего его странного ощущения, что фотография его соперника, которую он привык видеть в профиле игры, эта плоскость, сошла с аватарки, обрела реальные человеческие черты и объём, ожила... А к прежней седине и очкам на носу прибавились резко очерченные напряжением мысли морщины на лбу.

В какой-то миг Вадим отвлёкся на мысли, не связанные с игрой, а вернувшись к партии, долго ждал хода соперника. «Что-то он затянул с ходом, тугодумит», — подумал Вадим и исподлобья глянул на старика. Но тут же опустил глаза в доску: старик пристально смотрел на него.

— Что же вы тянете, молодой человек? Ваш ход — моя шашка под боем.

«Ой, точно! Как же я проглядел...» — стушевался Вадим и побил шашку соперника.

Игра шла равная, и Добров в душе радовался ничьей с более сильным игроком. Вадим уже и сам думал, что дело идёт к ничьей, как вдруг увидел выигрышный ход, после которого Добров сдался.

Позже, по окончании турнира, Вадим не мог вспомнить, как он сыграл после партии с Добровым ещё четыре, три из которых умудрился выиграть, а одну сыграть вничью. Не мог припомнить он, кто подходил к нему в перерыве перед последним туром и сказал, что, похоже, второе место ему, Вадиму, обеспечено. Вадиму не хотелось тогда ни второго места, ни приза, а только одного — чтобы турнир скорее закончился. Он мог уйти уже в тот момент, как узнал Доброва, но остался: удержало самолюбие. Да и не мог он так легко отступить, проделав путь длиной в сто километров! И лишь когда завершился последний тур, и судья объявил, что будет сводить результаты на компьютере в турнирной таблице, Вадим накинул куртку и выскочил на улицу. Холодный ветер неприятно хлестнул его по лицу, бросив крупные хлопья снега, которые метались в воздухе, как мысли в голове Вадима. После того как всё осталось позади, молодой человек, голова которого наконец освободилась от интеллектуальной работы, начал размышлять: «Как это возможно? Как он очутился здесь?! Не будь его, я выступил бы намного лучше!..» Так он думал весь путь до остановки, пока ждал трамвай, и когда вошёл в него вместе с шумной толпой студентов и сел около окна. Эти мысли настолько увлекли внимание Вадима, что он и не заметил, как трамвай повёз его в обратном на-

правлении. На очередной остановке его размышления прервал человек, грузно опустившийся на соседнее сидение.

— Опаздываете на автобус?

От неожиданности и от того, что голос показался знакомым, Вадим вздрогнул и повернул голову вправо. Человек, сидящий рядом, смотрел на Вадима проницательно и, как показалось тому, слегка насмешливо.

— Вы так быстро ретировались, что мы подумали, будто вы опаздываете на автобус домой, — продолжал старик, сняв с носа очки и протирая их платком.

— Да... опаздываю... — выдавил Вадим и отвернулся, глядя перед собой.

— Интересную мы партию сыграли. Я думал, что вытяну на ничейку, жаль, не удалось, — сказал Добров, надев очки и убрав платок в карман пальто.

Вадим посмотрел на него. Глаза старика излучали добродушие, но виделись в них и насмешливые огоньки. Тут Добров, словно не замечая, что Вадим не настроен на общение, разговорился. Он рассказал, как давно играет в шашки, что хочет дорасти до кандидата в мастера; рассказал, что в этом городе живёт его сестра и он, приехав к ней в гости, узнал о турнире и решил принять участие.

— В моём провинциальном городишке не проводят шашечных турниров. А здесь я поиграл с людьми вживую, общался. Интересно всё-таки. Да и с вами сыграл интересную партию. — Впрочем, — добавил он, вставая и оправляя пальто, — мне всегда было интересно с вами играть.

Вадим вскинул голову и посмотрел на Доброва. Лицо старика сохраняло добродушное выражение.

— Желаю успехов, — Добров протянул руку.

Вадим пожал крепкую стариковскую руку, проблеял «до свидания», после чего Добров направился к выходу. Смешавшись с вышедшей вместе с ним толпой студентов, он пошёл по тротуару. Вадим смотрел ему вслед. Студенты, молодые и полные жизни, смеясь и обмениваясь шутками, обогнали старика. А он, грузный, в старом поношенном пальто,

шёл навстречу усиливающемуся холодному ветру тяжело, медленно ступая. И Вадим, глядя на его согнутую спину и крупную седую голову без шапки, втянутую в плечи, почувствовал уязвимость и незащитность. Он подумал о том, что когда-то станет таким же старым... Трамвай медленно тронулся с места, обогнал старика, и тот пропал из виду. Молодой человек наклонился и, опершись локтями в колени, прикрыл лицо руками.

* * *

Вечером Вадим приехал домой. За ужином мать, никогда не интересовавшаяся успехами сына в шашках, спросила: «Ну что, сынок, как съездил? Как сыграл?» И отец, исключительный прагматик, ищущий во всём выгоду, сказал: «Да, делись. Разряд-то присвоили? А место призовое взял? Может, денежное вознаграждение было?»

Вадим оторвал взгляд от тарелки и посмотрел на родителей. Они так улыбались и глядели на него, будто всё знали.

— Плохо сыграл, — буркнул Вадим.

— Эх ты, шашкист, — пошутил отец, и родители рассмеялись.

— Шашкист, — с раздражением поправил отца Вадим и встал из-за стола, не доев свою порцию.

Ночью Вадим долго не мог заснуть. Ворочался под одеялом, а в голову лезли навязчивые мысли.

* * *

Когда он снова очутился в знакомом помещении, то удивился, увидев, что оно пусто: лишь посередине стоял стол с шашечной доской да на стене, словно цитата из божественной заповеди, виднелась надпись, красным по белому, при виде которой лицо его дрогнуло. Он хотел уйти, но любопытство перебороло это желание, и Вадим подошёл к столу посмотреть на шашки. Сначала ему показалось, что выигрыш у чёрных: так сильно они прижали белые шашки к флангам, но, посмотрев более вдумчиво, он решил, что белые ещё мо-

гут спасти партию от поражения. Но только Вадим потянулся рукой к белой шашке, как вдруг стол вздрогнул, и одна его ножка провалилась. Вадим не успел отскочить, как и сам вместе со столом начал проваливаться во что-то вязкое, затягивающее... От страха ему хотелось закричать, но дыхание перехватило. А погружался он глубже и глубже, и тут только увидел, что под ним не пол, выложенный плиткой, а самое настоящее болото. А вокруг люди стоят и смотрят на него осуждающе. Ближе всех к нему тот старик. Брови седые сдвинул, глядит, будто вдавливая Вадима в трясины; за руку старика держится девочка лет пяти. В красном платице, с двумя косичками смешными. Глаза заплаканные и смотрит на Вадима с жалостью.

А Вадим уже по грудь в тине, чувствует, ещё немного, и провалится туда, откуда возврата нет. И тогда, отчаянно барахтаясь и загребая руками воздух, он выдохнул скороговоркой: «Помогите! Пожалуйста, помогите!» Никто не шелохнулся. Все молчали. И только девочка, лицо которой исказила лёгкая гримаска детской злости, крикнула: «Выбирайся сам!...» Тина добралась Вадиму до подбородка. Он запрокинул голову, чтобы не набрать жижи в рот, закричал, дёрнулся всем телом и... проснулся на измятой постели.

* * *

Два дня Вадим не играл в шашки. Всё это время он ходил задумчивый и почти не разговаривал с родителями и коллегами по работе, чем очень удивил и тех, и других. На третий день, вернувшись с работы домой, с порога, только сняв обувь, он сразу сел за компьютер. Войдя в игру, Вадим нашёл профиль Доброва. Он долго размышлял и собирался с духом, а потом напечатал:

4 февраля 2021

<< Вадсон >> 19:15

*Здравствуйте, Дмитрий Иванович. Простите
меня, пожалуйста, за всё.*

Старика в сети не было. Вадим поднялся из-за стола, переоделся в домашнюю одежду и пошёл греть ужин. Пока пища разогревалась, он два раза возвращался к компьютеру и смотрел, не появился ли Добров в сети. Но его не было. Поев, Вадим вновь вернулся к компьютеру. Теперь он увидел, что Добров появился, хотя и не был занят игрой — его фамилия просто «висела» среди фамилий и ников других игроков. Тогда Вадим занялся приготовлением обеда на работу и другими домашними делами, но в течение вечера подходил к компьютеру и смотрел. Старик так и не ответил.

Была уже половина двенадцатого, когда Вадим собрался укладываться спать. Он подошёл к компьютеру, чтобы выключить его, как вдруг увидел сообщение. Ответ старика был лаконичен: «Здравствуй! Прощаю».

То гнетущее чувство, что появилось у Вадима после турнира и все прошедшие дни державшее его в состоянии какого-то душевного оцепенения, растворилось. Растворилось, как застывшая грязь на руках, хорошо отмытая мылом. Он почувствовал радость и лёгкость, словно сбросил с плеч тяжеленный рюкзак, который кто-то заставил его тащить. Первой мыслью Вадима было написать Доброву что-нибудь в ответ, но он передумал, посчитав, что это лишнее, и хотел уже выключить компьютер, как прочёл новое сообщение от него:

4 февраля 2021

Добров Д. 23:32

Сыграем?

2 место

Марианна Дударева

г. Москва

Фрески

*Культурологическая проза
для ценителей эстетики Серебряного века*

ПУТЕВОЕ

Привокзальное

Почему на вокзалах, особенно ночью, так страшно, так смрадно. Не от того ли это, что человек здесь всегда на перепутье между домом и неизведанным.

Поездное

«Спасибо, Господи, что есть на свете тихие зарницы», — писал русский поэт Валерий Дударев. Смотрю я вот на мягкое вечернее солнце, окутанное лёгкими, но плотными, как плащ центуриона, облаками, и думаю, что есть ещё и у нас, грешных, возможность на спасение. Только бы понять и впитать в себя эту правильную стройность.

Я люблю созерцать натуру во всех её проявлениях и дождь хлыновой холодный люблю, особенно провинциальный, просёлочный и дорожный. И вот тебе уже некуда деться от этого дождя, прими его в свои объятия, как он принимает тебя. Как же ты мал и обездолен, цифровой человек, когда не созерцаешь натуру нашу, когда забыл о самых простых и самых главных вещах, составляющих сакральное основание русской культуры.

Вон засохшие стволы берёз, покинутые пожаром или засухой, иногда случающейся и в средней полосе России. Вон болота, вытопленные и сиротливо мигающие тебе кое-где борщевиком. И что тебе надобно ещё, человек? Всё в России есть, здесь земля дышит глубоко и протяжно, но дышит, и ты можешь её расслышать. Она одаривает тебя и кусточками, и цветочками, и водами, в которых звёздное небо отражается.

Мне каждый куст кивает приветливо в окно движущегося медленно поезда, и я отвечаю ему. Хорошо, что где-то поезда еле плетутся, как от Владимира до Шуи. И я хочу раствориться в этой Родине, в её зеленях, сбить ноги в кровь по просёлочным дорогам, без телефона в руках, может, даже без надежды вернуться. Но вернуться всё-таки придётся, ведь там, в городе, есть тоже дела и обязанности всё для той же любимой Родины, первозданный лик которой надо сохранить.

Парковое

Как мало человеку надо, когда в нём зажигается свет. Пустую скамейку в парке обрести, чтобы читать Василия Ро-

занова или Жоржа Батая, книгу, которая изменит тебя, когда встанешь ты с этой скамейки. Непозволительная роскошь! Но всё-таки позволь себе измениться.

Уличное

Бабка старая с палкой. В галошах резиновых летом. Рука уже даже не тянется, нет надежды. Пустые карманы (у меня, у тебя, у всех), только пластиковые карты. Ей они не понятны, она родом из деревни Глухая. Цифровизация.

ВРЕМЕНА ГОДА

Весна

Сухая трава полонит землю, где длинными, где редкими волосами устилает её. Ты ищешь зелёную былинку, но ещё рано, погоди. Полюбуйся этой картиной и подумай: уже весна, но поля пока пустые, жухлые, как осенью, но с надеждой они ожидают дождя и солнца. Весна и осень сошлись в цвете и свете, и в этом схождении, рождении чего-то необыкновенного великая тайна — недавняя спячка трав, цветов и корней, их смерть обрывается... жизнью. Значит, смерть — сон. Мы привыкли, что жизнь обрывается смертью, но ведь природа нам показывает и другие метаморфозы. Сонная трава, у которой нет никакой надежды стать яркой и сочной, становится вдруг полезной мамушкой для молодняка.

Эх, молодость. Вечная молодость.

Лето

А чего ты ждешь от лета? В самый зной, днём, ты прячешься в тени любого деревца, которое попадётся по дороге домой. Куда ты идёшь? В обе стороны — дом. Один — твой, привычный, хорошо знакомый, обжитый, другой — в лето, в поле, которое даёт надежду на новую жизнь, на праздник. Ведь скоро Купала. Русский человек всегда ждёт этот день, пахнущий кострами, сорванными цветами в сочных венках девушек и звёздами. Лето уносит надежду. Лето — зима

наоборот. Живёшь и радуешься, и тоскуешь, зная, что буйство чувств всегда недолго длится. Лето — это сон наяву, день ночью, когда хочется жить наоборот. Сон. Лёгкий сон. Сон-дурман, сон-горюн.

Спим днём.

Осень

Почему люди не радуются утру, просыпают его? Немного схватило землю, подёрнуло инеем, но былинки-травинки ведь ещё прорастут по весне... Мы любим этот переход, в этой смерти, постепенном угасании есть сама жизнь. Мы любим эту мёрзлую землю, когда она уже коричневая и тусклая, с маленькими островками первого снежка на ней. Вот сидит мальчик, улыбается, кажется, искренне. Хорошо бы чайку. Поезд трясёт и будит дорожные настроения. Дома, дома, дома... Хватаешься то за то деревце, то за это, а нет его уже, и только впечатление наполняет сердце. Совсем светло, земля не стыдится своего инея, он скоро сойдёт.

Хорошо на белом свете.

Зима

Начинаешь замечать людей на белом свете. Они по-особенному чёрные, не такие, как летом или осенью. Теперь видно. Бредут в белом поле, тонут в белой каше. Чувство тревоги, потом тоски будоражит душу. Так продлится ещё долго, потерпи. Посмотри на прохожих: в их мёрзлых лицах недоумение и отрешённость. Подумай о вечном. Зима приносит необходимый покой, который отняли лето и осень со своим буйством. Приготовил шубу? Хорошо, иди в поле-море. Нет конца ему? Хорошо. Ты уже плывёшь, твой глаз не ищет опоры, ты лодка. А в городе? Люди ищут тепла, прячутся в дома, пропадая в пасти подъездов. Зима отрезвляет. Зима приносит надежду. На рождество. Скоро ёлку поставят. Близкий и далёкий соберутся.

Нет чужих. Нет лишних.

БРЕМЕНА ЧЕЛОВЕКА

Младенчик

ещё не знает жизни, но уже знает смерть. Рождение — процесс наоборот. Пахнет молоком и сеном, близок к земле, к матери-земле, которая воплощает вечный круговорот жизни-смерти. Все его любят, лежит на волнах космоса — горизонтально.

Белый и чистый.

Юнец-семилетка до сорок сороков

прорывает пространство так же, как стебель воздух наполняет своими листьями, источающими аромат (ведь если прорасти глазами, как эти листья, в глубину). Сорняком или резедой? Пока не знает сам, но для нас приглядно и то, и другое. Одно — в землю, обратно, к предкам на переплавку, другое — в небо, осчастливить и одурманить нас, не помнящих родства, своим ароматом. Чего ждём от него? Пока ничего, наблюдаем за его развитием, предошущаем метаморфозы.

Зрелость

даётся трудно, не всех постигает.

Старость

знает жизнь, но ещё не знает смерти, которая суть рождение наоборот. Жалеем, но не должны потворствовать жухлой траве, которая заслоняет солнце молодым побегам. Необходимый круговорот, порука жизни-смерти, для дальнейшего цветения-нарождения планеты, в котором мы перемалываемся, обстругиваемся, закаляемся, чтобы стать не просто листьями травы, а могучими сильными дубами.

Покой. Предошущение нового детства.

ЦВЕТА БЕЗ ЦВЕТОВ

Чёрный

Боимся и включаем свет, не всматриваясь в самую чёрную ночь, которая на самом деле радует утомлённый глаз и подготавливает встречу с ярким полдненным солнцем. Не верим, никогда не верим перед рассветом. Если не будет чёрного, то не увидим и белого (а полюбите нас чёрненькими). Чёрное солнце Шолохова, чёрные ворота в Дрездене, чёрный человек Есенина, чёрный свет в суфизме. Купальские красные цветы в темноте легко отыскать. Чёрный свет потенциален — тайный свет.

Белый

Не ценим, не видим очевидных вещей днём, поэтому нуждаемся в оплодотворении, в одухотворении чёрным. Чёрные локоны Пушкина на смертном челе, «Чёрный квадрат» Малевича, кубачинское древнее чернение... Белый цвет — цвет мёртвого и только в слиянности с чёрным даёт нам живительную влагу жизни, когда «сосет под ложечкой», когда начинаешь ценить белое лицо (потец на челе).

НЕ ЛЮДИ

Дерево

Давно его не слушаем, а оно нас слышит и видит, босховский лес с открытыми глазами и ртами, есенинское «всё от дерева». Человек издревле сплетался с ивой и дубом, завивал берёзку, бережно вырезал орнамент для избы, одушевляя предметы. Мировая ось, оставленная человеком, засыхает, плачет — о нас. В «Петре и Февронии Муромских», помните, дерево, срубленное топором, не страдает, а превращается в эфир. Мы за него пострадать, поболеть должны. Оно нас воспитывает. Отец-лес.

Небо

Лишь звёздное небо над головой поражает меня... Но и беззвёздное, облачное небо тоже должно поражать. Кто знает, какое облако спустится к тебе прекрасной девушкой или грозным духом, в напоминание о мире духовном. К. Аксаков. Облако.

Поле

Как и небо для русского человека. Идешь и дороги не видишь, что и не идешь вовсе. Море цветов, которое твоё испытание и твоя награда. В нём работаешь, даром, но оно и невидимо благодарит тебя. Ходишь с цветами — и сам как цветок в этом волновом космосе. Поле — пространство смерти, иди преодолей, выплыви и выйдешь другим человеком. Чехов. Степь.

Цветы

Что мы можем дать этому миру, у которого всё есть? До нас, при нас и — после нас. Это он смотрит на нас, цветы — глаза земли, живые иконы земли, которыми она плачет о человеке, забывшем небо, ибо мир един, что на небе, то и на земле. Цветы напоминают нам об этом. Но мы их не видим, даже больше — не срываем, мы топчем и идём дальше. И в этом ходе не бег коня Алексея Толстого, в этом ходе только ходьба-молотьба, отбивание жизни, а должно бы быть хождение, хождение, прилучение земле. И небу.

ПОЛОДНИ

Час вечерний

Настораживает и завораживает нас. Час с золотым мягким светом на закрывающихся бутонах цветов и листьях деревьев, когда можно увидеть настоящий эфир этих цветов, трав, деревьев, ибо последний луч солнца передаёт им своё тепло. Огонь на деревьях. Есенин. Душа грустит о небесах.

Час не вечерний

Апофатический час, когда не знаешь о судьбе своей. Ночной холод отступает, но новый день ещё не зарделся. Густой утренний туман покрывает дорогу, последние звёзды слипают очи. Любой день начинается до дня, с этого мистического страшного часа, когда уже не спишь, но сон длится. Это полоденный сон.

Полодни — дыхание земли весной, над которой застыл молочным облаком пар. Это можно увидеть рано утром, в предрассветный пушкинский час, когда упреждаешь зари восход. Сны без снов. Сны наяву — обмирания, ни жив ни мёртв. Земля дышит, когда мы спим. Наблюдает за нами.

Полуденный час

Ночной мрак уже не пугает воображение. Всё можно разглядеть пристально, всё доступно тебе, все вещи говорят и учат тебя. Не пуста дневная дорога! Левитов. Степная дорога днём.

Полуночный час

— Черноморов. Дорога превращается в путь. Дорога чернеет, как река течёт, неизмеримая в пределах своих. Левитов. Степная дорога ночью.

ЧУВСТВА

Одиночество

Это земное чувство. Мы забываем, что у нас есть и цветы, и шмели, и травы, которые безмолвно приветствуют нас на заре утренней, открывая свои объятия этому миру, и на заре вечерней, напоминая о таинстве сна, к которому должны приобщиться и мы.

Любовь

Не знает смерти, потому что непреходяща. Она наполняет сердце, как чашу, она изменяет существо человека,

который становится на путь богослужения, — любовь не требует и не заставляет, человек сам начинает жить во благо другого, во благо этого мира.

Смерть

Смерть как солнце, приближаясь к которому, плачешь, а отдаляясь — понимаешь как необходимость, как данность.

СМЕРТЬ

Отчего же мы неизменно грустим о смерти? Нам не дали правильного представления о ней. Нам не объяснили, что в тьме недостаток света, а не отсутствие такового. Смерть — краткий миг подлинной жизни для человека наших дней, поскольку только тогда он начинает чувствовать и ценить последнее по-настоящему. Смерть — момент жизни, озарённый тьмой. Мы должны достойно приветствовать её, и только тогда она нам ответит с оливой в руках. Боратынский. Ап. Григорьев. 200 лет.

Божьи очи

Он погладил траву, там лежали тихие звёзды, млеющие, мерцающие молочным светом. У нас — то, что на небе, то и на земле. В холодной росе отражается блеск звёзд, которые зовут и напоминают о вечном, о душах, оставивших должнее. Он не мог дотянуться до них руками, но мог сердцем маленького человека позвать, окрикнуть падающую звезду и прошептать ей: «Стой!» Звёздное небо над головой и росистый ковер под ногами поражали его детское воображение простором и чистотой, давая надежду на жизнь со всеми, с целым миром Божиим. Светает. Затворяют звёзды очи. И папа тоже закроет их уже в последний раз. Что на земле — то и на небе. Этот нравственный закон он запомнит так же, как то звёздное небо, тогда вошедшее в его душу в ту беззвёздную ночь.

Невольно вспоминается ответ великого Анаксагора бедняку, вопрошавшему: «Для чего жить?» — «Ради возможности смотреть на звёзды!»

2 место

Таисия Петунова

г. Ростов-на-Дону

Я видел её на похоронах

Рассказ

*Это абсурд, враньё:
череп, скелет, коса.
«Смерть придёт, у неё
будут твои глаза».*

Иосиф Бродский

Я видел её на похоронах. Впервые — у гроба матери. Был конец февраля. Ещё топтали грязными сапогами белый снег. Вбивали в мёрзлую землю. Маленькие ботинки скользили.

Отец одёрнул, чтобы не баловался и не шаркал ногами. Не знаю, понимал ли я тогда, кто лежал в том гробу. Обтянутое подобием кожи тело едва ли напоминало мать. Я узнал её по плотно сжатым губам. И по слишком короткому мизинцу на левой руке. Она была такая серая и как будто сухая. Казалось, что сейчас дунет ветер, и гроб станет пустым.

Отец стоял в рядом, низко склонив голову. меховая шапка съехала на лоб. Носком ботинка он ковырял лунку в снегу. Бабушка протяжно выла над названной дочерью. От этого отец хмурился и раздражённо вздыхал. Мать была усыпана цветами. Хотя людей пришло мало. Не зря отец ездил в город. Только вот её серые руки на белом саване. Она провела дома два дня. Бабушка сказала, что красиво убрали. Как живую сделали. А в день похорон мать ужасно посереела. Как будто наконец-то дошло, что её вот-вот закопают в землю.

За месяц до смерти привезли из больницы. Бабушка украдкой стала промакивать грязным платком глаза. Иногда она хватала меня, прижимала к груди и шёпотом говорила:

— Сирота ты, Мишка. Си-ро-та. Не переживёт он.

Отец по ночам выходил во двор в расстёгнутой рубашке на голое тело и молча курил. В один из дней, когда был сильный снегопад — такой, что светлело на улице, — я стоял на крыльце и прятал замёрзшие уши в воротник куртки. Отец не сказал ни слова про шапку. Я смотрел, как с каждой затяжкой поднималась, а затем опускалась его грудь. Где-то внутри так ныло. Тянуло вниз. От того, как на фоне снега подёргивались его усы. Когда мать умерла, я ничего не почувствовал. Она была такая же холодная, как февральский день, в который её хоронили.

Мы ждали священника. Гроб стоял на двух табуретах почти у самого крыльца. Я шмыгнул носом и выпустил струйку пара изо рта, как делал отец. Бабушка продолжала стенать. От этого звука в горле стоял ком. Хотелось сплюнуть. Но знал, что сразу получу по затылку. Кто-то протянул горящую свечу. Руки сильно тряслись, но не от холода.

Я смотрел, как капелька воска бежала по свече прямо к моим пальцам.

— Помилуй нас, Боже, по велицей милости твоей...

Все стали креститься. Неуклюже я повторял. Тётка Нюра хмурилась напротив. Видимо, всё сделал не той рукой. Праведница. Почти рассмеялся, вспомнив, как она с лопатой бежала за мужем, но споткнулась о кочан капусты на грядке. Бешеной собаке хвост рубят по уши. Так бабушка говорила. Отпевание кончилось.

Свеча потухла. Я провожал струйку дыма глазами. По-дул ветер, и дым растворился в воздухе. И так стало тяжело и тесно. Как будто душил дедовский колючий шарф. Я опустил глаза на серые костлявые пальцы на белой простыне. Медленно чья-то розовая рука легла на ткань и разгладила складку. Мягко. Почти ласково. Как иногда меня по голове гладила бабушка. Пока в каждом её движении не появились истерика и отчаяние. Тонкие пальцы коснулись земистой кожи, создавая контраст между жизнью и смертью. Тёплая ладонь накрыла иссохшую руку. Торжество жизни.

Я стал карабкаться взглядом по широкому рукаву, из-под которого виднелся кусок вязанной кофты. На плечо белой точкой упала снежинка. Помню, как меня поразило незастёгнутое пальто. Ей, наверное, было так холодно. На голове повязан тёплый коричневый платок, из-под которого выбились несколько русых прядей волос. У неё было лицо человека, которого очень легко забыть. Если бы не большие карие, с чёрным ободком, глаза. Тогда я подумал, что она похожа на мою мать. Сейчас понимаю, что только возрастом. Морщины были продолжением ресниц. Говорят, такие люди много улыбаются. Мне было жаль её. Верхние веки то ли от усталости, то ли от возраста слегка нависали, а нижние опухли от слёз. Между бровей тонкой линией, почти пунктиром, лежала морщинка, придававшая её лицу скорби. Прямой волевой нос слегка покраснел от мороза. Ноздри немного расширились, когда она сделала тяжёлый вдох. Платком провела по щеке, чуть выше носогубной складки, и

стёрла мокрый след. Нервный рот подрагивал. Она то и дело облизывала красноватую нижнюю губу.

Я не знал её. Никогда не видел раньше. Вспоминаю, каким красивым мне показалось это лицо. Материнское лицо. Тёплое. Почти горячее. Так хотелось взобраться на её колени, убрать растрёпанные волосы под платок и крепко обнять за шею. Но она чужая. Моя же, как трухлявое дерево, лежала в гробу.

На кладбище была вырыта яма рядом с дедовским крестом. Полупьяный мужик вбивал гвозди в крышку, пока по его виску текла маленькая капелька пота. Грязной рукой он провёл под носом и выпрямился. Я стоял у края и, рассказываясь, заглядывал в яму. Когда гроб опустили, отец кинул горсть холодной земли. Я быстро повторил за ним и отошёл. Мне было страшно упасть туда. Боялся, что не заметят и закопают вместе с ней.

Как-то быстро наступило лето. Босоногий, топтал горячую землю, пока рядом крутился толстый кот Степан. Иногда я срывал с грядки огурец и, пополоскав его в ведре с водой, жевал, сидя на горячих ступеньках. Бабушка сначала ругала и заставляла надевать кепку, потом махнула рукой и перестала обращать внимание. Иногда сидел в летней кухне и наблюдал, как она, перемещаясь маленькими шаркающими шажками, готовила ужин. На носу у меня слезала кожа, и, забывшись, я начинал обдирать её, пока по ладони не прилетал шлепок. Помню, как ноги свисали с табурета. Как не доставали до земли. Как смотрел на стопы и шевелил пыльными пальцами.

Вечером приходил уставший отец. Он молча помогал бабушке накрывать на стол, пока я мешался у них под ногами. Хотелось тоже что-то носить, что-то ставить и раскладывать, а получалось разбивать, проливать и ронять. Меня быстро отгоняли, и от обиды я забирался на высокий табурет. Ели во дворе. Тоже молча. Усы отца нервно подёргивались. Мне казалось, что он в полусне. Голубые глаза бежали по цветной скатерти, но ничего не видели. Руки машинально

хватали еду и засовывали в рот. Бабушка ела маленькими кусочками, а позже жаловалась на какую-то болезнь желудка, которая не давала ей глотать пищу. Застревала в горле, как она говорила. После ужина мне доверяли уносить посуду в дом, и я бежал со всех ног, пока бабушка кричала вслед:

— Не несись! Куда несёшься? Разобьёшь же!

Отец молча сидел за столом, подперев голову рукой, и тяжело вздыхал. Другой рукой он иногда отгонял от себя комаров, но будто находился всё в том же состоянии сна. Смотрел куда-то перед собой, словно слепой. У Машки была кукла-младенец, которая закрывала глаза, когда её начинали баюкать. Однажды она уронила куклу и тут же протяжно завывала: у младенца выпал стеклянный глаз. Я посмотрел на поломанную уродину и почесал затылок. Уголки губ сами опустились и немножко защипало глаза. Отец затянулся, выпустил струйку дыма и как-то по-собачьи наклонил голову.

— Забор пора чинить, — он слегка приподнял подбородок, указывая вперёд.

Я кивнул и опёрся головой на руку. Отец даже не посмотрел на меня. В глазах снова немножко защипало.

В один из своих выходных дней он колол дрова во дворе. Стояла такая жара, что сохло в носу, и не получалось глубоко вдохнуть. Земля была настолько горячая, что приходилось надевать сандалии, которые натирали мозоли. Степан всё утро лежал в тени на лавке у дома и изредка недовольно переворачивался с одного бока на другой. Иногда отец ругался на отлетевшее полено, и кот недовольно хмурился и шевелил маленькими ушами. Я стоял недалеко и наблюдал, как сильные загорелые руки поднимали над собой топор и резко опускали его на кусок дерева, разрубая пополам. Как по покрытой тёмными волосами груди стекала блестящая струйка пота. Как от влаги кучерявилась чёлка на лбу. Выпрямившись, отец рукой подозвал меня к себе.

Он передал тяжёлый топор, под весом которого я сразу наклонился вперёд. Молча обхватил своими огромными ладонями мои кулачки и стал потихоньку поднимать руки

вверх, а затем резко дёрнул вниз. Полено отскочило. Мы попробовали ещё раз. И ещё раз. Мне нравилось ощущать дыхание на своём затылке. Уже получалось лучше, но сил всё ещё не хватало. Я встал на носочки и постарался ударить. И тут топор застрял в дереве. Отец надавил сильнее. Из одного полена получилось два почти одинаковых куска дерева. Я довольно облизнулся и рукой стёр пот с верхней губы. Отец ухмыльнулся и достал сигарету.

Я ненавидел кормить утят. Даже спустя много лет отказался бы это делать. Сейчас, наверное, бессмысленно. Да и надо признаться, что эта обязанность ко мне пристала ненадолго. Но если бы мне, взрослому человеку, снова дали ведро с тонкой ручкой, режущей пальцы, и сказали идти к этим маленьким пушистым извергам, я бы, не задумываясь, убежал на речку. Как бегал от бабушки.

Отец часто ездил в город за продуктами и иногда заезжал на скотный рынок. Посмотреть на свиней. Но только посмотреть. Денег не было, и отец всё мечтал однажды начать разводить поросят. Но это было ещё до смерти матери. Потом он смирился с безденежьем и пустой кроватью, и свиньи остались на скотном рынке. Зато однажды приехали утята. За это дело отец взялся основательно. Привёз с рынка два пластиковых ящика с жёлтыми комочками. Бабушка долго удивлялась, как они не разбежались по машине, пока он ехал до дома. Не знаю, сколько их было, но тогда казалось, что целое полчище. Кормление легло на мои хрупкие загорелые плечи.

Сначала мне нравилось играть с утятами. Я выбирал двух покрупнее и помясистее, ставил на землю и смотрел, кто первый, перекатываясь с одной ноги на другую, добежит до ведра с кормом. Но когда они подросли, стало не до игр. Утята начали щипаться и драться друг с другом, поэтому я старался как можно скорее насыпать корм в кормушку и удрать за калитку.

Была осень, но всё ещё стояла жара. Помню, на мне был джинсовый комбинезон, полосатая футболка и противные сандалии, но уже надетые на серые от пыли носки. Бабуш-

ка, как обычно, вручила белое ведро с кормом и пригрозила морщинистым кулаком, чтобы не нёсся, сломя голову, по ступенькам. За домом я одним движением руки откинул крючок на калитке и выпустил утят из база в их маленький дворик. Утки высыпались и стали бегать за моими ногами, выпрашивая еду. Я смеялся и спиной вперёд двигался к кормушке с ведром в руках, но не увидел одного жёлтого подлеса. Он, наверное, хотел ущипнуть меня за пятку, и тут я споткнулся и полетел на землю, перевернув ведро прямо на свой любимый комбинезон. Толпа утят налетела, как стервятники, и стала щипать и тянуть меня за одежду. Я попытался встать, но они карабкались по моим волосам, лицу, рукам и ногам. После очередной попытки подняться зазвенело в ушах и стало неприятно колоть в груди. Чтобы успокоиться, я пытался глубоко дышать, но на деле лишь хватал ртом воздух. Один из утят ущипнул меня прямо за лоб. Скорее от обиды, чем от боли, я истошно заорал и начал дёргаться, откидывая птиц от себя. Казалось, вопил кто-то другой. По вискам стучали молотки, над верхней губой выступил пот. Вдруг сквозь мой крик стал пробиваться другой звук. Я открыл глаза и приподнялся на локти. Облокотившись на забор, стоял отец и, опустив низко голову, захлёбывался от смеха. Его плечи подрагивали на каждом выдохе. Смеялся он громко, раскатисто. Меня снова облепили утята.

— Вставай, дурак, — вытирая слезу, проговорил отец, — вставай, не бойся.

— Не могу! — я был готов зарыдать от злости.

Он подошёл и, как куклу, поставил меня на ноги. Отряхнул грязный комбинезон и поправил взъерошенную рыжую чёлку. Уголки моих губ сами начали опускаться. Кулаком я потёр глаз. Отец взял меня на руки, всё ещё посмеиваясь. Я крепко обнял его за шею и заплакал. Надо было плакать громко. Навзрыд. Выть до хрипа. Пока была возможность. Пока было на кого опереться. Кого обнять и к кому прижаться.

Отец умер скоро. После того, как бабушка зарубила первую утку. Как будто исчез, испарился. Однажды не пришёл

домой с работы. Пьяный утонул в речке. Я стоял во дворе и смотрел, как дом серел в сумерках. Деревьям как будто по-вырывали листья. Ветки нервно дёргались от ветра. Помню облупленную краску на ставнях. Помню щели на ступеньках. Помню, как хотелось снять куртку и расцарапать руки, ущипнуть до синяка, выскрести себя изнутри. Но тогда не знал, как сказать об этом. Бабушка постарела за день и почти перестала на меня смотреть. Может, ей было передо мной стыдно? За то, как глупо умер её сын.

Я хотел в последний раз увидеть его. Гроб закрыли. Ночью, когда было совсем темно и бабушка похрапывала в спальне, я прошмыгнул в летнюю кухню, отставив дверь дома приоткрытой, и попытался снять крышку. Ничего не получилось. Не хотела поддаваться. На крыльцо вышел сонный Степан и стал вылизывать пушистую лапу. Я замахнулся ногой и пнул его. Обиженно мяукнув, кот отпрыгнул и забежал в дом. После этого Стёпа стал обходить меня стороной. Я вернулся в кровать и молча слушал монотонное тиканье настенных часов, пока не пришёл тупой сон.

На похоронах снова дул пронизывающий ветер. Как будто кто-то высасывал из тебя тепло, а тело отчаянно сопротивлялось. Изнутри всё потряхивало. Ноги были какие-то ватные, хотелось сесть. Холодными пальцами я иногда поглаживал гроб, пока священник читал свою заунывную молитву. Бабушка снова выла. Но уже как-то громче. Отчаяннее. Пламя свечи снова подёргивалось от ветра. С каким-то странным безразличием я так глубоко вздохнул, что огонь потух, и в нос ударил запах горелого фитиля, от которого на сердце совсем стало тошно. Опустив голову вниз, я смотрел на ноги. Мыском ботинка ковырнул мокрую землю, но вдруг одёрнул себя, хотя никто не ругал. И тихо заплакал.

В этот раз я видел её на кладбище. Она стояла у ограды — высокая, в длинной тёмно-зелёной юбке и чёрной растянутой вязанной кофте, из-под которой виднелась простая белая блуза. Несмотря на собранные на затылке русые с редкой сединой волосы, она то и дело рукой убирала пряди

с лица. То ли отвлекала себя, то ли кожу зудило от скорби. Она периодически смотрела куда-то вверх, сдерживая слёзы. Небо было низкое и серое. Ветер продолжал трепать волосы. Она запахнула кофту, сложила руки на груди и шмыгнула носом. Когда гроб стали отпускать, закрыла глаза и хмурилась каждый раз, когда ком земли бился о крышку. Мне так хотелось её утешить. На мгновение забыл, что хоронят-то моего отца. Стали закапывать, и она разрыдалась, зажимая пальцами рот.

Кто была эта женщина? Почему она плачет? Бабушка разговаривала с моим дядькой из города, и когда я дёрнул её за руку, чтобы спросить, она пригладила мне волосы и, не поворачиваясь, ответила:

— Да-да, погоду, сейчас поедem. Ты не замёрз?

— Нет.

Я снова посмотрел на эту женщину. Место было так мало. Мы стояли близко друг к другу. Она слишком резко одёрнула прядь волос с лица, оставив ногтями на розовой коже красноватую царапину. Я хотел протиснуться к ней, но наступил деду Ивану на ногу. Он подхватил меня на руки и привычным голосом спросил:

— Что ты, Мишка? Держишься?

Я кивнул. У меня задралась куртка, и в спину неприятно дуло.

— Ты забегай к нам. Баба Лена пирожков напечёт. Летом с тобой на рыбалку ходим.

Сидя у него на руках, я размышлял, зачем ходить к ним, если пирожки может напечь бабушка. Но дед Ваня мне нравился. Он был похож на отца. Только усы и брови седые. На секунду он коснулся лбом моего лба. Мне показалось, что меня снова держит отец, как в тот день, когда пришло спасение от утят. Перед глазами начало расплываться.

— Ну, не надо, Мишка. Не вой. Знаешь, иногда лучше, чтобы родители умирали рано. Тогда детям не приходится узнавать их, — он как-то странно вздохнул, — я вот своих знал слишком хорошо.

Я размазывал кулаком слёзы по лицу, отчего становилось ещё холоднее.

— Деда Ваня, а ты знаешь, кто это? — прошептал ему на ухо и пальцем показал на прямую фигуру.

— Не, Мишка, не знаю. Это ты у бабы спрашивай.

Уже дома я пытался описать её чёрную кофту и зелёную юбку, и волосы. Но бабушка с непониманием смотрела на меня поверх очков. Ну, не могла же она не знать её. Я так разозлился, что кинул подушку в Степана.

— Не смей гонять кота! — сорвавшимся голосом крикнула бабушка. — Он тебе ничего плохого не сделал. Мне что, каждую дуру твоего отца надо помнить? Иди спать.

Казалось, меня обманывают. Намеренно. И что значило — каждую дуру отца? Она же так выла на похоронах матери.

В доме стало слишком много места. Помню, часто приходили соседи, и после их ухода пустота чувствовалась особенно явно. Что-то приносили. Кто яйца, кто творог, кто молока. Кто конфет. Бабушка сидела в комнате и, облокотившись на подушки, вязала мне свитера или тёплые носки. Вязала машинально, не смотря на спицы. С безжизненными глазами отца. Я бегал с мальчишками до самого вечера. Иногда воровал спички, и мы разводили небольшой костёр у речки, чтобы согреть руки. Если не было ветра. Водой тушили огонь, чтобы пламя не перенеслось. Но куда? Всё стояло лысое. Загореться могла только одежда.

Погода портилась. Мальчишек всё реже выпускали. Старшие не принимали к себе, хотя иногда угощали жвачкой и даже предлагали покурить. Я так закашлялся первый раз, что готов был поклясться, что вот-вот потеряю сознание. Старшие смеялись. А мне так хотелось курить на крыльце, как отец. Чаще всего приходилось шататься одному. Мечтал, что однажды у меня появится велосипед, на котором можно будет уехать куда-нибудь. Может, на карьер. Или в город, откуда приехала мать. Или летом к озеру. Но предстояла зима, холод и снег. На новый год бабушка обещала поехать к дядьке, но до этого было ещё далеко. Все ходили в школу, а

я сидел дома или бродил по деревне. Иногда заходил к деду Ивану и его пышногрудой жене.

Они жили довольно далеко, как мне тогда казалось, от нашего дома. Но короткой дорогой можно было дойти быстрее. С заднего двора я шёл в сторону речки, когда услышал странный визг. Кричал как будто ребёнок. Точно не взрослый человек. Я вышел к берегу и увидел, как в воде барахтается что-то белое и истошно орёт. Тут меня осенило: это был Степан. Наверное, он полез на дерево, но ветка не держала толстую тушку, и кот полетел вниз. Вода несла его в сторону дома Никитиных. Я бежал вдоль берега за ним. Один раз даже споткнулся. Понял, что придётся заходить в речку. На дворе был конец ноября.

На ходу я снял куртку и бросил её куда-то. Не теряя ни минуты, запрыгнул в воду. От холода внутри всё сжалось, стало трудно дышать. Барахтаясь, доплыл до кота, схватил его за мокрую шерсть и притянул к себе. Степан тут же впился когтями в мой свитер. Стуча зубами от холода, я поплыл к берегу. Земля была мокрой, и вместе с котом я соскальзывал назад в воду. Ухватиться было не за что. Очень устал. Стёпа карабкался мне на голову и его хвост лип к моему лбу. Кое-как мы вылезли на берег.

Я лежал на холодной земле и прерывисто дышал. Было жарко. Смотрел на высокое небо. Из-за туч оно казалось белым. Но не как в тёплый весенний день, а как в феврале перед снегом. Я сел и стал оглядываться. Кот расположился недалеко и вылизывал мокрую шерсть, торчащую во все стороны. Он был так увлечён своим делом, что даже не обращал на меня внимание. Я посмотрел на одежду и руки и понял, что на мне не осталось чистого места. Всё было в иле и грязи. Почесав голову, я встал, взял кота на руки, отчего он недовольно мяукнул, но не убежал, и пошёл домой. Страшно представить, что было с бабушкой, когда она увидела нас на пороге.

— Стёпка в речку свалился, — я вытянул вперёд руки с грязным котом, — я его... — Стёпа дёрнулся, прыгнул вниз. — ...спас.

Бабушка сняла очки и несколько раз моргнула. Прыснула и, пригладив тёмные волосы, сказала:

— Молодец, Мишка. Так отожрался, что плавать разучился.

Последний комментарий относился не ко мне — я ел мало, — а к возмущённому Степану, сидящему на диване.

В апреле был день рождения. Исполнялось семь лет. Осенью должен был пойти в школу вместе со всеми. Бабушка разрешила позвать друзей и даже испекла любимый пирог с картошкой. Дядька из города привёз долгожданный велосипед. Я попытался посадить Степана в корзинку у руля, но он растопыривал лапы в стороны и выкручивался, не давая себя уместить. Тогда я звонко поцеловал его в мокрый нос, и кот убежал на ступеньки вытирать лапой морду, брезгливо морщась.

Такое красивое небо было в тот день. Высокое, яркое, с белыми мягкими облаками. И солнце уже грело, но ещё не пекло, как летом. Деревья начинали потихоньку зеленеть. Вместе со мной оживала природа после холодной зимы. Я старался залезть на велосипед, но меня всё время заваливало вбок. Кто-то из друзей помог забраться, но крутить педали не получалось: не доставали ноги.

— Убьётся же, Саша, — бабушка недовольно покачала головой.

— Ничего. На вырост, — дядька старался опустить сиденье как можно ниже, но ноги всё равно не доставали. — Сейчас он за лето вытянется, не узнаем потом. А осенью будет в школу гонять.

Все тогда казалось началом новой жизни. Предвкушение мешалось с тревогой. Велосипед теперь был постоянным напоминанием о предстоящей школе, но я все равно не мог дождаться, когда получится достать до педалей. Чтобы съездить на карьер, где раньше работал отец. Бабушке как будто становилось труднее с приходом тепла, хотя зимой она всегда жаловалась, что у неё крутит суставы. Весной было больше дел по хозяйству, и я старался помогать ей, как мог.

Как-то возвращался из магазина, болтая пакетом из стороны в сторону и периодически нащупывая сдачу в кармане спортивных штанов. Однажды уже потерял деньги, и бабушка ничего не сказала, только вздохнула и подняла очки на макушку. Поэтому теперь я запоминал, куда положил свёрнутую в трубочку купюру и мелочь. Монеты звенели в кармане при каждом шаге.

У калитки стояла тётка Нюра. Я узнал её по толстому заду и ярко-голубым шлёпкам, в которых она обычно ходила по огороду. Она переговаривалась с бабушкой, опершись на забор, который, к счастью, отец успел починить. А то рухнула бы тётка Нюра на гнилые доски, и бабушка стала бы её клясть и смеяться, а дома бы выдала ещё какую-нибудь смешную поговорку. Живот толстой, да лоб пустой. Но забор выстоял натиск огромной соседской груди.

— Галя, так завалило же его. Три дня откапывали. Завтра хоронят, — тётка Нюра грязной пяткой почесала ногу.

— Миша, не мотыляй так пакетом! Неси на кухню.

Я шмыгнул в дом, быстро вытащил продукты из пакета, вышел во двор и сел на лавку, притворяясь, что глажу Степана. Мне было жутко интересно, кого завалило. В душе я надеялся, что соседа. Чтобы тётка Нюра не смогла его больше гонять по огороду.

— Такой молодой и умер, — бабушка перекрестилась, — это надо же так.

— А твой, Галя, разве старый был? Вот теперь достался тебе подарочек, — соседка выпучила глаза и кивнула в мою сторону, — от этого никто не застрахован. Кто знает, может, завтра ты или я того...

— Да что ты, Нюра! Дура — такие вещи говорить!

— Не знаю, Галя. Да ну его, — она шмыгнула носом, — пойду посмотрю. Мой, видать, уже налакался.

Перспектива отправить тётку Нюру на тот свет меня ничуть не смущала, а вот за бабушку стало обидно. Вечером, лёжа в кровати и рассматривая круг света от ночника на потолке, я не мог перестать думать об их разговоре. Кто умер —

так и осталось загадкой, но этот вопрос как-то ушёл на второй план. Важнее было то осознание, что бабушка тоже может умереть. Несмотря на уход матери, а потом и отца, я не мог поверить в её смертность. В то, что её может не быть в этом доме, что она может исчезнуть. Я моргал, пока не стало рябить в глазах. Бабушка в ночной рубашке сидела на своём диване, готовясь ко сну. Когда она, кряхтя, улеглась, я тихо спросил:

— А зачем тётка Нюра приходила?

Тикали настенные часы.

— Да у соседей беда, Миша. Спи.

— А что за беда?

Бабушка молчала. Я заёрзал в кровати.

— Ты тоже боишься умирать? — слова как-то сами сложились в вопрос.

Диван скрипнул под её весом. Часы всё так же продолжали тикать.

— Нет, не боюсь, — она закашлялась, — и ты не бойся.

— Я не боюсь. Я просто так... спросил.

Кончиком одеяла тихонько водил себе по лицу. По щекам, по закрытым векам. Но что-то не спалось. Простыня смялась, и голова продавила подушку.

— А почему ты не боишься?

Она как-то по-старчески вздохнула.

— Я очень долго живу, Миша. Должно ж это когда-нибудь кончиться?

Я кивнул. Будто в темноте она могла это увидеть.

— К тому же... — диван снова скрипнул, когда бабушка попыталась сесть. — Мне ещё моя бабка говорила, что смерти не надо бояться. Она, как мать, плачет над гробом своего дитя. Мы все дети её. Все от неё приходим и все к ней идём.

Помню, что совсем не понял, что она имела в виду. Если у отца была другая мать, то почему я её не знаю? Почему называю бабушкой другую женщину? Откуда у моей матери мать? Она же росла в детском доме. Казалось, что меня в очередной раз обманули. Никто не хотел рассказывать правду. Я даже разозлился.

— А почему...

— Кончай, Миша! — бабушка уже теряла терпение.

Я натянул одеяло по самый нос и притворился, что сплю. Бабушка снова легла. Через минут пять гнев всё-таки вырвался наружу:

— Ах ты чёрт лохматый, хочешь, чтобы я задохнулась?!

Я понял, что Степан в очередной раз попытался улечься бабушке на грудь, как он делал котёнком. Только вот после такого пресса и правда появлялся риск больше не проснуться. Послышался глухой стук — кот спрыгнул с дивана. Я прыснул, пытаюсь сдержать смех.

Снова встала июньская жара. Огород уменьшился в два раза, но всё ещё можно было бегать по грядкам и срывать горячую клубнику без страха быть пойманным. Моё последнее лето перед школой. Я даже стал доставать пальцами ног до педалей велосипеда. Или мне только казалось. Но ездить ещё не удавалось.

Так было жарко в тот день. Горячий ветер не давал дышать полной грудью. Бабушка заставила надеть отцовскую панаму, поля которой с внутренней стороны со временем посерели от пота. Я был очень горд. Казался себе взрослым, но со стороны представлял довольно жалкое зрелище. Коричневое от веснушек лицо, рыжая чёлка, выглядывающая из-под панамы, торчащие пороссячи уши и обгоревший красный нос. Как будто Нюркин муж после попойки. В тот день я гулял у речки, стараясь не попадаться бабушке на глаза. Одежда вся испачкалась, а на шортах сзади зияла дырка. Зацепился за ветку. Легко было вообразить, как, когда я приду домой, она посмотрит на меня поверх очков и с сарказмом спросит:

— Трусы хоть целы?

Поэтому я бродил вдоль речки, пока не увидел чёрный густой дым, поднимающийся в чистое июньское небо. Стало крутить живот. Хотя ветер быстро разгонял черноту, казалось, что пожар был совсем рядом. Медленно, как насторожившийся зверёк, я шёл в сторону дома, как будто сам себя успокаивая, что горим не мы. Наверное, это с полей. Жара

стоит. Трава погорела. Но что-то внутри подсказывало, что это самообман. Что надо было поторопиться. И всё равно я медленно шёл, пока не начал кашлять от дыма и запаха гари. Тогда я побежал, но споткнулся о камень и упал лицом в сухую траву. Неприятно закололо. В висках стучало. Встал и вытер руки об и без того грязные шорты. Бежал и бежал. То ли время тянулось, то ли расстояние увеличилось. Пришлось остановиться откашляться. Казалось, всё внутри наполнилось чёрным дымом.

Я увидел красное зарево, бушующее на и без того горячем ветру. Лицо обжигало, и щипало руки. Пламя охватило почти весь дом. Было что-то зловещее в представленной картине. От крыши почти ничего не осталось. Старушачьи пальцами торчали обгоревшие чёрные балки. Из окна, словно изо рта, подобно крику рвался огонь. С неба хлопьями летел пепел. Такой же крупный, как снег в день смерти матери. Я снял панаму и закрыл ею нос, чтобы было легче дышать. Проталкиваясь через чёрный дым, шёл вперёд к калитке. Видно было, что у забора толпились люди. Кто-то схватил меня за руку и выдернул из тёмного облака:

— Мишка, тикай отсюда, бегом! Погоришь! — это был дед Иван.

Тушили кто чем мог. Тащили вёдра с водой и заливали наш корчащийся от боли домишко. Я метался из стороны в сторону в поисках бабушки. Хотелось сесть на землю, закрыть глаза и заткнуть уши, чтобы не слышать и не видеть, как на глазах рассыпается жизнь. Ужасно пульсировало в висках. И к шее как будто привязали камень, тянущий вниз. Руки потряхивало. Я где-то потерял папину панаму. Голос всё время срывался:

— Бабушка! Бабушка!

Меня спрашивали, осталась ли она в доме. Кто-то из мужиков пытался залезть внутрь, но здание рушилось от каждого прикосновения. Пламя не уменьшалось. Все кляли пожарных, которые слишком долго ехали. Я кашлял скорее от нервов, чем от дыма. Ужасно драло горло. Поднял голову

вверх. Мир будто разделился на две части: внизу был абсолютный хаос, а наверху — голубое чистое небо. Спокойное и непостижимое.

Я был готов разрыдаться, когда увидел, что по пыльной дороге мелкими шажками торопливо идёт, почти бежит бабушка, рукой придерживая косынку на голове. С криками побежал ей навстречу. Она была в светлом платье в цветочек, и я обхватил её худое тело руками и прижался лицом к груди, не боясь испачкать. Она крепко обняла меня и поцеловала в чёрную от копоти макушку. Народ хлынул к ней и стал расспрашивать. Всё ещё обнимая меня, бабушка отвечала, что один из соседских мальчишек прибежал к тёте Мане в магазин и сказал, что дом горит. Всё бросив, бабушка побежала сюда. Даже забыла свои очки на прилавке. И тут меня осенило. Не было Степана.

Я бросился в сторону дома, который совсем уже почернел. От спальни отца и матери ничего не осталось. Мужики ещё тушили, когда я забежал в калитку и стал истошно орать:

— Стёпа! Степан! Выходи!

Пламя перекинулось на летнюю кухню. Стали чаще носить воду. Подключились женщины. Чертыхаясь, о меня спотыкались взрослые. Бабушка кричала, чтобы вышел за забор. А я метался между домом и летней кухней, пока оттуда не вылез дед Иван, держа за шкирку толстую чёрную тушку. Кот брыкался, шипел и пытался ударить его лапой.

— Ну и тяжёлая скотина, — усмехнулся дед Иван. Его седые усы почернели, и он напомнил мне отца, — держи свою зверину, Мишка. Да тикай быстрее.

Я схватил Степана, прижал к себе и стал целовать его чёрную от гари морду. Кот отчаянно сопротивлялся. Когда он успокоился, я спрятал его под футболку. Мне даже показалось, что тогда кот прижался ко мне, обхватив шею лапами, будто обнимая.

Вскоре приехали пожарные. От дома ничего не осталось. Всё было выжжено. До сих пор помню бабушку в её белом платье в цветочек и косынке на фоне черноты. Мы

стояли вдвоём. Я держу уставшего Степана, а она, хмурясь, тяжело качает головой. Помню, спросил её тогда:

— Что с нами будет?

— Поживём — увидим, Миша. Главное, что все живы.

Ближе к ночи жара спала. Я сидел на берегу реки и рукой отгонял комаров. Дул приятный прохладный ветер, но в воздухе ещё стоял едва уловимый запах гари, напоминающий о хрупкости и неустойчивости бытия. Я сидел, опустив красные от загара ноги в прохладную воду. Небо бледнело от сумерек. Где-то пролетела птица и качнула ветку. Поднял голову вверх, чтобы посмотреть. Никого не было. Я потёр кулаками веки. Невероятно хотелось спать. От усталости был готов так и заснуть, лёжа на сухой колючей траве. Зевнул и зажмурился. А когда открыл глаза, то увидел, что кто-то стоит на другом берегу и смотрит на меня.

Это была она. В лёгком синем платье с белым воротником и манжетами, которое развевалось на ветру, очерчивая её стройную фигуру. Я сразу узнал её. Те же светлые волосы, собранные в неаккуратную причёску. Она уже знакомым движением убрала от лица пряди. Рукой, прижимая к груди, она держала букет из полевых цветов и каких-то веток. Мы молча смотрели друг на друга. Я часто моргал и не мог понять, видение ли это или она действительно пришла ко мне. Она наклонилась и бросила цветы в реку. Течение подхватило их и понесло вперёд. Мы вместе смотрели, как они удалялись в блеске тёмной воды.

Я ещё раз взглянул на неё. Она сцепила в замок руки, но в этой позе не читались беспокойство и скорбь. Наоборот, какое-то сладкое умиротворение. Не знаю зачем, но помахал ей рукой. Она улыбнулась и пошла вдоль берега. Я смотрел на её удаляющуюся фигуру и на копну светлых волос, пока солнце совсем не село и не пришла темнота.

3 место

Диана Федорович

г. Кишенёв, Молдова

Время любоваться птицами

Рассказ

Вот она — я. Как на ладони.

Живу свою непонятную жизнь. Изучаю литературу. Любуюсь птицами.

Когда старые знакомые в ужасе спрашивают, что со мной, то лишь отвечаю — я иду в беспредельность. Шагаю вслед за вечностью. Чтобы откреститься от страха и потеряться.

И не надо за меня переживать!

Я знаю, что делаю. И к тому же у меня был прекрасный учитель — профессор Чернышов.

Виталий Игоревич Чернышов, наш преподаватель русской литературы, был чрезвычайно странным человеком. О нём вечно судачил весь университет — и преподаватели, и студенты, и уборщики, и сторож, и даже растрёпанная буфетчица.

Хотя какое им, казалось бы, дело?

Из всех них я одна хорошо знала домнула Чернышова. И то — недостаточно хорошо. Ведь даже я при всём желании не могла объяснить все его странности, вечные рассказы об Африке, рассуждения о птицах.

Он часто опаздывал на собственные лекции, а когда приходил, то обязательно с новой историей.

— Видел сегодня сойку, — замороженно начал он однажды. — Осторожная птица, ей-богу, осторожная... Серо-голубая радужка глаз — такая яркая, такая пронзительная. В самое нутро твоё глядит. Скачет сойка по веткам, как белка. Смотреть можно за ней долго, так долго, до боли в глазах, до слёз. Настоящая синяя птица счастья! Стоишь — и боишься шевельнуться, вдруг спугнёшь?..

Его никто в такие моменты не слушал. Студенты — народ занятой, уж я-то знаю, я вот за этими рядами сама в своё время сидела. И сейчас пришла послушать, раз окно выдалось.

Что ни говори, а мне нравился голос профессора. Он обладал удивительной способностью возвращать тебя в прошлое.

Вот закроешь глаза — и как двадцать лет назад сидишь, слушаешь про птиц разных, о дипломке думаешь, хотя какая дипломка, на дворе сентябрь...

— ...Кто познает душу сойки — тот познает жизнь, поверьте мне!..

Ах, ностальгия. Даже студенты шушукаются так же.

— Молодые люди, потише, — прошипела я юношам спереди. — Слушайте лекцию.

— Так он опять о птицах говорит, — был мне ответ. — Тут даже не пахнет лекцией, доамна Мунтяну.

И я не смогла возразить. Потому что они были правы. Виталий Игоревич часто отвлекался, говорил о птицах, облаках, о городе, словно такие разговоры и лекции по литературе были для него нечто равнозначное.

Впрочем так оно и было.

Всё это — всё это было для него искусством.

Это я узнала, когда одним вечером пересеклась с ним во дворе университета. Профессор стоял, запрокинув голову, а его портфель лежал у ног на асфальте.

— Виталий Игоревич? — я подошла ближе. — Всё в порядке?

— Софочка, — улыбнулся Виталий Игоревич, увидев меня. — Рад тебя видеть! А я вот тут стою... Птиц высматриваю.

Он снова задрал голову, прищурился от солнечного света, приоткрыл рот, будто вот-вот готовый что-то сказать этим тополям.

— И как? — без интереса поинтересовалась я. — Есть птицы?

— Есть, Софочка, есть... Да какие восхитительные! Право, я даже не знаю, есть ли слова, которыми можно описать птиц.

Я усмехнулась.

— В этом весь вы, домнул Чернышов. Для всего на свете найдёте слова, а для птиц — нет. Но, извините, где вы видите птиц?

Как и он, я вгляделась в далёкие ветки, в расплосованное ветками небо сентября, но ни одной птицы не заметила.

— Вот же, вот... Синичка прыгает. А там сорока... Ух, разбойница. Какая хитрая, коварная птица, эта сорока, истинная хищница, но и та прыгает да резвится, как дитя! Люблю я их. Они так чисты, даже самые гадкие из их рода.

Словно в ответ откуда-то сверху донёлся довольный стрекот. Какой-то нахальный, издевательский.

Виталий улыбнулся, устало протёр глаза, проморгался.

— Чудесные создания... Господь, когда создавал птиц, вдохнул в них небо, ветер, облака... Поэтому сколько живёт летучая птица — столько она неразлучна с небом. Завидно, да? Кто из нас не мечтал о крыльях...

Пока не наступит зима, мы будем завидовать птицам. Но только ударит мороз — и вмиг птица становится несчастнейшим созданием. Такая хрупкая, беззащитная. Ни обнять её, ни укрыть, ни согреть. Не доверяют птицы людям. И правы. Только жаль их, умирают они в холода. Зима не для них сотворена... Плохо живётся птицам.

И всё-таки... Как же они чудесны.

— И всё же на лекциях вам бы побольше говорить о предмете, а не о птицах, — мягко намекнула я ему. — О литературе бы неплохо.

— Об искусстве, Софочка! — домнул Чернышов подхватил портфель и зашагал к остановке. — Литература — чистейшее искусство слов и речи. И это искусство — оно повсюду, веришь? В тополях и в птицах, и в тебе, и во мне. Искусство безгранично, бесподобно... Тебе на какой?

— Десятый. Вы же знаете. Вы уже спрашивали позавчера.

— А, ну, так это цифры... С ними я не дружу. Хотя они тоже особое искусство! Мне на семёрку. Вот и она! Давай, Софочка, до завтра! Приходи на лекцию, как окошко появится! Я о сороках расскажу.

И засмеялся. По-доброму так, по-стариковскому, и я лишь покачала головой.

Сорок лет назад Виталий оставил Москву и приехал в Кишинёв — да так и остался у нас. Взял он с собой лишь портёртый чемодан, и чемодан тот был наполнен лишь книгами. Я не знаю, что он оставил в Москве, но о Родине и своём прошлом Виталий Чернышов вспоминал с какой-то болью в глазах. Кажется, там он оставил нечто действительно важное.

Он так и не завёл семью, жил одиноко, но никогда не грустно. По крайней мере, нам всем так казалось. Вечно улыбчивый, сияющий внутренним светом, Виталий Игоревич будто не знал, что такое депрессия, которую диагностировали мне. Мне, что на полжизни его младше!

— Ах, Софочка, — он покачал головой, когда я однажды обмолвилась об этом. — Если бы я мог, я бы посоветовал тебе лекарство от депрессии. Но я такого не знаю. Я знаю лишь лекарство от печали и смерти.

— И что же это?

Виталий Игоревич мечтательно улыбнулся.

— Покой, любовь, искусство!

Искусством для него было всё. Всё, что можно увидеть, почувствовать, чем можно наполниться. И исцелиться.

— У тебя могут отобрать деньги, могут отобрать работу, — говорил он. — Могут отобрать все твои права, твой дом и даже твою страну... Но никто и никогда не сможет отобрать у тебя искусство!

И главное искусство, как он считал, — это литература. И, само собой, русский язык. Как он любил русский...

За сорок лет он ни разу, как сам выражался, не предал русский язык. Читал, читал, читал. Всю свою жизнь читал. Потому домнул Чернышов не учил и не знал румынский — и не знал, что именно о нём говорят за глаза. Это, наверное, к лучшему. Это, быть может, даже неплохо.

В один день он пришёл привычно задумчивый и задал привычно непривычный вопрос:

— Скажите, в чём покой? Есть ли в мире нечто бесконечно спокойное? Истинная безмятежность?

Никто не ответил. Расположившись на предпоследнем ряду, я проверяла конспекты с переводами, но всё же отвлеклась. Ведомая каким-то ностальгическим, полузабытым любопытством, я потянула руку, словно зелёная студентка, и выдала:

— Небо.

Но домнул Чернышов меня удивил.

— Нет, нет, нет! Разве небо полно покоя?

Вы рассматриваете небо как пространство, а я призываю смотреть на него как на живое существо. Смотреть в него!

Небо дышит, иногда оно смеётся, иногда злится. Небо живое, чувственное, глубокое. Плывут облака, летают птицы и самолёты, идёт дождь, бушуют ураганы.

Пустыня, говорите, спокойна? Пустыня оживает, стоит хлынуть песчаной буре! Скалы полны покоя? Вы, к счастью, никогда не знали горных обвалов.

И даже космос, и даже звёзды — все они готовы вот-вот взорваться, вспыхнуть и расщепиться в пыль. Грандиозная смерть!

И только туман спокоен. Он приходит из ниоткуда и уходит в никуда. Без чувств. Без вспышек. Без сожаления. Это было тысячу раз, он привык, он умиротворён на всю вечность до и после.

О, будь у покоя лицо, оно было бы белым и сырым, как туман!

— Ți-am spus că e nebun. Cum de nu a fost concediat încă?

«Я же говорил, что он сумасшедший. Почему его до сих пор не уволили?» — вот что раздалось позади меня, и я с силой захлопнула конспект, который проверяла.

— Вышли, — резко повернулась искомандовала я.

Две девчонки вжали головы в плечи, но вышли из аудитории в коридор. Пустота и тишина университетских коридоров всегда действует отрезвляюще.

— Что вы себе позволяете? — прошипела я, только закрыв дверь.

— Но доамна Мунтяну, профессор совсем не в себе, — с акцентом залепетала первая девчонка. — Он совсем не то говорит... О тумане, об Африке какой-то, о птицах... Как нам сдавать аттестации по литературе? А сессию?

— Молча и с достоинством, — отрезала я. — А не треща и издеваясь, как... сороки! Домнул Чернышов не заслужил такого обращения. Если не проявите к профессору уваже-

ние, его проявлю я. И тогда уже будем беседовать с вами в деканате. Вам ясно?

Студентки кивнули и вернулись в аудиторию. К тому времени Чернышов уже читал материал по программе, и я не без облегчения заметила, что студенты слушают и записывают.

После лекции я решила дожидаться профессора, и мы вместе двинулись к остановке.

— Профессор, — начала я. — Я знаю вас уже долго, я помню, как вы читали лекции моей группе...

— О, что за чудное было время! — закивал домнул Чернышов. — Из всей группы ты одна на русском говорила, вот было забавно!

— Да-да... — машинально закивала я и тут же вскинулась. — Забавно?! Это было ужасно, профессор. Меня никто не хотел понимать. Лишь вы один читали лекции на русском. И я вам за это благодарна. Но, профессор, вам не кажется, что вы должны стать чуть серьёзнее на лекциях? У вас такая важная работа — вы и сами в курсе.

Обычно я не волнуюсь, кто что подумает и, Боже мой, кто что почувствует. Но Виталий Игоревич — другое дело. Впрочем он не выглядел расстроенным. Он задал мне самый нелогичный вопрос:

— Знаешь, в чём счастье, София?

Я замялась с ответом. Наступит великое счастье, когда я закрою ипотеку, начальство в кои-то веки выдаст премию, а ссоры с Олегом наконец сойдут на нет. Но не говорить же об этом Виталию? Не поймёт ведь...

Ещё бы зуб вылечить, шторы новые купить на кухню, с соседкой помириться, подписать документы, договориться о конференции в Праге, новыми антидепрессантами закупиться, некоторых студентов приструнить... Я долго, долго могла перечислять всё, что сделало бы меня хоть немного счастливее.

Но Виталий Игоревич и тут меня поразил.

— Счастье — когда в твоей жизни есть время остановиться... И полюбоваться птицами.

Где-то над нами застрекотала сорока, профессор тихо засмеялся.

И тогда я разозлилась.

Я не знаю, что произошло, откуда во мне взялся этот шипящий, злобный кипяток, от которого моё лицо побагровело, а кровь разгорячилась.

— Спуститесь на землю! — выпалила я. — Домнул Чернышов! Виталий Игоревич! Вы же профессор, профессор Государственного университета! Вы взрослый человек, в конце концов! Вы хоть понимаете всю ответственность? Прекратите позорить заведение! Мне стыдно! Стыдно за вас! Прекратите вести себя словно дитя какое-то! Разве не абсурд всё, что вы говорите?! Да студенты со смеху падают! А что говорят другие преподаватели, вы в курсе?! Какая Африка? Какое небо, полное чувств? Вы в своём уме?! Взрослейте! Возвращайтесь в *реальную* жизнь! Прекращайте уже... Любоваться птицами!

Моя вскипячённая, ошпаривающая речь вылилась прямо в лицо Чернышова, и он лишь растерянно заморгал в ответ.

— Софочка... Да что ж ты так... Вон троллейбус идёт. Тебе на какой?

— На десятый! — рывкнула я, и руки безвольно затряслись. — Я вам! Уже! Говорила!

Профессор робко улыбнулся, поправил очки.

— Прости, София... Не люблю цифры. Это семёрка. Давай до завтра тогда? Давай-давай!

И он уехал на своей треклятой семёрке, а я осталась давиться своим гневом.

На реактивном топливе гнева я ворвалась домой, как ураган, и со всей силой хлопнула дверью. Мышцы лица дёргались в нервном тике, но самое жуткое было то, что я совсем не понимала, почему мой разум, моё тело, моё сердитое, озлобленное сердце так реагируют?..

— Опять день фиговый? — безразлично спросил Олег, нарезая себе бутерброд на кухне. — А я говорил тебе, бросай эту работу. Приходишь как мегера какая-то каждый вечер. Уже достало. Скоро двери отвалятся, менять придётся.

— Прекрасный день, — огрызнулась я, снимая куртку и разуваясь. — Просто с коллегой чуть повздорила.

— Да-да, ссоришься ты, а достаётся дверям.

— Сдались тебе эти двери.

— Не ты же их ставила.

— И не ты.

— Но я их оплатил.

— Десять лет назад?

— Да хоть двадцать!

Разрывающий гнев наконец уступил, и бессмысленная перепалка с мужем забрала остатки моего запала. Я рухнула в кресло, и противный запах докторской колбасы защекотал ноздри. В соседней комнате вещал телевизор, снова говорили о войне, а Олег, причавкивая, жевал свой бутерброд.

— И всё-таки, — рассуждал он. — Сдалась тебе эта работа. Одни лишь нервы. Сплошная неблагодарность. Зарплата мизерная.

— Как и везде у нас.

Я достала из сумки самостоятельные студентов и начала проверку. На этот раз они переводили на русский Лучафэрул. Переводили невпопад, немного кособоко, явно не чувствуя глубину строк, но они пытались, и я решила судить мягче. В конце концов, проверка их переводов оказалась отличным лекарством от запаха колбасы, политики и ворчливого супруга.

— ...и, конечно, это круто — хвастаться, что ой, я работаю преподаем в госе...

Хвастаться? Когда же я хвасталась?

— ...и выступать в телеке, мол, будущее страны...

Терпеть не могу тот репортаж!

— ...и эти твои языки! Сколько там, шесть? И Европа твоя, и все эти конференции...

Да погоди-погоди, Олег, неужели ты мне завидуешь?

— ...но, сама посуди, зачем человеку работа, которая не приносит нормальных денег? После которой возвращаешься, как чёрт, злая, потому что опять кто-то что-то сделал не по-твоему? Чтобы таблетками нажираться потом?

А разве не ты говорил, что я все свои проблемы выдумываю?

— ...Зачем тебе работа, от которой скоро двинешься? Да отлипни ты от этой своей тупой писанины!

И вот тут я не выдержала. Никто, даже муж, не смеет называть переводы моих студентов тупой писаниной!

— Потому что это искусство, а не работа, Олег. Я это люблю. И никто у меня это не отберёт, — отрезала я, и больше мы в тот вечер не разговаривали. Вообще.

А на следующий день случилось то, что я не могла предвидеть. То, в чём почему-то виню себя. Будто я могла что-то изменить. Предотвратить.

Университет жил своей утренней жизнью, вот-вот должна была начаться пара, и студенты разбегались по аудиториям и этажам. Привычно задумавшись на ходу, Виталий Игоревич просто поднимался по лестнице, и я уже собиралась его окликнуть...

Никто не скажет, как это произошло. То ли нога со ступени соскользнула, то ли кто-то из студентов толкнул... То ли старые ноги подвели...

Но он вдруг хрипло вскрикнул, взмахнул руками, как та птица, и рухнул с лестницы. Его, конечно, тут же обступили. Сразу вызвали скорую. Шёпот, шёпот, шёпот... Он не поднимался, только дёрнулся. И шёпот сменился причитаниями.

А я стояла в стороне, не в силах шевельнуться. Боясь сделать вдох. Парализованная и оглушённая, точно безвольная кукла-марионетка. Будто это я, потеряв равновесие, упала с лестницы и обмякла на полу.

Я, единственная я, которая действительно отчего-то, по какой-то неведомой причине переживала за этого человека... Не могла подойти ближе. Не могла узнать, жив ли он?..

Трусиха, конечно. Я об этому думала уже потом, часами позже, когда Виталия Игоревича увезла скорая.

Я долго ходила в каком-то забытии — как в тумане. Именно тогда я поняла, что Чернышов хотел сказать про туман. Про этот какой-то застывший, бездушный покой, который отделяет твою привычную жизнь от истерики, когда не можешь ни туда, ни обратно.

Интересно, сколько туманов пережил сам Чернышов?..

Через неделю профессор вернулся в университет — читать лекции. Он пришёл самовольно, просто захотев, и из лечгородка выехал целый «наряд» для его поимки. Впрочем Чернышов не сопротивлялся. Он тихо закрывал книгу, брал в трясущиеся руки свой портфельчик и уходил с санитарями, глядя в пол.

Но потом он возвращался. Это приобрело в устах студентов статус локального анекдота: «Можно вечно смотреть на три вещи: как горит огонь, как течёт вода и как возвращается домнул Чернышов». Некоторые преподаватели даже посмеивались.

А я смеяться не могла.

Никто не замечал, как Чернышов уходил из больницы и приходил в университет. Он неуловимо исчезал и незаметно появлялся. Он был подобен туману, и когда я это поняла, мне стало страшно. Ведь он не туман. Не туман, говорю! Он — солнце, ласкающее крылья птиц, ласковое весеннее солнце. Не туман.

Когда за профессором приехали уже в шестой раз, меня внезапно вызвал к себе ректор. Обычно доamna Ионеску уступала мне в сдержанности, она была суетливой и шумной, но сегодня всё было иначе.

— София Викторовна, как поживаете?

— Не жалуюсь.

— Vine, bine... Дело вот какое. Вы, наверное, слышали о нашем профессоре русской литературы? Да, плохое дело, плохое. Врачи говорят, он сильно повредился головой...

Бедный домнул Чернышов, ах, что за несчастье, ещё и совсем один... Ему всё хуже и хуже, слышали?..

Она говорила и говорила, а я стояла перед ней и смотрела в одну точку. На моём лице точно играли желваки, а взгляд сверлил в стене две дырки, но доamna Ионеску будто этого не замечала.

— Помнится, он у вас преподавал литературу?

— Так и есть.

— Foarte bine! Слышала, успехи у вас в этой области выдающиеся. Как вам мысль занять его место?

Щёлк! Невидимый кнут ударил по чему-то такому же невидимому, но болезненному, и я дёрнулась.

— Простите?

Доamna Ионеску чуть наклонила голову, заглянула мне в самые... в самые мозги. Нет, я была не права. Она точно знала, о чём я думаю и сколько всего мне хотелось ей высказать.

— София, давайте смотреть правде в глаза, — тихо и монотонно проговорила она. — Профессор уходит на пенсию. Мы так решили. Он больше не сможет работать в нашем университете.

— Вы не правы.

— Да?

Одному лишь Богу известно, откуда во мне взялась эта решительность и отвага. Нет, не отвага — чистое безумие!

— Я говорю, что вы не правы. Он ещё может преподавать. Так, как он преподаёт, больше никто не сможет.

Доamna Ионеску едко усмехнулась.

— Что правда, то правда.

— Нет, вы не понимаете, о чём я. Профессор живёт литературой. Он создан для этого. Вы... Вы не можете отобрать у него искусство! Никто не может.

Она нахмурилась, начиная раздражаться.

— Я действительно не понимаю, о чём вы, доamna Мунтяну. Наверное, я не такая просветлённая, как вы? Или плохо разбираюсь в людях? Не вижу их потенциал?

Я лишь сцепила зубы и промолчала. Я больше ничего ей не скажу. Доамна Ионеску это поняла, постучала ногтями по столешнице и отвернулась к окну.

— Насчёт Чернышова всё уже решено. Ему здесь больше нет места. И если вы откажетесь от преподавания русской литературы, нам тоже придётся от неё... Отказаться! Да-да, так просто. Подумайте над этим, София. Можете идти.

И я пошла.

Я шла и шла по улицам, хотя в кармане у меня лежал полугодовой проездной. Я шла и шла вперёд, будто дома меня никто не ждал, а в сумке не шуршали очередные переводы на проверку. Мне нужен был воздух, нужен был шум кишинёвских улиц, мне нужен был ответ на вопрос — и даже два.

Во-первых, хотела бы я преподавать литературу?.. Никогда об этом не задумывалась. Мне и раньше приходилось выходить на замену Чернышову, и, чего таить, это было прекрасно. Я любила литературный перевод, но так уж повелось, что раз ты переводчик — ты остаёшься лишь инструментом. Тогда как литература давала больше свободы, маневра. Голоса. И, видит Бог, как мне хотелось говорить... Обрести этот голос.

Но, во-вторых, стоило оно того? Чёртова предательница ты, София, вот ты кто! Ждала, когда профессора на пенсию спихнут? Поджидала тёпленькое местечко? Профессор умом тронулся, а она бухнулась в его кресло! Вот слухи пойдут! Но куда важнее — как заскалится, зашипит собственная совесть...

Я ускорила шаг. Ветер бил в лицо, но никак не мог выдуть из головы ни одной терзающей мысли — лишь выдавливал слёзы. Да, это всё ветер. Только ветер.

Наконец я оказалась перед воротами лечгородка. Прошла через уютный парк, зашла в главный корпус. Там меня провели в тесную палату с четырьмя застеленными койка-

ми. На одной из них лежал профессор. Щурясь, он читал прошлогоднюю газету, которую наверняка нашёл в какой-то мусорке. Уж очень он любил читать.

— Здравствуйте, Виталий Игоревич.

Профессор приподнялся, чуть сощурил подслеповатые глаза. Он всмотрелся в моё лицо, не узнавая.

— Верочка?

— Нет, это я, София Мунтяну. С университета.

Я села на соседнюю кровать, сложив руки на коленях. Прямая спина, ни морщинки на лице, уложенная волосок к волоску причёска. И металлические нотки в голосе. Таких, как я, слушают и уважают. Так оно и надо.

Всем своим видом говорю — моё сердце прочнее гранита. Я не поддамся дешёвым эмоциям. Я сильнее этого.

— Профессор, я пришла, чтобы поговорить с вами. Я хочу, чтобы вы знали: я не одобряю ваши вылазки в университет, пока вас не выписали. Не ухудшайте своё положение и состояние.

— Но я так люблю приходить в университет, — тихо произнёс Виталий, глядя перед собой. — Они же ждут...

Я не нашла в себе сил сказать, что «они» уже почти забыли о его существовании, что большинству из «них» и даром не нужна русская литература, и что она «им», быть может, никогда и не пригодится. И, конечно, что «они» уже нашли ему замену.

Я смогла лишь кивнуть. На Виталия Игоревича моя железная маска не действует. Куда там — он меня знал половину моей жизни, а то и больше. Он знал меня не коллегой, а ученицей. И с ним — наверное, только с ним — я могу и должна говорить иначе.

Я прокашлялась, постаралась говорить мягче.

— Да, профессор. Вы правы. Но вам нужно отдохнуть. Берегите себя и наберитесь сил. Я верю, вы поправитесь.

И я действительно верила. Пусть доамна Ионеску говорит, что хочет, но она не знает, какой он человек. Ради литературы он выстоит. Поправится.

— Я принесу вам книги и очки. Будете читать. И одежду принесу, тапочки, щётку... Составьте, пожалуйста, список.

Я уже поднялась, чтобы уйти, когда он вдруг сказал:

— Софочка... Я ведь... Не вернусь больше в университет?

И я остановилась. Нахмурилась, сжала дрожащие руки в кулаки.

— С чего вы взяли, профессор?

— Я не знаю. Просто чувствую. Когда такой человек, как я, попадает в такое место, как это, он в какой-то момент понимает... Что это всё. Всё, что ему теперь осталось.

— Глупости! У вас есть искусство! Кто говорил, что, пока в наших руках искусство, в наших руках весь мир?!

Профессор слабо улыбнулся.

— Молодец, Софочка, — тихо сказал он, но будто куда-то в пустоту. — Из всего выпуска ты быстрее всех усваивала уроки.

После нашей встречи Виталий Игоревич из больницы больше не сбегал. Он вообще больше не выходил никуда, слишком ослабел. Постепенно, день за днём, он говорил всё меньше и меньше, а голос его звучал всё тише и тише, пока однажды совсем не затих.

Я же, наоборот, приходила к нему всё чаще. И говорила всё громче. Нет, это был не тот кипящий гнев, за который я так и не извинилась, — это была звенящая бодрость. Мол, только послушайте, что натворили ребята из двести шестой группы... А буфетчица пожар на первом этаже устроила, представляете?

Я ждала от него любой знак — смешок, улыбку, огонёк во взгляде. Любой знак, говорящий, что он всё ещё здесь.

Но Виталий Игоревич не отвечал.

Он был как туман. Молчалив, бесчувственен, пуст. И с каждым днём он, как туман, таял. Не оставляя после себя ни яркие всплески чувств, ни что-то грандиозное, ни монументальное. Незаметно утекал сквозь пальцы времени, и никто этого даже понять не мог. Я сама с трудом поняла.

На днях я наведалась в его квартиру, собрала одежду, чистое бельё. Коммуналка его была совсем чахлой, но обитал в ней какой-то чистый, совсем небесный свет. А ещё домашнее тепло. Такое же окутывало меня в доме моей бабушки, о которой теперь и вспоминать больно. Нет давно ни бабушки, ни её дома, ни того тепла.

В квартире было так чисто, так уютно, что хотелось тихо-тихо ходить по комнатам, разглядывая советские картины, корешки книг, иконы. Фотографии зебр и буйволов. Это был мир Виталия Игоревича. Царство покоя, света и литературы. Лишь пыль выдавала отсутствие хозяина да кружка с недопитым холодным чаем. Чай покрылся плёнкой, заварка осела на дне. Рядом — очки для чтения и газета. Этот чай никто уже не допьёт.

Я взяла кружку, чтобы вымыть, но, подумав, вернула её на место. Ровно так, как она стояла до меня. Почему-то менять что-то в этой квартире показалось кощунственным, грубым. Под печальным взглядом святых с икон родился из пустоты стыд, и я мысленно извинилась. Потом извинилась перед чашкой, перед скрипучими половицами, перед потревоженной пылью.

— Он скоро вернётся, — непонятно кому сказала я, и на сердце стало чуть легче.

Вместе с одеждой я взяла какой-то томик стихов, что лежал на прикроватной тумбочке. Вряд ли Виталий Степанович будет его читать, но, быть может, книга напомнит ему о доме?..

Мне бы напомнила.

Этот томик стихов казался совсем потрёпанным, с мятыми пожелтевшими страницами и пятнами от кофе на обложке. Даже пахнет кофе... От него веяло такой же ветхостью, теплом и печалью, как и от всего жилища, словно душа целой квартиры могла уместиться в одну книжицу в мягком переплёте и в четыреста тридцать шесть страниц.

По дороге я полистала этот томик. Стихи были непонятными, но отчего-то знакомыми. На полях то тут, то там бро-

дили заметки карандашом: «Любимое Верочки», «Разорви и выбрось», «Такое больше не писать, чревато», «Бабочкам это нравится», «Перечитать Генке»...

Лишь потом я заметила фамилию профессора на обложке и впервые за день улыбнулась.

Незаметно прошёл месяц с того дня, как Виталия Игоревича затолкали в палату для немощных стариков. Сначала я возмущалась, злилась — он не немощный! — но потом могла лишь молча качать головой.

Кажется, я просто обманывала саму себя.

Его кормили с ложечки, ставили и вынимали утку, садили в коляску, потому что ходить он не мог. Но, даже встречая его бесцельный, безвольный взгляд, я думала, что так бы не случилось — ни за что не случилось! — если бы он остался у себя дома. Среди книг, картин и фотоальбомов. А эти бледные больничные стены, запах стерильности и спирта, безразличные медсёстры и тишина... Я видела, его это убивало.

Я старалась приходить к нему каждый вечер. Олега это бесконечно радовало: он нашёл новый повод для ссор.

— Сначала в универе своём пропадаешь, теперь в больнице! — ворчал он, стоило мне перешагнуть порог квартиры. — Дом теперь до твоего уровня не дотягивает, да?

Но, к его бессильной ярости, я с ним больше не спорила. Ни о чём. Ни о дверях, ни о работе, ни о таблетках, ни о коллегам, ни о детях, которых у нас нет, ни о проблемах, которых у нас море.

Во мне медленно закипала злоба, но не было сил, чтобы выпустить её. И я просто хоронила её в сердце, с каждым днём укладывая неровным слоем — и утрамбовывая.

Лишь навещая профессора, я могла чуть-чуть сдвинуть маску. Говорила и о глупом, и о серьёзном. О печальном — и о совсем безнадёжном.

Томик своих непонятных стихов домнул Чернышов отдал мне. Точнее, мне показалось, что отдал. Когда он увидел

свою книгу, его взгляд на мгновение прояснился, и он молча всучил её мне. И обычная книга за этот миг стала бесценным даром.

В один день, попрощавшись с профессором, я столкнулась на проходе со старушкой. Она была одета в мятую, пропахшую аммиаком ночнушку, и я с трудом сдержалась, чтобы не зажать нос.

— Где я... Где я... — лепетала она, и я её обошла.

— Эй ты, вернись в свою палату! — рявкнула медсестра, и старушка вздрогнула. — Не стой на проходе, живее!

Я была уже на выходе, как в груди привычно забурлило, запенилось, и я бросилась к ним.

— Что за обращение! Вы разве не видите, ей помощь нужна! — процедила я медсестре, отводя старушку в сторону. — Научитесь по-человечески обращаться с пациентами. Она вам в бабушки годится.

Медсестра от изумления забыла, куда шла.

— Ой какая защитница нашлась, — съязвила она и упёрлась руками в бока. — Вот поработай сама своими наманекюрными ноготочками! Только болтать и умеешь, да?

Чтобы сейчас переводить книги и читать в университете лекции, я в своё время работала на заводе, а мои руки, пальцы и ногти — да-да, вот эти «наманекюрные ноготочки»! — были чёрными от машинного масла. Говорить это, конечно, я не собиралась.

Оправдания всегда были ниже моего достоинства.

— Не вам учить меня труду, своему научитесь для начала, — парировала я. — И будьте добрее к пациентам. Это тоже ваша работа.

Медсестра прищурилась, вгляделась повнимательнее.

— А ты кто вообще такая, фифочка?

— Для вас — профессор Мунтяну, — огрызнулась я и гордо выпрямилась, глядя на неё сверху вниз. — В госе преподаю. На шести языках говорю. По телевизору показывали. Будущее страны, между прочим. Есть ещё вопросы?

Я так это выпалила, что все в коридоре затихли. «И на конференции в Европу летаешь, как к себе домой», — недовольно напомнил бы Олег, и я от этой мысли закатила глаза.

Медсестра отшатнулась, но быстро нашлась с ответом.

— Ага, знаем мы вас, профессоров. Есть у нас один такой — совсем тью-тью! На него ори не ори, ни шиша не понимает уже! Профэссор! Под себя гадит, ночью просыпается и других идиотов будит. Ну, хоть не буйный, уже спасибо! Все вы, профэссоры, однажды здесь окажетесь... Больные и никому не нужные! Ну, выкусила?!

Она замолчала, а я медленно переваривала слова. Очень скоро последнее слово было скормлено моей затаившейся злобе. И тогда...

Я, говорящая на шести языках, уважаемый профессор и переводчик, лауреат премий...

Я на неё бросилась. Кинулась, как собака!

С размаху влепила пощёчину, и она вскрикнула. Не от боли — от неожиданности. Медсестра была шире, но я — выше и старше. И во мне ещё оставались силы, чтобы навалить ей, как следует.

Нда-а-а, оправдания — это ниже моего достоинства... А драка, оказывается, нет.

Моя кипящая злость вырвалась, и я отчаянно вцепилась в волосы медсестры, словно ждала этого всю свою жизнь. Маска невозмутимой Софии Викторовны сгинула в тарарах, и никто бы не поверил, что эта чокнутая тётка — я, действительно я!

— Он! Не! Тью-тью!! — зарычала я. — Извинись!!

— Сумасшедшая!! — завопила медсестра. — Убива-а-ают!!

— Я покажу! Покажу тебе!!

Казалось, будто вопили все, кроме меня. А как я буду вопить? Я так привыкла всю жизнь молчать, отделяться скупыми фразами, поджимать губы и проглатывать своё мнение... Я даже вопить не могла. Лишь рычать, как кошка, да драла волосы медсестры.

Она полоснула мне щёку криво стриженными ногтями, чуть не задев глаз, и я вскрикнула. Ну, сейчас ты поглядишь... И я сжала кулак.

Но тут в коридор вывалилась заведующая, морщинистая, как бульдог, и начала ругаться на румынском. Отпустив друг друга, мы наконец разбежались. Я — с трофеем. С пышным пучком крашенных волос.

На улице я долго приходила в себя, потирая щёку и глотая сырой октябрьский воздух.

Ну, что за глупая история... Виталий Игоревич бы посмеялся.

— Ох, Софочка, разве ты забыла, что наш дражайший Крылов писал? Моська лает, а Слоны шагают! — так он сказал бы. Если бы мог.

Что ж, он прав, решила я и наконец пошла домой. А по дороге крутился в голове, как в водовороте, вопрос. Почему же правоту некоторых людей мы осознаём слишком поздно?..

Дома — всё как обычно. Привычно ворчал телевизор, а из него люди в костюмах ворчали о политике. Привычно заворчал Олег, увидев меня.

Располозованную щёку он не заметил. Села рядом и, словно ненароком, проронила:

— Была сегодня в больнице. С медсестрой подралась.

— Сочувствую ей, — хихикнул Олег. — Хотя, наверное, для неё это великая честь. Потом будет своим детям говорить о дне, когда профессор Мунтяну надрала ей задницу!

Я лишь устало выдохнула и пошла промывать царапины.

И как так случилось, что я вышла за него... Хм, вспомнила. Двадцать лет назад его шуточки казались мне забавными.

А ещё... Я очень боялась остаться одной.

— Знаешь, Виталию Игоревичу совсем плохо.

— Кто это?

— Мой коллега. Это его я навещаю, я же рассказывала тебе. Я у него училась, когда студенткой была. Ну, ты же знаешь.

Олег протянул неразборчивое и невразумительное «а-а-а» и отправился на кухню — резать себе бутерброды с докторской колбасой.

— Олег, — начала я. — Я никогда тебя ни о чём не просила...

— Ага, — хмыкнул он. — Сама брала и делала.

— ...Но сегодня я снова была в больнице. Профессор Чернышов совсем не реагирует... Олег, он не может там больше оставаться. Там просто ужасно, о нём не заботятся. Я должна его забрать.

— Да делай, что хочешь. Хочешь забирать — да хоть всех стариков оттуда вывези!

Он прихрюкнул: ему это показалось забавным.

— Олег. У него никого нет. Мне показалось, что... Я должна забрать его к нам.

Кусок колбасы шлёпнулся на пол.

— Что-о-о-о?!

— Я хотела сначала поговорить с тобой, может, есть ещё какие-то...

— Знаешь что?

Вот, опять он не дал мне договорить. В этом весь Олег. Его заносит — и его уже не остановить. Едет, как паровоз, и не дай Бог оказаться на пути...

— Знаешь что, доamna-София-Викторовна-или-как-там-тебя? Я заколебался прогибаться под тебя, под твой этот характер, ходить по струночке, как какой-то тупица! Не смей решать за меня! Я здесь мужик или кто? Или теперь ты?

— Я не решала, — прошипела я. — Я лишь попросила твоего понимания.

— Вот тебе моё понимание! Я тоже здесь живу! И я не потерплю, чтобы ты сделала из нашего дома богадельню! Притон для сумасшедших!

И во мне проснулся кипяток. В который раз за сегодня!

— Притон?! Для сумасшедших?! Ты совсем не знаешь его! Домнул Чернышов — добрейшей души человек, ему нельзя там оставаться! Ему там плохо! И он не сумасшед-

ший! Он писал стихи! Путешествовал по Африке! Он профессор!

— С меня довольно профессоров! — сгримасничал Олег. — Тебя одной уже слишком много! Никакого старика в моём доме! Всё!

И красный, кипящий, он вырвался из квартиры, хлопнув расшатанной дверью. Поставив точку.

Я долго не могла уснуть в тот вечер. Перед сном выпила таблетки, но теперь что они есть, что их нет, разницы никакой. Олег так и не вернулся домой, но я почему-то не переживала. Даже выдохнула, когда телевизор затих, а квартира погрузилась в тишину.

Что-то меня потянуло к книжной полке, и рука сама нащупала шероховатый корешок потрёпанного сборника стихов.

Закутавшись в одеяло и погасив весь свет в квартире, кроме настольной лампы, я начала читать. А мир вокруг начал растворяться.

Здесь были не только стихи, но и несколько эссе. Конечно же Виталий Игоревич писал о жизни. О любви. О людях — хороших и плохих.

Но больше всего — об искусстве.

«Искусство — это путь без конца. Это дорога в беспредельность. Истинный путь в никуда — как же легко там потеряться!

И я потерялся.

Меня предостерегали, за меня тревожились — говорили, не в этом жизнь! За меня боялись. Но тот, кто ступает на тропу искусства и созидания, навсегда отрешивается от страха. Так надо!

Не страшно быть одному. Не страшно быть сумасшедшим. Быть голодным, быть чужим, быть непонятым и осмеянным — не страшно, не страшно, не страшно! Я не боюсь. Я иду вслед за вечностью. Я знаю, что её мне не дано догнать, но и это не страшно.

Когда взгляд твой отдан не глазам, а сердцу, всё видишь по-другому. И понимаешь, что многого в нашей жизни не существует. Например, печали нет. И смерти тоже нет. А если и есть, то я знаю от них лекарство!»

— Покой, любовь и искусство, — вспомнила я, улыбаясь.

И оказалась права.

«Молодец, Софочка, — прозвучал в голове мягкий, тёплый голос профессора. — Из всего выпуска ты быстрее всех усваивала уроки».

Утром я распахнула окна в доме, вдохнула осень, поставила телефонный звонок на беззвучку. И впервые в жизни пропустила собственную пару.

Октябрьское солнце целовало меня скупыми, но нежными лучами, и я впервые никуда не спешила. Я шла бесцельно, шла в никуда. Гуляла по улице Штефана чел Маре, любовалась трещинами старых, печальных домов. Я понимала эти дома. Мне казалось, я сама была в трещинах.

Я долго гуляла, пока ноги сами не привели меня в лечгородок. А потом — к Виталию Игоревичу.

Он, как обычно, смотрел в стену и совсем не обратил на меня внимание. Даже не пошевелился. Это не страшно. Я верила, что он по-прежнему меня слышит. Верила, он чувствует, что не одинок.

— Давайте прогуляемся? — предложила я.

Мне помогли его усадить на инвалидную коляску, и я выкатила его на улицу, в парк при лечгородке. Перед нами расступались так, будто я везла водородную бомбу. Или сама была таковой.

— Вот у этой я выдрала волосы, — шепнула я на ухо профессору, когда мы проезжали мимо стайки медсестёр. — А она мне щёку расцарапала... Мы квиты.

Мне хотелось рассмеяться, но ещё сильнее хотелось, чтобы рассмеялся Виталий Игоревич. Я катила его вперёд, в привычное никуда, и нас обоих это устраивало.

— Сегодня славная погода, — говорила я, жмурясь от лучей. — Нам повезло, ведь скоро дожди передают. Но дожди — это неплохо, правда ведь?

«Да, — сказал бы профессор. — Дожди прекрасны!»

— И знаете... Вы были правы. Ну, в тот день, на остановке... Когда вы говорили о счастье. Конечно, вы правы, профессор. Вы всегда были правы. Простите меня, Виталий Игоревич. Я... Мне жаль.

«Софочка, ну, чего ты, — улыбнулся бы профессор. — Всё хорошо, не волнуйся. Я ведь забыл давно об этом».

— А я — нет. Я долго об этом думала.

Я возила его по тропинкам и говорила о всяком разном. О том, что хочу отправиться в путешествие. Например, в Африку — посмотреть на зебр и буйволов. О том, что быть одной — не так уж и страшно, как я думала. И о литературе. Очень много говорила о литературе.

Вдруг откуда-то сверху раздался странный переливчатый звук. Профессор широко распахнул глаза, и в них блеснули слёзы.

— Сойка, — на выдохе вырвалось у него из груди.

И мы остановились.

Действительно — по веткам прыгала очаровательная птица. Её синие перья словно сияли в солнечных лучах, и мы замерли, боясь спугнуть её. Не моргая, я застыла на месте, любуясь её оперением, небесными глазами, взмахами крыльев. И отчего-то казалось, будто в собственные мысли вплёлся чей-то чужой голос, будто странная песнь проникла в самое сердце.

Птица говорила, что скоро будет зима. И зима будет холодной.

Но печалиться не нужно, пела птица. Печали нет. Ведь придёт весна, вечная сияющая весна. Все мы окажемся там, все мы там встретимся.

И больше никогда не разлучимся.

Птица улетела, и подул промозглый ветер.

— Давайте назад, — сказала я Виталию Игоревичу.

Но сначала я села на карточки рядом и утёрла его слёзы носовым платком. Всматривалась в его лицо, запоминая каждую морщинку, каждую крапинку туманно-серых глаз.

Почему-то мне казалось, что больше мы с ним не увидимся.

На следующий день я провела свою первую лекцию как преподаватель русской литературы. Казалось, ещё никогда в жизни я не чувствовала себя такой... Целой. И исцелённой. Я говорила — и меня слушали. Меня спрашивали — и я отвечала.

Было непривычно страшно, но в сумке, словно оберег, лежал томик непонятных стихов. Негласное согласие. Он доверил мне свой путь. Он посчитал меня достойной.

И сердце билось быстро-быстро, и отчего-то хотелось плакать. Куда-то запропастилась моя маска — кажется, я больше её не найду... Руки тряслись, но никто этого не видел. Никто не видел, как меня разрывало на кусочки.

Лишь только когда лекция закончилась, мне позвонили из больницы.

Прохладным и металлическим голосом сказали, что этим утром Виталия Степановича не стало. Сказали, он не мучился. Сказали, он смотрел в окно — и улыбался.

Он любовался птицами.

3 место

Марина Неустроева

г. Тюмень

**Береги землю,
и она сбережёт тебя.
Береги душу,
и она осветит твой путь**

Рассказ

Рассвет в деревне всегда начинался неспешно, будто сама природа давала человеку время прийти в себя. Солнце медленно поднималось над горизонтом, и первый его луч ложился на кривую изгородь у дома Василия Ивановича. Этот дом был построен ещё дедом, простым мужиком с руками, что могли и топор держать, и плуг вести. Василий вспоминал его уроки, как будто это было вчера, а не тридцать лет назад.

Когда ему исполнилось десять лет, дед впервые отвёл его в лес. «Запомни, Васька, — сказал он, показывая на старую сосну, — дерево живёт, пока его корни в земле. Так и человек: без корней — он не человек». Тогда мальчик ещё не понимал этих слов. Он воспринял их как простую истину: не руби дерево без нужды, береги корень. Но годы показали, что дед говорил о другом.

Детство Василия прошло в окружении природы. Лето пахло скошенной травой и свежей водой из колодца, зима приносила хруст снега под валенками и дым из печной трубы. Но главным воспоминанием всегда оставался лес. Он тянулся бескрайней полосой, наполняя всё вокруг спокойной тишиной. «В лесу душа отдыхает», — часто повторяла бабушка. И Василий верил ей.

Однажды, ранним июльским утром, дед взял внука с собой на сенокос. День был тёплым и воздух дрожал от запаха цветов и свежей земли. «Васька, знаешь, что самое важное в жизни?» — спросил дед, делая перерыв. Мальчик задумался, но ничего не ответил.

«Люди сейчас всё торопятся, всё чего-то добиваются, — продолжал дед, глядя вдаль. — А забывают, что самое главное — жить в душе с собой и с миром. Земля кормит нас, природа даёт воздух, а мы в ответ должны быть с ней честны».

Василий кивнул, хотя до конца ещё не осознавал глубины сказанного. Но эти слова отпечатались в его сердце, чтобы позже раскрыться смыслом.

Когда Василию исполнилось 18, он уехал в город. Там, среди высоких домов и пыльных улиц, уроки деда начали забываться. Город жил своим ритмом, и места тишине там не было. Сначала Василию нравилось: шумные улицы, свет витрин, толпы людей. Но с каждым годом он чувствовал всё больше пустоты.

Работа приносила деньги, но не радость. Окружающие жили так же: спешили, строили карьеру, копили. Василий видел, как люди теряют себя. Они не замечали рассветов, не чувствовали запах дождя.

Однажды, идя домой после долгого рабочего дня, Василий остановился у небольшого сквера. Среди всего этого бетона и асфальта несколько деревьев казались островком жизни. Он сел на лавку, вдохнул запах листьев и вдруг почувствовал, как сильно соскучился по дому.

Ему стало ясно: город высасывает из него всё человеческое. Душа его, как тот сквер, была окружена суетой, которая вытесняла всё живое.

Василий решил вернуться. Оставив работу, он собрал свои вещи и уехал туда, где начиналась его жизнь. Первое утро в деревне стало для него настоящим откровением. Открыв окно, он вдохнул прохладный воздух, наполненный запахом трав и росы. Где-то далеко куковала кукушка, а за околицей стучал дятел.

Природа встретила его как давно потерянного сына. И Василий почувствовал, что наконец-то возвращается к себе.

Первым делом, вернувшись домой, Василий Иванович отправился на старый хутор, где давно не ступала нога человека. Этот участок земли когда-то принадлежал его деду. Поля заросли бурьяном, крыша покосившегося дома провалилась, а некогда цветущий сад превратился в хаотический набор сухих ветвей. Василий встал у ворот и долго смотрел на то, что осталось от прошлого.

«Мёртвое место, — подумал он. — Как и душа, если за ней не ухаживать».

Он принялся за работу. Первые дни были трудными: косил траву, убирал мусор, чинил забор. К вечеру тело ныло с непривычки, но внутри зарождалась тихая радость. Каждая восстановленная доска, каждый вырванный сорняк наполняли его жизнь смыслом.

На третью неделю Василий добрался до сада. Одинокий яблоневый ствол, покосившийся под весом прожитых лет, всё ещё держался. Василий подошёл к нему и, словно разговаривая с живым существом, сказал:

— Дед бы тебя не бросил. Значит, и я не брошу.

Он обрезал сухие ветки, прорыхлил почву, полил корни. Каждый вечер, сидя на крыльце, Василий с надеждой поглядывал на яблоню. Ему казалось, что её молчание было обидой за годы запустения. Но однажды, в начале осени, он увидел на одной из веток крошечное яблочко. Оно было зелёным и твёрдым — настоящим чудом.

С наступлением осени Василий решил восстановить огород. Он вычистил старую грядку у дома, вспахал её и посеял озимые. Сосед, Пётр Степанович, проходя мимо, усмехнулся:

— Зачем тебе это? У нас сейчас всё купить можно. Магазинов — полным-полно.

Василий улыбнулся в ответ:

— Ты прав, Пётр, только вот хлеб, купленный в магазине, не пахнет трудом.

Сосед покачал головой и ушёл, а Василий продолжил копать землю. Его бабушка всегда говорила, что земля не просто кормит человека, но и лечит его. «Когда копаешь грядки, душа отдыхает. Грязь с рук уходит, а с ней и тяжесть с сердца», — вспоминал он её слова.

Однажды, работая в огороде, Василий заметил, как низкое солнце освещает его руки. Они были в земле, трескались от работы, но он почувствовал необычайное тепло. Казалось, сама земля благодарила его за заботу.

Однажды, отправившись за грибами в лес, Василий набрёл на место, где кто-то вырубил деревья. На сырой земле валялись обломки веток, пни были свежими, а вокруг стояла удушливая тишина. Василий ощутил, как в груди поднимается гнев.

«Как же так? — подумал он. — Лес — живой, а его так уничтожают, словно он ничего не значит».

Он присел на поваленное дерево и почувствовал, как тишина этого места давит на него. Перед глазами возник образ деда, который говорил: «Не руби дерево, если не посадил взамен».

Василий вернулся домой, взял мешок желудей и снова отправился в лес. На месте вырубки он начал сеять. Каждую горсть земли он наполнял верой, что однажды здесь снова зашумят кроны деревьев.

В тот вечер, возвращаясь домой, Василий чувствовал себя так, будто сделал что-то важное не только для леса, но и для самого себя.

Василий Иванович вскоре стал замечать, что его внутренний мир меняется. Там, где раньше было беспокойство и тоска, появлялся покой. Природа, которой он отдавал своё время, наполняла его самого. Он понял: человек — часть большого мира, и только заботясь о нём, можно обрести гармонию.

Каждое утро он начинал с прогулки по полю. Солнце, поднимавшееся над горизонтом, казалось, говорило с ним. Василий чувствовал, как каждое растение, каждое насекомое — часть единого организма. И этот организм учил его главному: жить не разрушая.

Скоро по деревне поползли слухи о странностях Василия Ивановича. Старики качали головами:

— Возвращаться из города и заниматься землёй? Тоже мне, молодой, а живёт как в прошлом веке.

Молодёжь, проезжая мимо на мотоциклах, смеялась:

— Ну что, старик-эколог, скоро с космосом разговаривать начнёшь?

Василий не обижался. Он понимал, что людям трудно увидеть, что за внешней простотой его жизни кроется глубокая цель. Но постепенно их отношение начало меняться.

Однажды к нему пришла соседка Галина.

— Василий Иванович, я тут слышала, ты что-то с землёй такое делаешь, что она лучше растёт. Помогите мне. У меня ничего в огороде не идёт — всё сохнет.

Он улыбнулся.

— А ты с землёй говорила?

Она нахмурилась:

— С землёй?

— Да, — серьёзно ответил Василий. — Земля живая, Галина. Если ты её только используешь, она отвечает так же. А если ухаживаешь, благодаришь, то и она тебя кормит.

Она ушла с недоверием, но через несколько недель вернулась.

— Вы правы, Василий Иванович, — призналась она. — Я начала говорить с землёй. Поливаю её, как ты сказал, не просто водой, а с добрыми мыслями. И знаешь, она меня услышала. Огурцы такие сладкие пошли — уму непостижимо!

С этого момента люди начали обращаться к Василию за советом. Каждый хотел узнать, как он восстанавливает старую землю, почему его яблоня снова даёт плоды, а дом кажется таким тёплым и живым.

В один из осенних вечеров к Василию подошёл Пётр Степанович. Тот самый сосед, который раньше смеялся над ним. Они сидели на лавке под звёздным небом. Пётр вздохнул и сказал:

— Слушай, Вася, а чего ты ради всего этого стараешься? Тебе бы жить, как все: телевизор смотреть, чай пить да отдыхать. А ты работаешь, как будто что-то ищешь.

Василий долго молчал, а потом ответил:

— Пётр, а ты зачем живёшь?

— Ну, как зачем... Работал, семью кормил. Теперь дети выросли, пенсию дали, можно и отдохнуть.

— А душу свою ты кормил? — тихо спросил Василий.

Пётр замолчал. В его глазах мелькнуло удивление, а потом грусть.

— Душу? А её чем кормить-то?

— Добрыми делами, Пётр. Заботой. Благодарностью. Не только о себе думать, но и о том, что вокруг. Ведь душа — как поле. Если её забросить, она зарастёт сорняками.

Эти слова, как семена, упали в сердце Петра. С тех пор он стал чаще заходить к Василию, помогать ему по хозяйству. А вскоре и у себя в огороде посадил яблоню, первую за много лет.

Весной, возвращаясь из леса, Василий Иванович остановился у старого дуба. Это дерево он помнил с детства. Оно всегда стояло здесь, как немой свидетель всех перемен. Он присел у его корней и, положив руку на шершавую кору, произнёс:

— Спасибо тебе. Ты многое мне дал. Научил слушать тишину.

Дуб, казалось, ответил ему мягким шелестом листвы. И в этот момент Василий осознал, что его путь не только заботиться о земле, но и учить других слышать её голос.

На следующий день он собрал односельчан у себя во дворе. Говорил он просто, без пафоса:

— Мы часто думаем, что живём для себя. Работаем, едим, спим. А ведь на самом деле мы — часть чего-то большего. Как лес — не только одно дерево, так и жизнь — не только для нас. Если мы будем беречь мир вокруг, он ответит нам теплом.

Кто-то кивнул, кто-то усмехнулся, но Василий знал, что его слова найдут отклик. Он понимал, что для настоящих перемен нужно время.

Шли годы. Люди в деревне стали иначе смотреть на землю и природу. Они сажали больше деревьев, ухаживали за заброшенными полями, говорили друг другу добрые слова. И всё это начиналось с простых уроков Василия Ивановича.

ча, который научил их беречь не только природу, но и свою душу.

Он же сам всё больше напоминал старый дуб — крепкий, надёжный, молчаливый. Его дом всегда был открыт для тех, кто искал ответы. Люди приходили к нему с вопросами о жизни, а уходили с лёгким сердцем.

Однажды, осенним вечером, к нему пришёл мальчик, сын Галины. Он сел на порог и спросил:

— Дядь Вась, а зачем мы живём?

Василий посмотрел на закатное небо, улыбнулся и ответил:

— Чтобы оставлять после себя добро.

Слава о том, что в маленькой деревне появился человек, который знает, как «вылечить землю и душу», начала распространяться за пределы округа. Первым приехал учёный-агроном из районного центра. Молодой человек, явно городской, с настороженным взглядом и аккуратно уложенными волосами. Он стоял у калитки Василия Ивановича, переминаясь с ноги на ногу.

— Это вы, Василий Иванович? — спросил он с лёгким сомнением в голосе.

— Я. А ты кто? — ответил Василий, прислонившись к забору.

— Меня зовут Олег. Я слышал, вы знаете, как вернуть плодородие заброшенной земле. Мы проводим исследования в соседнем районе, хотим попробовать восстановить одно поле. Может, поможете?

Василий выслушал парня, кивнул и сказал:

— Помогу, если сам захочешь учиться.

На следующий день Олег вернулся с блокнотом и ручкой. Но Василий, вместо того чтобы дать ему готовые ответы, повёл его в лес. Они долго шли по извилистой тропе, пока не остановились у небольшой поляны.

— Смотри, Олег — указывая на цветущую траву. — Это поле никто не обрабатывал, никто не удобрял, но оно живёт. Почему?

— Ну, — замялся Олег, — это же дикая природа. Здесь свой баланс.

— Вот именно, — кивнул Василий. — Баланс. Природа знает, как жить. А человек, забывая об этом, всё нарушает. Твоя задача не управлять ею, а помогать.

Эти слова стали для Олега откровением. Вернувшись в районный центр, он начал внедрять новые подходы: отказ от химических удобрений, сохранение естественного плодородия. Через год заброшенное поле ожило, и это стало примером для других фермеров.

Со временем всё больше людей стало приезжать к Василию Ивановичу. Одни хотели научиться бережному отношению к земле, другие искали ответы на внутренние вопросы. Кто-то ехал из соседних деревень, кто-то — из города, а однажды к нему приехала даже группа студентов-экологов из столицы.

Василий просто рассказывал, как жил, что узнал от деда, что понял сам. Каждый его урок был простым, но проникновенным.

— Знаете, почему птицы всегда возвращаются домой? — спросил он однажды студентов.

— Инстинкт? — предположил кто-то.

Василий улыбнулся.

— Не только. Дом — это не только место. Это чувство. Там, где ты нужен, где тебя ждут. Так и с человеком: его душа живёт, когда она чувствует, что она дома. А дом — это и природа вокруг, и люди рядом, и мир внутри.

Через несколько лет деревня, где когда-то царила тишина и забвение, стала местом, куда стремились люди. Здесь появились новые дома, восстановили старую школу, а на месте заброшенного хутора выросли теплицы. Но главное — здесь зазвучала жизнь.

Василий Иванович часто выходил на крыльцо и с улыбкой смотрел, как дети бегут по улицам, как старики сидят на лавочках, разговаривая о прошлом. Всё это напоминало ему детство, когда он сам жил в мире, где природа и человек существовали в гармонии.

К нему приезжали журналисты, но Василий отказывался от громких слов и интервью.

— Я не герой, — говорил он. — Я просто человек, который вернулся к корням.

Последний урок!

Однажды, в жаркий летний день, Василий Иванович собрал всех жителей деревни у старого дуба. Дуб теперь стал символом их нового пути. Под его раскидистой кроной Василий поднялся на небольшой пенё и заговорил:

— Друзья, я хочу рассказать вам о главном. Всё, что мы делаем, имеет значение. Каждое посаженное дерево, каждое доброе слово, каждая забота. Мы не можем изменить весь мир, но можем начать с себя. И тогда мир вокруг нас тоже станет лучше.

Люди слушали молча, но в их сердцах уже горел свет. Они знали, что слова Василия правдивы, потому что он жил так, как говорил.

Через несколько лет Василия Ивановича не стало. Он ушёл тихо, в один из весенних дней, когда его яблоня вновь зацвела. Деревня провожала его всей общиной. Люди говорили, что он был не просто человеком, а символом того, что возможно жить в гармонии.

На месте старого дуба, где Василий любил собирать односельчан, поставили скамью с надписью: «Береги землю, и она сбережёт тебя. Береги душу, и она осветит твой путь».

С тех пор его учения стали жить в сердцах людей. Деревня превратилась в пример для других, а идеи Василия распространились далеко за её пределы.

Вот так история завершилась, но её свет продолжал гореть, вдохновляя новых людей сажать деревья, заботиться о природе и находить гармонию в себе.

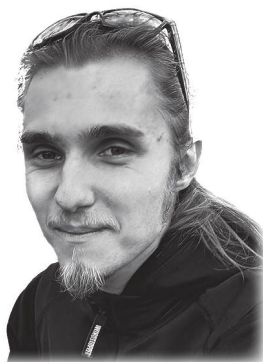
Лауреаты конкурса
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2025 года

«Поэзия»

Возрастная категория
от 14 до 35 лет

1 место

Александр Страшинский

г. Ярославль

* * *

Мне опять вспоминается млеющий луг,
Мы шагаем, шагаем — ты дед, а я внук.

Не часы, а кузнечики тикают здесь,
Точно времени нет — только стрёкот и есть.

Сколько будет и щедрых, и радостных дней!
И ты шлёпаешь звонко на пузе слепней,

Травишь байки, а может быть, что-то поёшь
И внезапно затихнешь, травинку жуёшь.

Мы на даче, одни. Из села молоко,
С огорода — клубника. Печаль далеко.

Ожидает рыбалка — желанный судак —
И таинственный, в травах и книгах, чердак...

Я вырослел, а ты старился, еле вставал.
Жил один, телевизор смотрел, выпивал.

А потом на поминках, мрачнее вина,
Надо мной, как бутылка, стояла вина.

И я ездил на дачу и несколько лет
Вспоминал благодарно и щедрость, и свет.

Этих тихих краёв не коснулась печаль.
Я на нашей веранде заваривал чай.

Так и жил. И моя благодарность жила.
Возвращался один с молоком из села,

Поворачивал ключ, благодарно входил,
Благодарно ступал, не касаясь перил.

И блестела сквозь всё, чего не изменить,
Луговой паутины белёсая нить...

Всё прошедшее наше по-прежнему здесь.
Да и времени нет — только стрёкот и есть.

И твой голос весёлый, и лес за рекой,
И широкий простор, и бескрайний покой.

2 место

Михаил Серебринский

г. Санкт-Петербург

Это всё уже было, было...

Цикл

1

Я знаю, мы были знакомы всегда.
Когда ты была мотыльком в мезозое,
Искал тебя по разноцветным следам
От крылышек. Был голубой стрекозою.

На древнюю плёнку фасеточных глаз
Снимал тебя в листьях, хвощах и кораллах.
Жаль, нам не достать этих снимков сейчас —
Две эры спустя ты бы точно признала,

Как много взяла от того мотылька:
Глаза цвета листьев и краски на веках.
А трепет (по телу и до холодка!),
Что свойственен бабочке, не человеку?

Ты думаешь, всё это — милый пустяк.
Спокойна, как лес перед древней грозой,
Внимательно смотришь. Не веришь? Пусть так.
А там в мезозое, а там в мезозое...

2

*Потому что любовь через тысячу лет —
это та же гроза, это тот же рассвет.*

Глеб Горбовский

С начала веков до древнейших времён
Я был по-другому влюблён:
Не знал, что есть ты, что есть дерево клён
Под нашим окном. Был влюблён

В хвощи, в каменистые лапы цветов,
В жучков с кулачок, в паучков.
На серьги тебе не таскал комаров
С янтарных болот и лесов,

Но слушал грозу и, конечно, хотел
Делить её с кем-то. Прожил
Сто жизней. Рассыпались лилии в мел,
Хвощи — на две тысячи жил.

Проснулся спустя не бог весть сколько лет
И сразу в родные глаза
(Твои) заглянул: в них был тот же рассвет
И та же над клёном гроза.

3

Над соснами, над облаками
Обрывок радуги светил.
А значит, кто-то был над нами,
И этот свет не погасил.

Он летним днём придумал дождик,
Чтоб мы под общий дождевик
Зашли вдвоём, а вышли — боже! —
Втроём — к заливу напрямик.

Он за спиной стоял. Он робко
Организовывал прибой
И черепки. Касался кротко
Их — черепков — твоей рукой.

Как будто он на побережье
Двоих однажды приводил
Смотреть на мир ушедший, прежний,
Который — мел, который — ил.

Любил их — тех двоих, — и всё же
Они исчезли без примет.
Он ждал. Потом придумал дождик
И сосны, и над ними — свет.

4

Наш мир материальных безделушек —
Как слепок с прошлого. Он дорог мне.
Частичка жизни в памятной игрушке,
Ещё частичка — в снимке на стене.

Мы покупаем в отпуске картинки,
Везём гербарий, ракушки домой,
И прожитое копится в квартире,
И, оживая, говорит со мной.

Так трилобиты, застывая в камне,
Просили Бога не забыть о них:
Следы их, сохранённые веками, —
Почти готовый допотопный стих:

«Он говорил любимой: «Как на фото,
Замри для вечности, не шевелись,
Чтоб после нашей смерти вспомнил кто-то
Тебя, меня и этот древний лист».

5

Это всё уже было, было:
Эта ветка и этот свет
За окном. Ты всегда любила
Их спросонья. А скажешь — нет?

Ты была. До времён. До знаков,
До глагольных моих на -ил
Рифм. И я — как пророк Иаков —
Самый первый тебя любил.

Мы всегда выходили к лесу
Посмотреть допотопных птиц.
Жизнь была только парой жестов:
Взмах крыла, взмах твоих ресниц.

Только воздух и только души,
Принимавшие форму нас.
Только снег, ледяные кущи,
Взгляды масляных птичьих глаз.

Больше жизни прошло, ты помнишь
Самый первый, простой завет?
Взмах ресниц — и с утра, в окошке,
Эта ветка и этот свет.

2 место

Полина Ярыгина

г. Самара

* * *

Ветер с безумным усердием старой прачки
В лужах полощет фонарного света ленты.
Ночь из-за пазухи вытрясла все заначки
Под ноги мне, как разрозненные континенты:
Несколько бледных теней в обветшалых шляпах,
Чайные розы в вазах с древесным соком,
Чалые звёзды на чахлах худых собаках,
Сборник рассказов: «Мои откровения с Богом».

Сотня свечей в ту ночь во мне полыхала,
Спину сгибала, велела смотреть покаянно.

Глаз смиренных в зеркале воска мало,
Чтобы душою стать чистой и безымянной,
Чтобы вдруг разлюбить визжащие бури,
Стать моряком, плавающим по суше.
Небо дымится, сигары сосновые курит —
Малая грешность делает многих лучше.

Я заплетаюсь в парковые ограды
Чёрной лилией, жимолостью, иргой...
Спрячь меня, Ночь, как вора, как конокрада.
Спрячь меня, Ночь. Мы сочтём всё это игрою.
Армия снежных птиц прилетит за мною,
Спросит о яблоках слов, о молитвах мимо.
Дождь взбивает дороги в пенное море,
Которое я как будто бы разлюбила.

3 место

Марта Ломако

г. Коломна Московской области

Чужие мысли

Разбросаны по нитке памяти,
Шуршали мысли на ветру.
И ветер, не обучен грамоте,
Их лихо истрепал к утру.

Он ими, как сухими травами,
Усыпал полевой простор.
Здесь куполами цветочными
Увенчан зарослей собор,

И всё, что от корней оторвано, —
Лишь подражание ему.

Я соберу гербарий снова, но
Не всё придётся по уму.

Я пустоты боюсь. Беспечная
Душа не тронута виной;
Лепечет что-то на наречии,
Подвластном только ей одной.

Разряд

Держать в руках себя. Синицын щебет,
Крик журавлей — звучнее из небес.
Разряд, разряд — твой нерв и это стерпит —
И ты на миг, как заводной, воскрес.

Я отдаюсь во власть чудной науки.
Мне чистоты открылся древний культ:
Смотри, как боль моя уходит в руки,
И те метут, и трут, и волокут.

И в комнате, где воздух спёрт, как в склепе,
Взлетает пыль с незавершенных дел,
Как будто пыль и есть помпейский пепел,
Что на душе нечаянно осел.

Жажда

Мечта, не знающая срока,
Не обрастающая былью:
Влюблённое кошачье око
Следит за всполохами крыльев.

Кто так ещё глядит-лелеет
И жаждет встречи в тёмной чаше?
Рванулся вверх свирели лепет
И стих в руке твоей дрожащей.

Растает сытость в этом теле.
Внимать ветвям и ждать успеха:
Звенят непойманные трели —
В пустом сосуде бродит эхо.

Молитва

Под купол елового храма,
Где кутает мысли смола,
На время отбившись от мамы,
Малютка одна забрела.

Для службы не нужен ей повод,
И пусть не поймёт до поры,
На чьём языке славословят
Незримые птичьи хоры.

Покрыл ей макушку и плечи
Платок восьмипалых ткачей.
Меж веток откликнулись свечи
На отблеск закатных лучей.

Она ни о чём не просила
В случайный молитвенный час.
Лишь взглядом, с восторженной силой
Та тихая служба велась.

3 место

Мария Шапошникова

г. Москва

* * *

Зачем писать стихи, когда есть лошадь?
Запрыгнул на неё, и где стихи?
Уйдут они в свистящий мимо ветер
И в гриву, заплутавшую в руке.

Мне, несомненно, хочется на волю,
А лошади — тем более, ведь та
Стоит всё время, брошенная, в поле
И в деннике, где куры да жара.

На время многие её здесь приручали,
Потом бросали, захватив своё,
А лошадь всё прекрасно понимает,
Ведь говорят: «Всяк человек есть ложь».

А я так не хочу, я тоже знаю,
Что если я уеду, как и все,
На этот раз сдадут её на мясо,
И будут больше не нужны стихи.

Пусть лучше без стихов и без подковы,
Зато пока я здесь — она жива,
Хожу я к ней и думаю, что снова
Я подберу для этого слова.

**Лауреаты конкурса
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2025 года**

«Эссе»

3 место

Татьяна Шахлевич

с. Абрикосовка, Крым

Удивляться душа не устала

Эссе

Почему некоторые люди доверяют бумаге свои мысли, чувства, воспоминания? Чтобы оставить след, прославиться, утереть кому-то нос, поднять важную тему, кого-то возвеличить или втоптать в грязь? Думаю, это всё мелко. Потребность писать стихи или прозу идёт из глубины сердца, объяснить её сложно. Не нашёл ответ на этот простенький

вопрос: «Для чего пишу?» — и А.С. Малиновский. «К славе, известности не рвусь, это могу сказать спокойно. К оценке того, что делаю, очень неравнодушен, признаюсь. Но так ведь оно, наверное, и должно быть. Я слишком уважаю то, чем занят. Но — для чего? Это вопрос вопросов». А.С. Малиновский — химик с душой поэта. И касается это не только стихов, но и прозы, потому что он не перестаёт удивляться миру, людям, себе самому. Он успешен и известен как учёный, практик, краевед, писатель.

Читатель понимает, принимает, оценивает художественное произведение, исходя из своего опыта или опыта своего рода. Мне близки по духу, понятны, дороги работы А.С. Малиновского. В них отражено время моих родителей и моего поколения.

«Я по характеру как пьяница: строку лишь только пригублю, рука к перу с бумагой тянется...» Первые стихи А. Малиновский опубликовал в двадцатилетнем возрасте в газете «Волжский комсомолец», хотя писать начал раньше. Слишком требовательно относился автор к своим работам, долго не решался выносить их на суд читателей.

В поэтическом творчестве А. Малиновского явно выделяются три темы: любовь к родному краю, матери, женщине. «Никогда мне не расплатиться за всё, что дали родимые места». Поэт возвращался туда, чтобы испытать живой водицы и расправить крылья. Ощутить поддержку родных и земляков. Найти ответы на сложные вопросы. Сверить свой путь и поклониться отчому дому.

*Есть в моём крае клочочек землицы,
Где я всегда себя чувствую птицей.*

Малая родина для А.С. Малиновского — это село Утёвка, лес, река, колки и синее открытое небо, перед ними он держит ответ.

*Сторона родная,
Болен я тобой.
Справа — степь без края,
Слева — лес с рекой.*

Его душа удивляется, ликует, огорчается, грустит, болит,
но никогда не бывает равнодушной.

*А я не привыкну жить,
Живу на земле впервые...
Хочется мне говорить
Всем людям слова простые.*

И его лирический герой радуется саманному дому, тесовой заваulinке, спокойным облакам, степной дороге, закату над рощицей. Я тоже люблю смотреть на закат, наш, крымский.

Лучи солнца, уходя на покой, размашисто рисуют по бледному небу причудливые картины оранжевыми, малиновыми, иногда алыми красками. Можно долго созерцать, не боясь, что изображение исчезнет. Это на восходе цвета меняются быстро, солнце начинает слепить, заставляя жмуриться, а вечером — одно удовольствие наблюдать закат и мечтать. Умиротворение и полёт мысли.

Краски заката расплываются, тускнеют. Цикады призывают ночь. Появляются первые редкие звёзды. Завтра — новый день. Я открою четвёртый том собрания сочинений автора и окунусь в поэтический мир А. Малиновского.

*Отколобродил дождь. И враз отмылись,
Почистились окрестные дворы.
И в светлых лужах выси отразились.
И огласились смехом детворы.*

Поэтическая манера автора отличается простотой и проникновенным лиризмом. В основе его стихов обыденность, ординарность, бытовые детали.

*Под грачиные оваии
По субботам навигацию
Бани открывают.
Печи разом затопились.
Кучкой яблони столпились —
Провожают.*

Автор использует минимум изобразительно-выразительных средств и ему удаётся обычного читателя превра-

тит в сопереживателя, который видит глазами поэта, но чувствует своей душой.

*Знаешь, мама, наш колодец обвалился —
Я пошёл воды попить и не напился.
Сруб ветловый, что с тобою мы срубили,
Утащили и давно уже пропили...
Что же делают у нас-то на селе?
Каждый третий тут с утра навеселе.
И никто венец поправить не поможет.
Невиновному, вина мне сердце гложет.*

А. Малиновский остро воспринимает всё вокруг — и хорошее, и плохое. Он чувствует ответственность «за всё, что живёт и ликует, за всё, что страдает и плачет». Тяжело переносит развал страны и обнищание деревни: «...Мне видеть сегодня так больно сирой Русь!»

*Век настал окаянный,
Зло сильнее и сильнее.
Давит дух чужестранный
Всё больнее и злей...*

Пригорюнилась страна в двадцатом лицемерном и циничном веке, где бывший лётчик торгует конфетами, танкист — сигаретами, растут и рушатся финансовые пирамиды. Народ уже не верит обещаниям, «лишь мечта о нездешней свободе всё никак не угаснет в народе». То, что свершилось, сердце принять не может, правда и ложь поменялись местами, укором совести стали ветераны, но вера в Россию даёт надежду, что «жизнь наладится, наша жизнь устроится». Надежда,

*Она источник силы. И, как прежде,
Он из неё, измученный, энергию берёт,
Мой бедный, мой оболганный —*

великий мой народ!

О каких бы проблемах ни говорил А. Малиновский, он всё равно верит в лучшее, и об этом — его светлая поэзия. В ста двух стихотворениях, размещённых в четвёртом томе, в разделе «Окошко с геранью», часто встречается слово «светлый»: светлая водица, светлый берег, светлые печали,

светлые ночи, светлые лики, светлое небо, светлая родина, светлые песни. А ещё — золотистые сосны, лазоревый край, берёзовый свет, золотеющее поле, синее небо — слова, от которых становится светло и тепло на душе.

Доверительные отношения сложились у А. Малиновского с матерью. В стихотворении «Маме» лирический герой считает себя счастливым, потому что у него отзывчивая, терпеливая, любящая мама.

*Я оттого, наверное, счастливый,
Что нет тебя на свете бережливей.
Что собираешь сердцем понемногу
Все радости мои. И все тревоги.*

Находясь вдалеке от родительского дома, автор мысленно обращается к маме, вспоминает, как она выходила встречать уже взрослого сына, переживала за каждого своего ребёнка.

*Увы! Мы были непослушны.
Но наши души, наши души —
И ныне тянутся друг к другу
В любую слякоть, дождь и вьюгу.
Им не дано разъединиться!*

На степной дороге и в поле автор чувствует присутствие матери, паутинки напоминают её волосы. Любимая женщина тоже напоминает маму.

*Как будто бы от мамы ты пришла,
Заветы добрые усвоив.
И жизнь моя, светлея, потекла
На радость и любовь обоих.*

Не всегда лирический герой испытывал взаимные чувства. Он любил, страдал, ревновал, но не получал взаимности. «Наш разрыв так жизнь мою отметил, что я долго жил как бы глухой».

Поэт сравнивает женщину с летом, такая же нежная, светлая, желанная. Он думает о будущем свидании, гуляя в поле или роще. Былинка у дороги, осинка-недотрога, необозримые небеса поют о любимой. Она в судьбе героя словно лучик золотой. «Весь мир огромный мой сегодня — ты».

Каждый ли человек способен любить? Некоторые философы говорят, что это удел избранных. А. Малиновскому это чувство присуще. «Я так любил, что землю с небом благодарил за дар любить».

Природа в стихах поэта живая, очеловеченная. Молодая берёзка кого-то ждёт, «замерев девицей, на юру», ветла, седая, старая, задумчивая, шепчет в ночи, ручей говорливый, ветер шальной. Родина и природа в творчестве А. Малиновского неразрывно связаны.

*Я в круизах бывал, много рек повидал,
Но в плену я у них был не долго.
И скажу, мужики, лучшие нету реки,
Чем красавица матушка-Волга.*

За небоскрёбами в Нью-Йорке (А. Малиновский трижды приезжал в США) рассвет увидеть проблематично, и снится лирическому герою своё далёкое село, саманный домик и просёлки. «Я через чужое намного стал больше своё понимать», — делает вывод автор. У него обострённое чувство Родины, никуда от этого не уйти. «До боли в сердце и до песни звонкой люблю тебя, родимая сторона!» А.С. Малиновский готов бесконечно признаваться в любви: «Светлая и солнечная родина! Я тебе не всё ещё сказал».

Самобытность — вот отличительная черта поэта. Он имеет свой почерк, свой стиль, манеру повествования.

«Когда я стал писать, — рассказывал А.С. Малиновский, — было такое ощущение, что пишу за всех своих земляков, за всех родных, которые не знали грамоты, но чувствовали, может быть, ещё глубже, чем я. Берёшь в руки произведение иного писателя — и не ощущаешь его корней. Как будто он в пробирке родился. Такой мне не интересен. Для меня писательство — это сохранение духа и образа жизни поколения».

Что помогало автору справляться с трудностями, преодолевать невзгоды, идти дальше? Об этом он пишет в стихотворении «Мой двигатель».

Они мой двигатель могучий:

Мои Дела, моя Любовь.

Любое зло, любые тучи

Я с ними одолеть готов.

Любовь к родному краю А. Малиновский выражал не только стихами, прозой, но и делами, поступками. Думаю, не надо говорить, какую роль в нравственном воспитании играют произведения А. Малиновского. Это и так очевидно. Они как долгожданный дождь на потрескавшуюся землю, как солнечный луч в хмурый день, как прохладный подорожник на свежую царапину.

Похоронен Александр Станиславович в родном селе Утёвка. В экопарке «Бариновская мельница» заложен в 2023 году сад Малиновского.

Приведу фрагмент из раздела «Колки мои и перелесья». В один из приездов А. Малиновского в село встретил его бывший одноклассник, которого редко видели трезвым. Мужчина крепко пожал руку писателя и поблагодарил за книжку «Степной чай», которую вынул из кармана пиджака: «Все нас забыли, деревню забыли, всех и всё забыли, а ты — помнишь, помнишь! Да как помнишь — сердцем. Не глазами и умом, а — сердцем! — он снял свою затрапезную заячью шапку и вертел её в руках. — Помнишь, всех нас сразу. Всех!» Одноклассник был трезв, видно, что волновался. А. Малиновский и думать не мог, что такое услышит.

«Не тороплюсь я отвечать, для чего пишу. Может, на это ответят за меня мои тоненькие книжки».

2 место

Антонина Павлова

г. Орёл

В какую эпоху мы живём?

Эссе

В какую эпоху мы живём? В «ту», когда человеческой душе радостно, хотя и трудно, или в «ту», когда само слово «душа» теряет свой глубинный смысл и нравственные чувства, а жизненные ценности утрачивают своё значение?

«Епоха не та...» — отвечает один из героев одноимённого рассказа повести А.С. Малиновского «Голоса на обо-

чине». Старик Лунёв «всё понять хотел больше, чем мог», и помирает с мыслью о том, что «ничего не поделаешь». Ведь единицы таких людей, как Мотькин, имеют «домину», какой нет ни у кого в посёлке. Какие чувства у читателя вызывает дом Мотькина и его хозяин? Восхищение, радость, а может, зависть, ведь у других такого нет, или осуждение? Давайте вместе поразмышляем над этим.

Случайно ли писатель использует в рассказе слово «доми́на», в котором суффикс -ин вносит не только преувеличительное значение, но и передаёт, на мой взгляд, негативное отношение рассказчика к герою? Вероятно, не случайно. Вспоминается, что в древности, в дохристианской культуре, одним из распространённых способов захоронения была тоже «доми́на». В вырытой яме устанавливался сруб, куда помещался не только человек, но и его имущество, чем он пользовался в повседневной жизни. Возможно, для героя рассказа в жизни «доми́на» является одновременно и его богатым жилищем, и местом захоронения его души, души, погибшей от жажды наживы, от своей гордыни? Вспоминается стихотворение современного поэта Н. Дементьевой, которая пишет:

*Ты пришёл в этот мир голым
И таким же голым уйдёшь.
Ничего, я тебе глаголю,
Ты с собою не заберёшь.*

Малиновский не даёт герою рассказа никакого имени, только по двору, по породе значится он как Мотькин. Это не случайно. Нет у таких людей своего имени. В детстве трудиться не любил, объясняя это тем, что за деньги всё купить можно. «И верно ведь: живёт, ничего делать не умея. Кроме денег! Бабки рубить, толкует, надо в городе, а дышать приезжать сюда, в посёлок на берег Волги!» — рассказывает о нем односельчанин. Главное — нажива: «Реактивный, на лету, словно блесну, хватает, когда дело касается наживы... Один он так из поселковых вознёсся».

Читатель ничего не узнаёт о том, как Мотькину удалось разбогатеть. Но в словах рассказчика звучит осуждение

того, как он это делает. «...То ли мы не умеем считать? Или не так считаем, как они: «Тебе... мне-мне, ещё мне!» Цифра нас всех и съест!» — утверждает собеседник. В этих словах явно чувствуется негативное авторское отношение к таким, как Мотыкин. В русской литературе традиционно духовное начало в человеке ценится выше, чем материальное благосостояние. Созвучны этому мысли Н. Дементьевой, которая пишет:

*Как же ты допустил, чтоб душу
Оплела повиликой гордыня,
Равновесие в ней нарушив,
Опоганив тем самым святыню.*

Произведения А. Малиновского вызывают у читателя размышления над духовно-нравственными ценностями, над вечными вопросами, которые традиционно ставит русская классическая литература: каким быть? Как жить и строить отношения с окружающими тебя людьми? Ведь именно от этого и будет зависеть, в какую эпоху мы живём. Автор утверждает: не важно, в какую эпоху живёт человек. Каждый хотел бы, чтобы мир был наполнен добротой, заботой, любовью, справедливостью. А в борьбе Добра и Зла победило бы всегда Добро.

Во многих рассказах А.С. Малиновского из повести «Голоса на обочине» звучат голоса русских людей из народа: сельских и городских жителей («Сиреневые колокольчики», «Дожить до весны!..», «Озорник», «Дальнобойщик»), инженеров, которые попадали под каток «прихватизации» и теряли работу («С голоду не пухну»); учителей («Такой случай», «Чернослив в шоколаде»). Остро звучит тема природы в рассказе «В сосновом бору»: «С возрастом начинаешь особо остро понимать, что все мы дети природы». Александр Станиславович, обращаясь к подрастающему поколению, пишет:

*Умей то светлое хранить,
Что издавна любовью называют.
Умей делами воплотить
Свою любовь к родному краю.*

В произведениях А.С. Малиновского предстаёт довоенное время раскулачивания, трудное военное лихолетье и послевоенное восстановление жизни; время перестройки и эпоха 90-х. Название повести «Голоса на обочине» имеет, по-моему, особый смысл. Дорога жизни и обочина жизни... Кто-то едет по широкой жизненной дороге на комфортных автомобилях. А кто-то стоит на обочине... Но голоса людей, стоящих на обочине, в рассказах писателя звучат весомо, значимо, содержательно. Своими тихими или звонкими голосами герои произведений Малиновского очищают душу, делают её более чувствительной, способной отзываться на чужую боль.

Особенно трогает тема детства, к которой обращается автор («Корзина, полная яблок», «Крестик», «Журавли»). В рассказе «Истоки» читаем: «Люди в плену своего смутного времени, а вот она, Лёнькина мальчишеская душа жива! Выныривает из-под завалов двадцать первого века!.. Истоки... Они и сейчас манят неодолимо, неся в себе намного больше смысла, чем в детстве. Это и ветла у дороги, разбуженная серебряным звоном отбиваемой в утренней рани косы, и наша саманная белёная изба, в которой, взрослая, я впервые не смог заснуть майской короткой ночью от щемящего и неожиданно осознанного чувства жгучей связи, и с первыми крупными каплями дождя, упавшими в распахнутое окно, и с пьянящим настоем сирени в посвежевшем и мокром саду. И — многое-многое другое...»

Как тонко подмечено автором: душа «выныривает из-под завалов двадцать первого века». Работая в образовании с 1981 г., невольно сравниваешь детей советского, перестроечного и постперестроечного времени, детей XXI в., а также анализируешь отношение родителей к школе, к учителю. При этом невольно приходится разгребать многочисленные «завалы». «Я своему сыну верю, он сказал что сидел тихо и спокойно, а учитель врёт. Я не сомневаюсь в её не одыквате», — из безграмотной жалобы одной мамочки на учительницу. При этом ни разу не побывала в школе, проявляя равноду-

шие к истинному положению дел своего чада. Убеждаешься в том, что личный пример родителей — это определяющий фактор в воспитании детей; что именно в семье дети приобретают морально-нравственные качества и проявляют их в общении с окружающими. Из семьи человек транслирует миру добро или зло, достоинство или подлость, честность или лживую изворотливость. Невольно задумываешься: какие книги читали и читают в таких семьях и читают ли вообще? Как в каждодневной суете не забыть, что такое *совесть*, и идти по жизни с Божьей помощью? Если совесть в душе жива, то человек способен слышать своего ангела, слышать другого человека, ставить себя на его место, нести ответственность за свои поступки, а не перекладывать её на других. Совесть бережёт душу от агрессивности, вранья, наговоров. Именно она помогает родителям не «залибливать» своего ребёнка, а по-настоящему направлять его на путь истинный, адекватно и с достоинством воспринимать его успехи и неудачи и расти вместе с ним, развиваться, быть рядом, быть в курсе того, как ребёнок готовится к урокам, какая помощь ему в этом нужна. В семье важно вместе с детьми читать и обсуждать русскую классическую и хорошую современную литературу, искать вместе ответы на волнующие жизненные вопросы. Проще отмахнуться от детских проблем, заниматься своей взрослой жизнью, переложив всю ответственность на школу.

Произведения А.С. Малиновского помогают прислушаться к тому, как быть честным прежде всего с самим собой, как сохранить чистоту помыслов. Ведь развивается только то, во что человек вкладывает позитивную энергию. «Царствуй лёжа на боку!» — пушкинские слова из сказки наполнены иронией и мудростью. Не так ли и некоторые современные дети хотят «царствовать», прожигая свои лучшие ученические годы в телефоне, не прикладывая никаких усилий к учёбе, редко открывая книгу? А родители порой не хотят замечать этого. Ведь так проще... Возможно ли разгрести такие «завалы»? Радует то, что государство с каждым годом всё больше и больше уделяет внимания роли семьи

в воспитании ребёнка и приходит на помощь учителю. И общество в целом не остаётся равнодушным к этим проблемам. Важно учить детей задавать себе и окружающим вопросы и искать ответы на них. Как спросить, когда что-то непонятно? Как поблагодарить, когда есть за что? Как попросить, когда нужна помощь? Как в целом пройти социализацию в современном обществе? Вопросов у ребёнка много. Какие ответы он найдёт? Только близкие люди могут насытить ребёнка тем благодатным питанием, в котором он так нуждается в детско-юношеские годы. Или на всю жизнь наполнят его злобой, перекладыванием своей ответственности на других, обидой на весь мир, завистью...

А.С. Малиновский в рассказе «Разговор с сыном» описывает непонимание между местными жителями и учителем Вадимом Сергеевичем: «Жил у нас когда-то учитель Вадим Сергеевич — математик. Станный мужик. Да и то, какой он мужик? Мальчишка совсем, худосочный, как вон та скворешня. Всё, бывало, говорил про себя, что знает только то, что ничего не знает». Не понимает его интерес к краеведению дед Андрейка. Обращаясь к сыну, учитель пишет: «Видишь ли, краеведение у нас считается делом почти что несерьёзным. Но ведь любовь к своей земле, речке, полю начинается не с абстрактного разговора о любви вообще, а с бережного отношения к истории родного края, с общения с сегодняшними людьми его, со знания того, какой она была и стала, окружающая нас жизнь». Эти слова литературного героя о любви к родному краю отражают и трепетное отношение автора к краеведческой работе, которую А.С. Малиновский осуществлял всю жизнь. Сетует дед Андрейка: «А ведь ошибку я допустил — не сходил в те годы к нашему учителю на урок».

Так в какую же эпоху мы живём? В эпоху прекрасную! Вот только бы не оказаться всем нам, особенно молодому поколению, под «завалами» бездуховности, не испытать дефицит совести. Спасти от этого может верность традиционным жизненным ценностям. Именно они и утверждаются в произведениях А.С. Малиновского.

2 место

Ирина Владимировна

г. Казань

Голоса на обочине годы спустя

Эссе

*По мотивам рассказов Александра Малиновского
«Голоса на обочине»*

«Книги Александра Малиновского показывают огромные запасы духовных сил и душевной щедрости нашего народа» — так пишет о творчестве Малиновского Владимир Крупин.

Годы идут, люди меняются внешне, их увлекает современная жизнь, но в душе они остаются теми же, как много лет назад. Кажется, что сейчас всем нужны деньги и больше ничего. Но это не так. Людям, как и прежде, нужны забота, ласка, тепло, поддержка и опора. А ещё нужна вера в них. Они так же страдают, переживают, ищут ответы на свои вопросы. А мы продолжаем слышать их голоса на обочине и, как Александр Станиславович, «попадаем в тот круг, где вопросов больше, чем ответов...»

И будто сквозь время говорит с нами сам писатель Малиновский: «Отойду от старика, в сторонку от скрипучего голоса по кромке влажного волжского бережка... Чтоб помолчать... подумать одному. Отдохнуть от нависших вопросов... А не получается... Звучат голоса! Из всей моей жизни. И прошлой, и настоящей... Голоса тех, кого знал. Кого обидел ненароком, кто меня не понял... Во мне ли в одном такое многоголосье? Каждому в свой час... И своё... И нет разницы: в степи ли, в горах ли ты бредёшь... Или, как я, — по берегу великой, притихшей в осеннем ознобе реки».

Рассказ грешницы, или Трудно отпускает Валаам

Молодая женщина медленно идёт по дороге. Казалось, она разговаривает сама с собой. Остановилась, задумалась, и снова побрела, опустив голову. Я стоял у неё на пути. Она взглянула на меня и хотела обойти, но вдруг остановилась. И начала говорить. Она говорила, словно причитала.

«Не знаю, зачем вам всё это говорю, для чего? Я в Храме сколько раз уж молилась... И прощения просила. А легче не делается... И куда мне податься теперь?» («Голоса на обочине. Грешница» — Александр Малиновский).

Недавно я вернулась с Валаама. Ездила с паломниками. Поехала, чтобы легче стало на душе. Но, видимо, не удалось. И сейчас снова и снова возвращаюсь мысленно к этой поездке.

По приезду мы разместились в паломнической гостинице и, оставив вещи, сразу отправились в путешествие по святым местам.

Остров Валаам живописнейшее место старой Финляндии. Расположен на северной оконечности Ладожского озера. Отвесные скалы, покрытые лесом на каменных, громадных уступах. Природа дикая, угрюмая в своей красоте. Всё это завораживает. Но сила этого места в другом. На Валаам едут паломники, чтобы пройти по намоленным местам, прикоснуться к святым реликвиям, а главное — поговорить с Богом.

Погода здесь непредсказуемая. Мы идём в сапогах и дождевиках. В любую минуту может начаться дождь.

Я отстала от группы, прошла по лесной дороге, вдоль которой монахи более ста лет назад высадили сибирские пихты и лиственницы. Не заметила, как забрела на Иегуменское кладбище. Это уникальный уголок природы. Здесь растения привезены со всех уголков России.

Церковь и звонница стоят на пригорке, а внизу, среди деревьев, расположены могилы. Тишина!

Села на скамейку рядом со священником, сопровождавшим нас в поездке, и обратилась к нему:

— Помогите мне. Я хочу понять, как стать смиренной. Я всё время каюсь в отсутствии смирения, но снова наступаю на те же «грабли». Обижаю близких мне людей, рассорилась с друзьями, и нет мира в моей душе. Я обидела подругу, долго не общалась с ней, а недавно узнала, что её больше нет, а я не успела попросить у неё прощения. Как теперь мне с этим жить?

Батюшка открыл наставления отцов Валаамских и прочитал слова Иеросхимонаха Михаила (Питкевича), последнего валаамского старца:

«Никто не спасся без смирения. Помни, что до конца жизни ты будешь впадать в грехи, тяжкие или лёгкие, гневаться, хвастаться, лгать, тщеславиться, обижать других, жадничать. Вот это-то сознание и будет держать тебя в смирении».

Я ничего не смогла ответить. Молча пошла между могилами.

Казалось, каждое надгробие рассказывает свою особенную историю. Здесь не тишина, здесь покой. «Помни последняя твоя, и вовек не согрешишь», — учили святые отцы.

В обратную дорогу Валаам не отпускал нас несколько дней. На Ладоге поднялись волны, а добраться до большой земли можно только на теплоходе до Приозёрска. Остров будто предлагал нам побыть ещё на этой «высокой, горной земле». Тогда я подумала, наверное, я самая большая грешница, и мне надо быть здесь дольше других.

После возвращения домой всё вокруг для меня стало другим. Я приглядывалась к людям, удивлялась происходящим событиям, прислушивалась к словам и понимала, что изменился не мир, а я сама. Я также продолжала впадать в грехи, обижать, хвастаться, жадничать, но помнила слова старца: «Вот это-то сознание и будет держать тебя в смирении».

Сейчас я говорю с вами, а будто встретила свою подругу и уже в который раз прошу у неё прощения. И не слышу ответа.

В автобусе

Мы давно не виделись. Когда-то были почти друзьями, а потом наши пути разошлись. Неожиданной встрече в автобусе оба были рады. Антон, так звали моего давнего знакомого, не дожидаясь вопросов, начал рассказывать о себе. Я слушал, не перебивая, будто проживал вместе с ним непростой период в его судьбе.

Он был уважаемым человеком, занимал высокий пост в другой жизни, в той, в которой я его знал. Тогда была работа, дети и любимая жена. Её не стало неожиданно, в один миг. Антон оказался в одиночестве.

У сыновей давно уже свои семьи. Он не хотел никому мешать, боялся быть лишним и детям, и брату. «Не хочу сидеть на краю кровати в доме брата», — сказал он, и у меня замерла душа от жалости к нему.

Шёл по жизни как одинокий волк. Часто стало щемить в груди, но он не хотел думать об этом. Однажды боль стала невыносимой. В больнице, куда Антон обратился, обнаружили серьёзную болезнь сердца. В родном городе врачи не смогли помочь, но сделали всё, чтобы найти необходимых специалистов в столице.

Завтра уже уезжать. Самолёт рано утром. Домой идти не хотелось. Медленно побрёл по знакомой улице и остановился около церкви. Ноги сами привели его сюда. Никогда не был в ней, только издали любовался на купола. Он не считал себя истинно верующим человеком и шутя говорил, что он православный атеист.

Зашёл, подошёл к иконе и замер, глядя на неё. Не знал, как надо молиться, просить о помощи. Купил свечку, зажёл и зашептал тихо, еле шевеля губами, но ему казалось, что его слышит Тот, к Кому он обращается: «Помоги мне, Господи!»

Операция прошла успешно. Антон был счастлив. Вернувшись домой, купил торт, конфеты, цветы и пошёл в свою клинику к докторам, принимавшим активное участие в его жизни.

Но к нему отнеслись там как к чужому. Медицинским работникам было некогда, они куда-то спешили и не обращали на Антона внимания. «Я только поблагодарить», — опешил он. Его никто не услышал, у всех были свои неотложные дела.

И в этот момент, когда он, ничего не понимающий и растерянный, возвращался домой, мы встретились с ним в автобусе.

Я слушал не перебивая, не задавая вопросов, а он всё говорил, говорил, то ли мне, то ли самому себе, то ли кому-то ещё.

Закончил свой рассказ и посмотрел на меня, словно ожидая ответа.

«Ты не того благодарил», — сказал я. В его глазах промелькнуло удивление.

«Обратись к Тому, у Кого просил о помощи, и Кто через этих врачей спас тебя». Он долго молчал. И вдруг сказал: «Я всё понял, спасибо». И попрощался.

А я представил себе, как всё было дальше.

Антон пришёл домой. Зажёг свечу, купленную в церковной лавке. Из открытого окна подул ветер, пошевелил шторы, по стенам заметались тени.

И вдруг он заплакал. Не знал, что умеет так плакать, горько, взхлёб, глотая солёные слёзы. А они всё текли и текли.

И первый раз в жизни произнёс, будто выплеснул из глубины души: «Слава Богу за всё!» И заплакал ещё сильнее. «Слава Богу за всё! Слава Богу за всё!» — повторял он.

А на столе, сгорая, вместе с ним плакала свеча...

Мне б такого сына

В клинике много людей. Здесь возвращают зрение. Я провождаю друга на операцию и, пока его обследуют, наблюдаю за пациентами. Мужчина привёл жену. А это мама с дочкой. А вот бабушка совсем одна. Я подсаживаюсь к ней, угощаю чаем из термоса.

Как выяснилось, приехала она на операцию по замене хрусталика по квоте. Долго ждала своей очереди, год или больше. У нас завязывается беседа.

— Просила дочку проводить меня в больницу, а ей всё некогда, — рассказывает старушка, — сосед, спасибо ему, довёз меня, а сам пошёл узнать про операцию, про цены. Хочет мать свою сюда привезти.

В это время её сосед беседовал с врачом. Дверь кабинета была приоткрыта, и мы невольно слышали разговор: по квоте слишком долго ждать, мама совсем плохо стала видеть, ей и ходить-то особенно никуда не надо, мы с женой всё принеся, но читать уже совсем не может, буквы сливаются, а она привыкла к книгам, они у неё как друзья. Запишите маму, мы приедем, только очень прошу вас, скажите ей, что операция льготная, бесплатная, а то она не согласится за такие деньги. А я заплачу сколько надо.

— Хорошо иметь богатого сына! — я тихонько отпускаю реплику.

— Что вы, — отвечает моя собеседница, — он не богатый, в трёх местах работает, семья, дети, всех кормить надо,

и маме ещё помогает. Разные они бывают, молодые-то! Как мы с тобой, разные. Я вот старая, а ты ещё ничего! — подмигивает мне неунывающая старушка.

Посмотрели мы друг на друга и одновременно сказали: «Мне б такого сына».

Барсик-Тигрик

Звонит мне сестра из Богородского и говорит:

— Ко мне Тигрик пришёл!

— Какой Тигрик? — удивляюсь я.

— У мамы, помнишь, много лет назад был котик, его Тигриком звали. И вот вчера открываю дверь, а на крыльце сидит котёнок и лапку поднять не может. Наверное, перебили. Худющий и грязный! Отмыла, расчесала бедолагу. А когда высох, оказался полосатым, вот, поэтому и Тигрик. Не знаю, откуда он взялся. Может быть, его выбросили, а на дворе почти зима, скоро снег пойдёт.

Стала я за ним ухаживать, лапку забинтовала, уколы сделала. Как бывшей медсестре мне это нетрудно. Я и своих котов лечила, то глазки заболят, то ушки. И они были благодарны. Когда я болела, не отходили от меня, со всех сторон согревали.

А Тигрика в дом я побоялась пускать, у меня же ещё два котика. Яша и Бельчонок. Между собой они дружны, но третьего в свою компанию не примут. Это я поняла ещё летом, когда чужой кот зашёл в дом и кубарем покатился от Яшиного шипения.

Тигрика я вылечила, откормила. Он стал бегать по двору. А чтобы не замёрз сделала ему в сарае под навесом домик из старого одеяла. Мы подружались, теперь куда я, туда и он! Только он оказался не Тигриком, а Барсиком.

Зашла как-то соседка из дома напротив и узнала приبلудившегося кота. Рассказала, что хозяева уехали на зиму в город, а его то ли оставили, то ли не нашли во время отъезда, так он и стал бездомным. Теперь его дом здесь, но имя своё он возвращать не захотел, так и отзывается на Тигрика.

На скамейке

Я сидел в парке и читал книгу. Вдруг услышал чей-то тихий плач. На мою скамейку присела девушка. Подойти к ней? Что-то меня останавливало.

Однажды на исповеди я спросил священника, почему незнакомые люди часто обращаются ко мне с вопросами или за советами. Я пытаюсь увернуться, но у меня не получается. Батюшка ответил: это потому, что их душа соприкоснулась с твоей и просит о помощи.

Сейчас, вспомнив тот разговор и увидев заплаканные глаза девушки, я молча подсел поближе. Почувствовал, ей надо выговориться. Люба, так звали незнакомку, поведала мне о причине своих слёз.

Подруги делились воспоминаниями о первой любви, а Люба не могла вспомнить свою, значит, её не было. Может быть, она просто не умеет любить. Талант любви даётся не всем. И вдруг сейчас, когда ей уже далеко за тридцать и почти не осталось надежды, наконец-то влюбилась. Полюбила по-настоящему.

Ей казалось, что она смотрит в его глаза, видит ответное чувство и ощущает малейшее движение родной души.

Это состояние было новым и непривычным! Хотелось побыть наедине с собой, пережить всё снова и снова и понять, что происходит с ней. В таких случаях Люба уезжала в святые места и обретала там душевное равновесие.

Она поехала в Дивеево. Там она ещё никогда не была. Удивительно Господь открыл ей этот путь. В разговоре со случайным знакомым она узнала, как можно доехать до Святой обители. Села на поезд до Арзамаса. В купе был только один попутчик. Он, ничего не спрашивая, сказал ей: «Вы едете в Дивеевский монастырь. Будете возвращаться, расскажете о поездке». Она не успела удивиться его словам и ответить. Он лёг, отвернулся и, как ей показалось, сразу уснул.

Рано утром поезд прибыл в Арзамас, соседа по купе уже не было. Села в автобус, и вот она в Храме Серафимо-Ди-

веевского монастыря. Слушает молитвенное пение, а слёзы ручьём текут по лицу. Она их не замечает. Понимает, что так очищается душа.

Встретили её неприветливо, отругали за то, что неправильно подала записки, взяла без разрешения авторучку и не вытерла помаду с губ. Сначала было обидно, но сейчас вместе со слезами приходило осознание того, что так Господь помогает ей уйти от мирских забот. Она с молитвой опустила на колени. Сквозь слёзы смотрела на людей, стоящих на службе, и понимала, что каждый пришёл сюда со своей болью. И, может быть, её надуманные переживания не сравнимы с чьей-то настоящей бедой.

Перед глазами проходили события последних дней. Вот он, нежный, казалось, такой родной и очень необходимый в её жизни. Но это был обман. У него семья, дети. Я не могу разрушать чужую жизнь. Сейчас она ясно это почувствовала.

Вечером вместе с монахинями, проходя по святой Канавке и читая Богородицу, поняла, что ошибалась и видела в любимых глазах лишь своё отражение, которое закрывало пустоту его взгляда.

Это та самая тропа, где прошла Пресвятая Богородица, взяв в удел Себе обитель Дивеевскую. «Кто Канавку с молитвой пройдёт да полтора ста Богородиц прочтёт, тому всё тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев!» — так духовно определил преподобный Серафим Саровский. Проходила с молитвой по валу Канавки, просила у Пречистой заступничества и помощи.

Утром у левого придела Троицкого собора выстроилась очередь к мощам Серафима Саровского. Чужие разговоры мешали сосредоточиться на своих мыслях, и она стала молиться. Вдруг явно прозвучали в её сознании слова святителя Иоанна Златоуста: «Бог всё дал нашей природе в двойном числе: два глаза, два уха, две руки, две ноги... но душу Он дал нам одну, и если мы погубим её, то с чем будем жить?» Приложилась к мощам святого, и будто камень упал с души. Слава Богу за всё!

В обратную дорогу взяла билет на электричку. Села в мягкое кресло и то ли задремала, то ли окунулась в воспоминания. Вдруг очнулась от того, что кто-то трогает её за плечо. Вчерашний попутчик! «Как ваша поездка в Дивеево? Рассказывайте!» — он смотрел на неё так, как смотрит очень близкий, добрый друг. Она заплакала. Эти слёзы были продолжением тех слёз в Храме. И всё ему рассказала. Чем дольше рассказывала, тем легче становилось на душе.

Позже, на вопрос, который она задала своему духовнику: «Откуда взялся этот человек? Почему он дважды возник на моём пути?» — батюшка ответил: «Не почему, а для чего? Надеюсь, ты сама это прочувствовала».

Уже дома Люба в путеводителе христианина по дивеевским святыням прочитала молитву: «Преподобный отче Серафиме! Мысли мои собери, чувства укрепи, стопы направи и в случае надобности добрых людей пошли. По твоей славной обители проводи и всё, что подобает, покажи. Аминь».

И поняла: проговаривая вслух свои переживания случайному попутчику, не ждала от него ответа, а слышала его в своей душе. Наконец-то Люба смогла принять очень важное для себя решение, и благодатная радость наполнила сердце. Смотрела на приобретённую в Дивеево икону Серафима Саровского, и ей казалось, он улыбается и говорит: «Радость моя, Христос Воскресе!» И она успокоилась. Я всё сделала правильно! Этого человека больше не должно быть в моей жизни.

Но сегодня произошло неожиданное. Он, её любимый, позвонил и предложил встретиться. Она не дошла до места встречи совсем немного, ноги отказывались идти, села на мою скамейку и заплакала.

Люба закончила свой рассказ, вытерла слёзы, быстро встала, успев кинуть мне на ходу: «Я не поддамся искушению. Спасибо вам! Рассказывая, я «собрала свои мысли», и «Господь направил мои стопы». Больше я не пойду по тому пути. А любовь у меня ещё будет. Ведь я научилась любить!

В замочную скважину

За окном поезда мелькают поля, леса. Мой попутчик молча пьёт чай и, видимо, думает о чём-то грустном. Я решил разговорить его и спросил: вы домой или из дома? Он ответил, будто продолжил свои мысли.

— У вас бывает такое желание побыть там, где родились?

— Бывает, — отзываюсь я. — Я частенько бываю в родных местах.

— И в доме, где родились, бываете?

— Конечно.

— А я давно не был на родине. Последний раз приезжал, когда ещё там жила мама.

Он допил остывший чай и начал рассказывать.

Говорят, пока мама жива — ты ещё маленький. И неважно, сколько тебе лет. Мама не стало, и ты просыпаешься уже взрослым человеком. Наступает другая эра. Ты остаёшься один на один с внешним миром. И чувствуешь пустоту за спиной.

Я задавался вопросом. Как могла девятилетняя больная женщина быть для меня опорой. Но это было так. Мама будто укрывала от невзгод, питала и давала силы. После её ухода я остался один на один с этим неласковым миром. Рядом были близкие люди, друзья, но я чувствовал себя одиноким.

Прошло два года, и меня потянуло в родные места. Появилась непреодолимая потребность пройтись по знакомым улицам.

Ноги сами привели к дому, где прошло моё детство. Захотелось заглянуть туда, где когда-то было легко и радостно. Туда, где не было забот и так весело пролетали дни.

Вошёл в подъезд, сердце запрыгало в груди. Стены такого же светло-коричневого цвета. Даже надпись на первом этаже осталась: «Таня +Коля». Только время стёрло слово любовь. Я поднялся на лестничную площадку. Та же дверь, но звонок другой. Звоню.

Не сразу отозвались. Видно, кто-то шёл из дальней комнаты.

— Кто там? — прозвучал хриловатый немолодой голос.

— Откройте, мы здесь раньше жили.

За дверью — молчание.

— Глянуть бы одним глазом... — попросил я.

Послышались удаляющиеся шаги. Видимо, хозяин испугался непрошеного гостя. Я начинал ощущать нелепость своей затеи.

И тут неожиданно для себя нагнулся и прильнул к замочной скважине. Увидел в знакомом длинном коридоре другую мебель. Пол был прежним, но на нём стояла чужая обувь. Я даже почувствовал запах новых жильцов. Это уже не наш дом.

«Какой смысл им открывать мне? — подумал я. — У них своя жизнь. Мне ещё повезло: я увидел кусочек своей прежней жизни. Пусть хотя бы так — в замочную скважину!»

3 место

Наталья Руденко

пгт. Зуевка, Донецкая Народная Республика

«Эстафета вечности»

Эссе

*Наша жизнь — путешествие,
идея — путеводитель.*

Виктор Мари Гюго

В 2022 году я приехала со своей ученицей на конкурс в Самару и впервые услышала от экскурсовода об Александре Станиславовиче Малиновском. Мне стало неловко, даже стыдно, что я работаю в культуре и не знаю русских писателей современности. Вернувшись домой, я два раза

перечитала документальную повесть «Радостная встреча» об уникальном художнике-иконописце, Григории Журавлёве из самарского села Утёвка, родившемся без рук и ног и писавшем иконы, держа кисть в зубах. Произведение, написанное от души, с такой искренней любовью к человеку, к православной вере, родине и всему живому, произвело на меня огромное впечатление. В каждом абзаце, в каждой строчке я вижу тесное переплетение прошлого с настоящим. Самарский писатель всем нам дает понять, что нельзя забывать своё историческое наследие, его необходимо бережно хранить и пронести через века, донести до будущего поколения, рассказать о великих людях и о ценностях, которые они создавали.

Для меня образ Григория Журавлёва — это показатель величия духа и победы над бранным телом, истинная любовь к вере православной! «Огромная часть нашего народа неверующая, так вот получилось с нашим обществом. Но я, как и большинство, верю в свой народ, в будущность его. Здесь многое ещё надо понять, но начинается это понимание с бережного, пристального отношения друг к другу. К нашему прошлому и настоящему» (А. С. Малиновский). На моей родной земле идут военные действия, но это не повод жить в неведении и не интересоваться великими людьми земли русской. Два раза в месяц я провожу для детей литературные веранды и читаю им «Приключения трёх смельчаков», «Хромоножку» и другие рассказы Александра Станиславовича Малиновского. В каждом из них мы учимся жить, помогать друг другу и любить свою русскую землю, ибо «в ком нет любви к стране родной, те сердцем нищие калеки» (Т.Г. Шевченко).

Я считаю, что изучать произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, знакомиться с трудами В.Г. Белинского и М.В. Ломоносова — это правильно, но крайне важно переплетать писателей «прошлого» с писателями «настоящего» для того, чтобы подготовить почву для будущего. Именно мы, взрослые, должны обучать подрастающее поколение,

ссылаясь на произведения Малиновского, и приводить примеры из жизни его литературных героев. Да и творческий путь Александра Станиславовича вызывает интерес и уважение. Простой человек с обыкновенного села всего достигает сам: высшее образование, трудовая деятельность, литературное призвание. Кажется, для Малиновского не было преград, он просто жил, любил и верил. Верил в будущее, надеялся на лучшее и трепетно относился к христианству.

«Пока действует вера и человек руководствуется Евангельскими заповедями, в нём сияет духовный разум» (И. Брянчанинов). И это верно. Дела и произведения писателя не напрасны, они имеют веру и не будут мертвы. Его слова можно брать эпитетами для написания учебников по русской литературе, так как во всём звучит высокая одухотворённость. Даже героев детских рассказов он нарекает русскими простыми именами: бобр Боря, тушканчик Тиша, скворушка Серёжа, крот Коля. А как автор описывает животных и природу, он использует только ласкательные слова: «тушканчик», «ёжики», «зеленушка», «скворушка», «красивые птички», «лапки». В каждом предложении витает дух патриотизма, любовь к природе и гордость за свой край. Александр Станиславович на примере животных раскрывает главный смысл литературного произведения: любую мечту можно осуществить, только нужно трудиться и не пренебрегать дружбой.

Мне нравится читать Малиновского, его стиль написания понятен для любой возрастной категории, он не покрывает вуалью, он просто передаёт действительность так, как её видит. К сожалению, я не была в селе Утёвка, не бродила теми тропами, по которым ходил Александр Станиславович, но очень надеюсь, что обязательно приеду и поклонюсь святым мощам Григория Журавлёва, и возложу живые цветы на могилку Великого Писателя современности.

3 место

Ирина Степанова

г. Харцызск, Донецкая Народная Республика

Сквозь призму души

Эссе

*По произведению Александра Малиновского
«Сквозь призму души»*

Творчество Александра Станиславовича Малиновского — это яркий пример того, как литература может служить средством для исследования внутреннего мира человека и его связи с окружающей средой. Тематика «экологии души» пронизывает все его произведения, побуждая читателя задуматься о важности сохранения не только внешней приро-

ды, но и внутреннего мира. В условиях современности, когда многие из нас сталкиваются с вызовами, связанными с психическим здоровьем и эмоциональным состоянием, идеи автора становятся особенно актуальными. Его творчество напоминает нам о необходимости заботы о душе, о поиске гармонии и о том, как важно быть в единстве с природой и самим собой.

Одним из наиболее ярких произведений, иллюстрирующих тематику «экологии души», является рассказ А.С. Малиновского «Сквозь призму души». В этом произведении автор создаёт уникальную атмосферу, позволяющую читателю погрузиться в размышления о внутреннем состоянии.

В произведении «Сквозь призму души» природа выступает не просто фоном для событий, а живым существом, способным отражать внутренние переживания героев. Малиновский описывает пейзажи с такой детализацией и эмоциональной насыщенностью, что они становятся неотъемлемой частью душевного состояния персонажей. Например, когда главный герой оказывается на берегу реки, а чувства переполняют его, и природа вокруг начинает «откликаться» на эти внутренние переживания. Вода, ветер и свет становятся метафорами его эмоций — радости, печали, надежды и сомнений.

Центральным элементом произведения является внутренний конфликт героя, который стремится найти гармонию в мире, полном противоречий. Он осознаёт, что его душа нуждается в очищении, и начинает искать способы восстановить связь с природой и с самим собой. Это стремление к экологии души проявляется в его попытках понять, как внешние обстоятельства влияют на его внутреннее состояние. Малиновский мастерски показывает, как негативные эмоции и стрессы современного мира могут затмить ясность восприятия и привести к душевной опустошённости.

Герой рассказа проходит путь самопознания, который становится ключом к восстановлению внутренней гармонии. Он начинает осознавать важность простых вещей: ти-

шины леса, звуков природы, солнечного света. Эти моменты становятся для него источником вдохновения и силы. Малиновский подчёркивает, что для восстановления экологии души необходимо научиться ценить моменты тишины и покоя, находить радость в простых удовольствиях.

Однако путь к гармонии не всегда прост. Герой сталкивается с давлением общества, которое диктует свои правила и нормы. Малиновский поднимает важные вопросы о том, как социальные установки могут разрушать внутренний мир человека. В этом контексте произведение становится призывом к осознанию значимости внутренней свободы и индивидуальности. Автор показывает, что, только приняв себя и свои чувства, человек может восстановить связь с природой и окружающим миром.

Произведение А.С. Малиновского «Сквозь призму души» является ярким примером того, как литература может служить средством для исследования темы «экологии души». Через образы природы и внутренние переживания героев автор поднимает важные вопросы о гармонии, самопознании и значимости духовных ценностей. В условиях современности, когда многие из нас испытывают стресс и давление общества, идеи Малиновского становятся особенно актуальными. Его творчество напоминает нам о необходимости заботы о душе, о поиске гармонии с природой и самим собой, что является основой для создания полноценной и счастливой жизни.

**Специальные номинации
Оргкомитета конкурса
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2025 года**

Специальная номинация и диплом Оргкомитета

*«За продвижение с. Утёвки
как малой родины Малиновского и Журавлёва
и культурного объекта
познавательного туризма»*

Людмила Чернецова

с. Утёвка, Самарская область

МАЛИНОВСКИЙ

Лирический этюд

Добрый день, дорогой мой читатель! Возможно, ты размышляешь сейчас над тем, куда бы поехать в выходной день, потому как солнце уже явно намекает, что весна где-то совсем рядом и не надо себя останавливать в желании встретиться её по дороге. Потому приглашаю тебя в старинное село Утёвка, что удобно расположилось на юго-востоке Самарской губернии недалеко от федеральной трассы и знаменито тем, что стало родиной многих известных людей. (Ты посмотрел в интернете разные странички... Прочитал: «Утёвка — родина художника Г.Н. Журавлёва» — так называется туристический маршрут». Много чего выставлено про крестьянина-самоучку без рук, без ног, что писал иконы, зажав кисть зубами...)

И вот ты в пути, благо, ехать-то всего час-полтора от областного центра. Вот уже поворот на Утёвку с фотобаннером, на котором изображён храм Святой Троицы; крепкий подсолнух возле маслозавода, юная улица Малиновского с милыми пряничными домиками, затем златоглавая величественная церковь (наверное, та самая, думаешь ты)...

Я встречу тебя на Торговой площади возле основательного здания дома культуры, в котором располагается музей Г.Н. Журавлёва. Но прежде чем подняться по ступеням, заглянем в сквер Малиновского. Зима, а перед тобой яркий луг! Читаешь: «Мне посчастливилось родиться в благословенном лесостепном светоносном крае», — прямо на тебя с фотографии смотрит тот, кто стал ангелом этого места, его талисманом... Он словно приглашает пройтись по цветочному полю, а ты идёшь по тропинке дальше и останавливаешься возле бюста А.С. Малиновского, академика, писателя, исследователя жизни художника Г.Н. Журавлёва. Ты непременно остановишься! Улыбка, пронзительный взгляд невольно завораживают, и ты чувствуешь даже в бронзе, что это начало какой-то непростой истории.... Именно так! В 2024 году в честь 80-летия со дня рождения А.С. Малиновского односельчане заложили сквер, посадив столь любимые им рябинки, поставили бронзовый бюст знаменитому

земляку. А вокруг — удобные лавочки, фонари. Получилось уютное место для отдыха. А ещё новая улица получила имя Малиновского... Она встречает всех, кто въезжает в Утёвку, и встретила тебя!

Ты уже понимаешь, что, рассказывая про художника Журавлёва, невозможно не поведать о писателе, его открывшем. Да, да! Вот так случилось, что после смерти Григория Журавлёва почти полвека о нём не вспоминали, потерялась и могила, и многие работы его кисти, а храм, расписанный с трудом и великим старанием, превратили в зерносклад. Малиновскому досталось время, когда надо было срочно искать работы, документы, родственников — всё, что могло бы рассказать потомкам о подвиге духовном и физическом слабого на вид человека Григория Журавлёва.

...Мы войдём с тобой в музей и прежде всего обратимся к выставке, посвящённой Александру Станиславовичу Малиновскому. Это он вернул Журавлёва всему миру, чтобы люди знали, как надо любить жизнь и тот кусочек земли, где ты родился. «Я любить не устану», — читаю моё любимое стихотворение Малиновского. Оно звучит словно клятва. Не устал! С портрета на стене смотрят на нас тепло и доверчиво родные глаза. Александр Малиновский. Человек, сделавший открытия в области нефтехимии, руководитель крупных заводов, учёный, инженер, писатель, поэт, исследователь жизни... Дорогой друг, как долго ты был рядом, тихие беседы и музыкально-поэтические встречи, работа над проектами, литературные поединки... Культурная среда, что создана тобой, жива и нетленна... А главное, всю жизнь ты писал книгу «Радостная встреча», которая открыла не только мир крестьянского живописца, но и твой собственный, позволила пройти читателю теми дорогами, которые покорились тебе...

...Ты, дорогой путешественник, не можешь не почувствовать созидательную энергию этой личности, её глубину и фантастическую силу воздействия! Даже мимоходом заглянув в музей... Это вселенная. Вселенная по имени Малиновский.

...Мы идём вдоль витрин, присматриваемся, читаем.
Вот о маме трепетно и нежно:

*Мама, бывало, в деревне,
как только начнётся слепой
Дождичек, скажет: «Царевна
Заплакала. Бисер какой
Сыплет над полем. От радости
иль с горя? Попробуй узнай!
Дарит и свет нам, и радугу —
За что это всё? Угадай...»
Мне ныне годков уж немало.
Случится вдруг дождик слепой,
Замрёшь на ходу: вдруг это мама
Плачет на небе. Бисер такой!*

«Наглядеться на тебя мне дай!» — обращается к любимой. «Сторона родная, болен я тобой!» — это тоже признание в любви. Сколько любви в одном человеке!! Может быть, это и есть главное?

Присядь. Побудь в этом пространстве. Я расскажу тебе, как утёвская земля взрастила Гения. Но для этого надо сюда приехать...

Специальная номинация и диплом Оргкомитета

*«За изучение и продвижение творчества
А.С. Малиновского»*

Людмила Авдеева

г. Москва

Вселенная души

Триптих памяти А.С. Малиновского

*Время сейчас пришло такое, хватит уже
разбрасывать камни, пора собирать их.
Гениальное всё так просто.*

А.С. Малиновский

Блаженны чистые сердцем.

Матф. 5:8

1

Люблю людей, в которых стержень есть.
Людей, кто слов на ветер не бросает,
Чья чистая душа, любовь к Отчизне, честь,
Служенье делу гордость вызывают.

Таланливый прозаик и поэт,
Учёный Малиновский Александр
Высоким Словом зажигает свет
В людских сердцах. В литературных жанрах

Он многогранен. Повесть и рассказ,
Роман, стихи... Ему доступно много.
На фото добрый взгляд усталых глаз,
А за спиною длинная дорога.

Он жизнь испробовал на горечь и на мёд.
Он знал «блаженны чистые душою».
Блаженный бескорыстно вас поймёт.
Без барышей вас на ночлег устроит.

Учёный Малиновский твёрдо знал,
Что «гениальное всё просто» и что счастье
В том, чтобы душу твою близкий понимал
И ты бы к людям проявлял участие.

Предвидел, время камни собирать,
Ведь разбросали их уже немало.
Россия, Родина, святое имя Мать —
Вот наших душ священное начало.

Он был простой рабочий, инженер,
Потом доцент, профессор, академик.
А сколько добрых книг и славных дел.
Во имя Родины, а не наград и денег.

Жить «Под открытым небом»* он умел.
И «Встречный ветер»* принимал, как друга.
И «Даль без края»* он в стихах воспел.
Поэт знал цену жизни и разлукам.

Он краевед, изобретатель. Маг
В своей работе на полях науки.
И «Радостная встреча»* — вот формат.
Запомнят книгу правнуки и внуки.

Был Малиновский — автор детских книг,
Что открывали в мир природы двери.
Как лёгок и талантлив его стих,
Где персонажи и герои — звери.

Душа ребёнка — это чистый лист.
Писатель сказками, рассказами, стихами,
Чтоб вырос бы малыш не эгоист,
Любовь внушает к бабушке и к маме,

К семье, к друзьям, к растениям в лесу,
К животным, к небу, к ярким звёздам, к солнцу,
Чтоб искренне сказал малыш: «Люблю» —
Соцветиям сирени под оконцем,

Берёзке, своей плачущей сестре,
Игрушками с друзьями поделился,
Чтоб люди жили на большой Земле,
Где светлый мир навеки воцарился.

Писал он детям добрые стихи.
Любил животных. Мир любил растений.

* Названия произведений А.С. Малиновского.

И разбирался в запахах стихий.
Для всех он интересен поколений:

Для ветеранов, что прошли войну,
Для тех, кто старше был и кто моложе.
Учил поэт людей любить страну,
Чтоб с каждым днём она была дороже.

Чтоб пела бы от радости душа,
Любуясь русским полем, спелой рожью,
Чтоб, разум не теряя, не спеша,
Дорогой верной шли по бездорожью,

Умели выслушать и ближнего понять,
Всегда найти сочувственное слово,
И для того, кто слаб, опорой стать —
Вот «экологии души» основа.

Учил, коль прав, стой твёрдо на своём
И избегай сомнений и бессилья.
Тогда начнётся жизненный подъём.
Тогда судьба дарует людям крылья,

Открытья новые в искусстве и в науке.
Сердца наполнит знаний яркий свет.
Не могут жить без дела наши руки.
Учил людей учёный и поэт.

Глубины мыслей, водопады чувств,
Согласье, близость с матушкой-природой,
Всё может передать язык искусств,
Но основное — мир для всех народов.

Настало время собирать камни.
Щадить не надо сил, вступая в бой
За чистоту души, за вдохновенье,
За Родину и за её покой.

2

Подстёгивает время нас кнутом.
И жить порой бывает очень тяжко.
Но тот, кто в эту жизнь влюблён,
Тот со страной всегда в одной упряжке.

Изобретатель, педагог, поэт.
Обширных знаний кладёзь, души сила.
Трудом создал свой творческий портрет
Сам Малиновский — мудрый сын России.

Он бескорыстной душу сохранил.
Безоблачность в душе — чистота в доме.
Планету он, как отчий дом, любил.
Любил леса, сады, речушки, поле.

Любил деревню и простых людей,
Чья совесть не запятнана, чьё сердце
Бывает часто во сто крат мудрей,
Чья чистота души — другим наследство.

Не требовал ни славы, ни наград.
Был верен дружбе. Никого не предал.
Дарил он людям добрый, мягкий взгляд.
Казалось, он секретом мира ведал.

Он знал, как надо жить, и жить умел.
И твёрдо знал, уже пора настала,
Чтоб камни собирать, чтоб свет горел
В людских сердцах и гордость ликовала

За процветанье Родины — Руси,
Которая очистится от скверны,
Ведь на Руси живут богатыри
И ценится людьми любовь и верность.

Он нам оставил книг своих завет,
Научные статьи, стихотворенья.
Талантливый учёный и поэт.
Был Малиновский — символ вдохновенья.

Прозаик и поэт в одном лице.
Какие строки он оставил детям!
И в небесах, в небесной красоте
Его душа — брильянт в звёздном браслете.

И термин «экология души»
Сегодня стал как символ чистой жизни.
Товарищ мой, коллега, друг, спеши,
Как родники, искать простые мысли,

Что гениальны, придают нам сил
И чище делают и души, и Планету.
Люби Россию, так как он любил.
Поклон Учёному, Прозаику, Поэту.

3

Немало в нашей жизни есть ошибок,
Но всё же до чего она мудра,
Раз требует принять себя без скидок
И приниматься за дела с утра.

Не знала Малиновского живого.
А мы с ним поколения одного.
И мне так близко его пламенное Слово,
В котором слышу правды торжество.

В нём сила и рабочая закваска
Горячей веры в разум, в бытие,
Для Малиновского и малая букашка —
Была с душой, живое существо.

Смотрю в документальном фильме снова:
Он крепко сложен, как его строка,
Как каждое отточенное слово
Его статей, искусного стиха.

Он ощущал простор полей, раздолье
Родной земли, её простой язык.
Звезда Любви горит у изголовья.
А на столе букет алых гвоздик.

А «на окне герань»* опять в цветенье.
Как снег, кружится тополиный пух.
Он знал: жизнь наша — вечное движение.
Ценил природы молодящий дух.

Он постоянно думал о насущном,
Казалось всем, что знал он наперёд,
Планета наша будет — сад цветущий.
Вовек Россию не покинет Бог.

Остановлюсь с утра перед иконой,
О жизни думая и чувствуя покой.
И повесть* та, что так давно знакома,
О Журавлёве снова предо мной.

Без рук и ног сидит иконописец,
Сжимает кисточку не в пальцах, а в зубах.
Икону словно кровью сердца пишет,
Чтобы она жила в сердцах века.

Завидное в нём чувство постоянства.
Он сделал в жизни самый верный ход.
Единство времени сливается с пространством.
Звучит в душе божественный аккорд.

И видится уже без оговорок,
Что сила духа в «экология души».

Понять её спеши, мой молодой потомок,
И веры свежим воздухом дыши,

Как Малиновский. Надо собирать
Раскиданные камни. Уже время
Настало всё по-умному решать
Тебе, пришедшее на смену племя.

Всё Малиновский в книгах описал
Так интересно, тонко, умно, точно,
Чтобы читатель сердцем осознал,
Наша Земля — пороховая бочка.

И надо этот мир и жизнь ценить,
Ценить покой души, людей, природу,
Отчизну, Родину, Отечество любить,
Служить России и служить народу,

Как Малиновский, жизнью и трудом,
И творчеством, и добрым, мудрым сердцем.
Земля родная — всем нам отчий дом,
И Александра Малиновского наследство —

Сокровища его большой души,
Как всё, что гениально, то нетленно.
И голос Истины и Разума звучит,
Чтоб «экология души Вселенной»

Дышала воздухом надежды и любви,
Дышала верой, истинной свободой,
Чтоб строить дальше мир не на крови,
А на содружестве, согласии народов.

Чтобы в духовной чистоте сердец
Жизнь начинало молодое племя.
И поняла Планета наконец:
Для созиданья наступило время!

**Специальная номинация
и диплом Экоклуба «Жизнь»
СамГТУ**

*«За проникновенное понимание взаимосвязи
деятельности человека
и состояния окружающей среды на Земле»*

Владимир Кузин

г. Владимир

Клоака

Рассказ

~ 244 ~

Как только Василий Фёдорович вышел из проходной, ему в лицо ударил свежий холодный ветер. Он глубоко вдохнул и от удовольствия закрыл глаза.

Василий Фёдорович не любил застолий; и потому, выпив два фужера шампанского и сразу захмелев (поскольку пил он вообще мало и его организм к спиртному не привык), главный конструктор не стал более утруждать себя присутствием среди высокого начальства и миловидных дам и решил немного прогуляться. А заодно посмотреть на своё детище со стороны. Именно, как он полагал, своё; ибо основную роль в создании химического комбината, пуск очередной линии которого был назначен на сегодня, он отводил себе. Ведь это в его голове родилась грандиозная идея, впоследствии воплощённая в реальность. А лавры... что ж, пускай на них почивают правительственные и областные чины, под «чутким руководством» которых, как они, наверное, считают, и был возведён данный объект. Его, главного конструктора, это нисколько не огорчало. Он был воспитан в семье, презиравшей потребительскую мораль и всякого рода похвалу. А потому всевозможные премии и почести его абсолютно не прельщали. Василия Фёдоровича радовало другое: он в очередной раз выполнил перед людьми свой долг — возвёл оснащённое современным оборудованием промышленное предприятие. На этот раз — по получению нового вида поролонa, позволяющего создать мягкую мебель более высокого качества и долговечности. А по большому счёту (и этим главный конструктор гордился прежде всего) — улучшить характер людей и морально-нравственный климат в обществе. Василий Фёдорович рассуждал так: усядется гражданин, например, после тяжёлого трудового дня в мягкое удобное кресло, хорошенько отдохнёт — вот уже и прекрасное настроение у него, и улыбка на лице при разговоре с окружающими. А те ему в ответ тоже улыбнутся — и мир и покой в семье или коллективе обеспечены! «Почему, в отличие от людей, — думал он, — дикие звери такие злые? Да потому, что живут в холодных сырых норах и спят на

жёстком грунте... Нет, вовсе не труд, как нас когда-то учили, превратил обезьяну в человека, — он лишь сделал её более рассудительной, — а именно уют и комфорт, кои умягчили её животный нрав, позволили ощутить радость жизни...»

Главный конструктор окинул взглядом здание управления комбината, и сердце его сладко заняло: блестящая металлическая крыша, светлые окна, оббитые белыми пластиковыми реечками стены. Красота! А дальше — массивные корпуса цехов. И всё это было воплощением именно его, Василия Фёдоровича, идеи, его мечты...

Он обошёл предприятие сбоку, по-хозяйски деловито осмотрел складские помещения и подсобки... Подошёл к тому месту, где из нижней части здания основного производственного цеха выступала выкрашенная в чёрный цвет металлическая труба для слива промышленных отходов — «клоака», как он шутливо её называл, всматриваясь в контур трубы ещё на чертежах в своём КБ. Василий Фёдорович посмотрел на часы: до пуска линии оставалось двадцать пять минут, ещё было время немного расслабиться и подышать воздухом. Правда, солнце зашло за тучу, стало темновато, и начал моросить мелкий дождик. Но ведь сегодня это были мелочи...

Главный конструктор забрался на трубу и осторожно, раскинув руки в стороны, зашагал по ней вперёд. Приблизившись к краю, он присел на корточки и провёл пальцами по внутренней поверхности трубы. Поднёс их к носу, поморщился. Василия Фёдоровича беспокоило, достаточная ли толщина антикоррозийного слоя была им предусмотрена. Но ржавчины не было. «Сто лет прослужит», — успокоился главный конструктор, ласково похлопал «клоаку» ладонью; затем выпрямился во весь рост и неожиданно для самого себя отбил чечётку, которую очень любил. «Ну и шампанское, — тут же удивился Василий Фёдорович, — надо же, как стукнуло по мозгам!» А едва он пустился впрыскаду (да и было отчего: всё в его жизни шло замечательно — любимая работа, хороший заработок, жена с детьми неплохо устрое-

ны), как вдруг при развороте его правый ботинок скользнул по мокрой от дождя поверхности трубы; и главный конструктор, не удержав равновесия, упал с неё и скатился по глинистому склону оврага до самого его дна...

Первое, что он сразу сделал, поднявшись на ноги, это прыснул со смеху:

— Самый что ни на есть алкаш! Надо же до такой степени напиться!

Он вытер руки о сухую траву и оглянулся, однако темнота полностью скрывала от него окружающее. Виднелись лишь покосившиеся на склоне силуэты деревьев и редких кустарников.

Василий Фёдорович взглянул вверх: с высоты семи-восьми метров на него злобеще смотрела «клоака». «Спасибо, родная, удружила», — подумал он.

— Эй, есть кто-нибудь наверху?! — крикнул главный конструктор, вспомнив, что возле одного из складов видел двух рабочих. Но никто не отозвался.

«Ну и вонища, — мелькнуло у него в голове, — так долго и отравиться...» И, придерживаясь за сучья и камни, он двинулся по направлению к не очень крутому месту на склоне, по которому рассчитывал выбраться наверх.

Внезапно наступил на что-то упругое. Протянул руку вниз и нащупал пальцами вязкий и сырой сгусток. Поднёс его к глазам; но поскольку во мраке ничего нельзя было разглядеть, осторожно понюхал... и отпрянул: мертвечина. «Уж не трупы ли своих жертв или их «фрагменты» сюда сваливает мафия? — мелькнуло в его воспалённом воображении (Василий Фёдорович насмотрелся боевиков с подобными элементами сюжета в огромном количестве). — А что, место гиблое. Пока милиция раскопчегарится и надумает сюда заглянуть. А тут я со своими отпечатками пальцев! Чёрт! Ещё не хватало вляпаться в историю!»

И Василий Фёдорович двинулся вперёд значительно быстрее... Но неожиданно раздавшийся откуда-то слева прерывистый писк и еле уловимый шорох заставили его застыть

на месте и обернуться. Подозрительные звуки повторились. Однако среди зарослей в темноте рассмотреть что-либо было невозможно. «Лешака да бабу-ягу, кого же ещё здесь встретишь?» — мелькнуло у главного конструктора в голове. И, с опаской поглядывая на кусты, откуда был слышен писк, Василий Фёдорович поспешил дальше.

Внезапно на его лицо налипло что-то мягкое и шершавое. «Паутина!» — пронеслось у него в голове. Василий Фёдорович с детства боялся пауков и сейчас даже вскрикнул, и принялся стряхивать руками со своего лица эту мерзость. «Тут её, наверное, тьма!» — в ужасе подумал он. И в этот момент из-за тучи выглянуло солнышко.

Едва оранжевый луч проник сквозь кроны деревьев в овраг, Василий Фёдорович с ужасной гримасой на лице взглянул прямо перед собой: нет, это была не паутина, а склеенные грязью сухие листья, свисающие с небольшого деревца. Главный конструктор облегчённо вздохнул, но тут же опять вздрогнул: вокруг себя и там, откуда он шёл, лежало несколько трупиков крохотных птичек, въевшихся в ил. Вероятно, на один из них он несколько минут назад и наступил... Брезгливо поморщившись, Василий Фёдорович сплюнул и сделал было шаг по направлению к тропинке, которую увидел на склоне оврага, как вдруг сзади него раздались всё те же шорох и писк. Теперь, при выглянувшем солнышке, место, откуда они доносились, было видно намного лучше; и главный конструктор, с трудом ступая в вязкой грязи, подошёл к нему, раздвинул траву и... остолбенел: в тесной земляной норе, нахохлившись, сидела большая белая чайка — вся облепленная засохшей грязью. Раскрыв клюв и тяжело дыша, она постоянно закатывала и вновь открывала глаза. А возле неё пищал птенец, барахтая крохотными крылышками и стараясь выбраться из густой, смешанной с илом травы, опутавшей его лапки.

Василий Фёдорович выпрямился, тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от наваждения... Затем опять нагнулся и глянул на птенца. Тот замолчал и, распушив свои

крылышки, с которых стекала тёмная жижа, раскрыл клюв и замер.

— Вы откуда здесь взялись? С неба свалились? — недоумённо разглядывал пернатых Василий Фёдорович.

Птенец, казалось, тоже с удивлением посматривал на появившееся перед ним существо. А едва главный конструктор протянул к нему свою руку, он так больно ущипнул клювом его палец, что мужчина охнул. Затем быстро обсосал больное место и сплюнул.

— Мерзавец! — в сердцах бросил Василий Фёдорович. — Ну и сиди тут! Сейчас отсюда, — он кивнул на край трубы, торчавшей сверху из земляного вала, — так брызнет, что мало не покажется!

И сделал несколько шагов по направлению к склону... Но, остановившись, вздохнул и вернулся к норе. Наклонился. Птенец широко раскрытыми глазами смотрел на человека.

— Чего ты клюёшься? Я тебя режу?

И Василий Фёдорович вновь предпринял попытку взять птенца. Однако тот часто замахал крылышками, кое-как выпутался из тины и, подскочив к чайке — вероятно, своей мамаше, — юркнул под её крыло, и высунул оттуда свою голову. С минуту они настороженно смотрели на человека — больная и измождённая птица и маленький птенчик — ещё полный сил, но худой, как скелет...

— Пойми, глупыш, — снова обратился к птенцу Василий Фёдорович, — твоя мамка тебя уже не прокормит, она сама чуть живая. Давай я тебя из этой помойки вытащу. А, желторотый?

И он опять протянул к пернатым руку. Птенец угрожающе раскрыл клюв. А когда Василий Фёдорович собрался с духом и всё-таки схватил того за хохолок, он так запищал, что в свою очередь загоготала его мамаша, — видимо, не смотря на свою крайнюю слабость, материнский инстинкт в ней ещё не угас. Однако тут же она снова закатила глаза и нахохлилась, тяжело дыша. Василий Фёдорович вытащил

кричащего «желторотика» из норы, легонько сжал его в правой руке, а левой ласково погладил птенца по макушке:

— Успокойся, ну...

Тот попытался ущипнуть человека за палец, однако на этот раз главный конструктор был готов к этому и вовремя отдёрнул руку.

— Сиди смирно! — прикрикнул он на птенца.

Вынул из кармана горсть семечек, которые обожал с детства и почти всегда имел при себе, разгрыз несколько из них и поднёс «желторотому»:

— На-ка, поешь...

Однако птенец опять затрепыхался. Тогда Василий Фёдорович раскрыл ему клюв и сунул туда ядрышко семечки. Тот завертел головой, задвигал клювом и проглотил угощение.

— Не любишь, когда насильно? Но иначе нельзя — помирёшь с голоду. Только вот водички, брат, извини, у меня пока нет...

Он огляделся, нашёл глазами всё ту же тропинку, ведущую по склону наверх, и сделал несколько шагов по направлению к ней. Внезапно птенец резко рванулся и едва не выскочил из руки Василия Фёдоровича, который успел схватить его за лапку. Тут же заметил на ней кровоточащую ссадину.

— Тьфу! — чуть не выругался он. — Ещё этого не хватало... Да не дёргайся ты, глупый! Получишь заражение крови — узнаешь, где раки зимуют.

Он крепко сжал птенца в правой руке, а левой вынул из кармана пиджака носовой платок, зубами и свободной рукой разорвал его и обтёр им кровь с лапки «желторотика». Затем, еле сдерживая трепыхающегося птенца, поднявшего неистовый крик, он обмотал его ранку и осторожно завязал её на слабый узелок.

— И нечего орать! Для тебя же стараюсь!..

Тут же посмотрел на часы и ахнул.

— Тикаем! Иначе искупаемся в такой гадости, что не приведи Господь! Уж я-то знаю!..

И главный конструктор стал быстро взбираться по склону оврага, цепляясь за ветки деревьев и кустарников. Однако, взявшись за одну из них, не удержался на ногах и упал, чуть не раздавив собой «желторотого». Встал, осмотрелся. Оказалось, в спешке он ухватился за веточку птичьего гнезда. Вернее, того, что от него осталось, — кучки сухих, торчавших в разные стороны прутьев. А дальше Василий Фёдорович увидел ещё с десятков таких же обвисших «гнёзд». «Вероятно, где-то неподалёку был небольшой водоём и на этом склоне поселилось несколько птичьих семейств, — подумал он, — но затем тут поработал бульдозер, расчищая место под строительство... Взрослые птицы, скорее всего, покинули свои жилища, а птенцы попадали из гнёзд, после чего стоки комбината довершили дело...»

Он взялся за ствол дерева и только тут разглядел в нескольких его местах белизну. «Когда-то это было красивой берёзкой», — мелькнуло у него в голове.

«Желторотик» в его руке притих.

«Поди-ка устал от волнения и писка», — подумал Василий Фёдорович. Он почувствовал ладонью остренькие коготки птенца, частое биение его сердечка... и ощутил в своей душе давно забытые им, «технарём», чувства умиления и нежности... И вместе с тем — неописуемой жалости к несчастному птенцу. «Что хорошего видел бедолага с самого своего рождения? — подумал Василий Фёдорович. — Только грязь и мрак...»

Он остановился, чтобы передохнуть. Поднёс птенца к лицу. Тот слегка раскрыл клюв — то ли от страха, то ли от жажды. И глянул на Василия Фёдоровича своими влажными выпуклыми глазёнками. Казалось, он пытался поверить в то, что человек не причинит ему вреда...

— Держись, братишка, — подмигнул ему главный конструктор. — Осталось чуть-чуть...

И тут совсем рядом раздался такой оглушительный рёв, что земля под ногами Василия Фёдоровича задрожала. Он машинально схватился за сучок, разжав руки, и птенец упал наземь. Запищав, тут же кинулся вниз по склону.

— Назад! — громко крикнул Василий Фёдорович. — Куда ты, бестолочь?!

Цепляясь за ветки и постоянно жмурясь, чтоб они не ткнули ему в глаза, он ринулся за «желторотым». Однако спускаться было намного труднее, чем подниматься, поскольку верхняя часть склона освещалась солнцем намного лучше нижней...

Он быстро соскочил вниз и, услышав сбоку шорох, ринулся туда, снова утопая в вязкой грязи. От ужасного смрада его начинало тошнить. Он огляделся, но птенца нигде не было.

Тогда он бросился к гнезду, где укрывалась чайка. Наклонился.

«Желторотый» прижался к мамке, которая уже повалилась набок, и тяжело дышал.

— Иди сюда, живо! — скомандовал Василий Фёдорович. И протянул к нему руку. Птенец пискнул и клюнул главного конструктора в палец за прежнее место.

— Дурачок, — отдёргнул руку Василий Фёдорович. — Если ты останешься здесь, то прямо сейчас погибнешь — и это в лучшем случае! А в худшем — будешь медленно умирать от отравления и удушья!

Но на повторную попытку схватить птенца тот опять угрожающе раскрыл клюв. И вдруг, резко навалившись на сгусток травы и тины, проделал в нём дыру и шмыгнул вглубь норы.

Как ни старался Василий Фёдорович, но дотянуться до него не мог.

Командный тон главного конструктора моментально пропал.

— «Желторотик»... Миленький... — чуть не плача, водил он рукой в норе, уже нисколько не боясь вляпаться в паутину или того, что птенец может тяпнуть его за палец. — Где ты, малыш?.. Отзовись...

А когда внезапно совсем рядом забулькало, Василий Фёдорович вскочил на ноги и бросился вверх по склону...

Он продирался сквозь сучья и ветви, почти не ощущая, как они царапают ему лицо и шею... Выбравшись наверх, он с трудом отдышался... Затем приник к краю оврага и услышал оттуда глухое клочкотание, сопровождавшееся нарастанием резкой вони, и... где-то в глубине... совсем слабый писк...

Василий Фёдорович с силой зажал уши ладонями и зажмурился, хотя прекрасно понимал, что всё равно был не в состоянии разглядеть, что творилось внизу... А когда минут через пять он открыл глаза и опустил руки, гул уже прекратился.

В овраге было тихо, лишь изредка раздавалось глухое бульканье...

Зато из ярко освещённого окна второго этажа главного корпуса внезапно донеслась громкая музыка, и Василий Фёдорович увидел в нём пляшущих людей: руководящий персонал комбината и высокие чиновники продолжали отмечать пуск новой технологической линии.

Они дёргались, будто находясь под высоким напряжением, вертя головами взад-вперёд и широко размахивая руками. Из откупоренной кем-то очередной бутылки шампанского брызнула пена.

«Довольны, что осчастливили свои задницы мягкими табуретками», — подумал Василий Фёдорович.

Он присел на трухлявый пенёк и опустил голову...

Содержание

Николай Иванов. Движение Души. Вступительная статья	3
Александр Громов. Об организаторах, участниках, членах жюри и прочих ангелах	6
Члены жюри о конкурсе.....	10
Александр Станиславович Малиновский. Рассказы. <i>Из книги «Голоса на обочине»</i>	15

Лауреаты конкурса «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ» 2025 года.

Номинация «Проза».

Возрастная категория старше 35 лет

Тамара Крюкова. Обещание. <i>Рассказ</i>	24
Елена Гофман. Льды. <i>Рассказ</i>	49
Алла Мелентьева. Невидимый сад. <i>Рассказ</i>	61
Анатолий Дудник. К родным и близким. <i>Рассказ</i>	69
Надежда Косолапкина. Правда, дед! <i>Рассказ</i>	77

Лауреаты конкурса «Экология души» 2025 года.

Номинация «Поэзия».

Возрастная категория старше 35 лет

Сергей Еремеев. <i>Стихи</i>	88
Ольга Кручинина. <i>Стихи</i>	93
Пётр Исаков. <i>Стихи</i>	96
Николай Прохоров. <i>Стихи</i>	100
Анна Звёздкина. <i>Стихи</i>	104

Лауреаты конкурса «Экология души» 2025 года.

Номинация «Проза».

Возрастная категория от 15 до 35 лет

Сергей Понеделко. Тролль. <i>Рассказ</i>	110
Марианна Дударева. Фрески. <i>Культурологическая проза</i> ..	122
Таисия Летунова. Я видел её на похоронах. <i>Рассказ</i>	131
Диана Федорович. Время любоваться птицами. <i>Рассказ</i> ...	149
Марина Неустроева. Береги землю, и она сбережёт тебя. Береги душу, и она осветит твой путь. <i>Рассказ</i>	174

Лауреаты конкурса «Экология души» 2025 года.

Номинация «Поэзия».

Возрастная категория от 15 до 35 лет

Александр Страшинский. <i>Стихи</i>	186
Михаил Серебринский. <i>Стихи</i>	188
Полина Ярыгина. <i>Стихи</i>	192
Марта Ломако. <i>Стихи</i>	194
Мария Шапошникова. <i>Стихи</i>	197

Лауреаты конкурса «Экология души» 2025 года.

Номинация «Эссе»

Татьяна Шахлевич. Удивляться душа не устала.....	200
Антонина Павлова. В какую эпоху мы живём?.....	207
Ирина Владимирова. Голоса на обочине годы спустя.....	213
Наталья Руденко. «Эстафета вечности»	225
Ирина Степанова. Сквозь призму души.....	228

**Специальные номинации Оргкомитета конкурса
«Экология души» 2025 года**

Людмила Чернецова. Малиновский. <i>Лирический этюд</i> ..	232
Людмила Авдеева. Вселенная души. <i>Триптих</i>	236
Владимир Кузин. Клоака. <i>Рассказ</i>	244

ЭКОЛОГИЯ ДУШИ

Литературный сборник

*Работы лауреатов и участников
Всероссийского литературного Конкурса
на основе творчества
Александра Станиславовича Малиновского*

Корректурa — Алексей Сыромятников

Оформление обложки — Виктория Лисина

Издание подготовлено
Самарской областной писательской организацией
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон: (846) 333-48-01

Подписано в печать 12.05.2025. Формат издания 84х108/₃₂.

Объём 13,44 печ.л. Гарнитура Minion Pro.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Полиграфия».
443110, Самарская область, Самара, ул. Мичурина, 80, оф. 3.
Тел.: (846) 279-02-82.

ISBN: 978-5-9038-0092-9

9 785993 800929